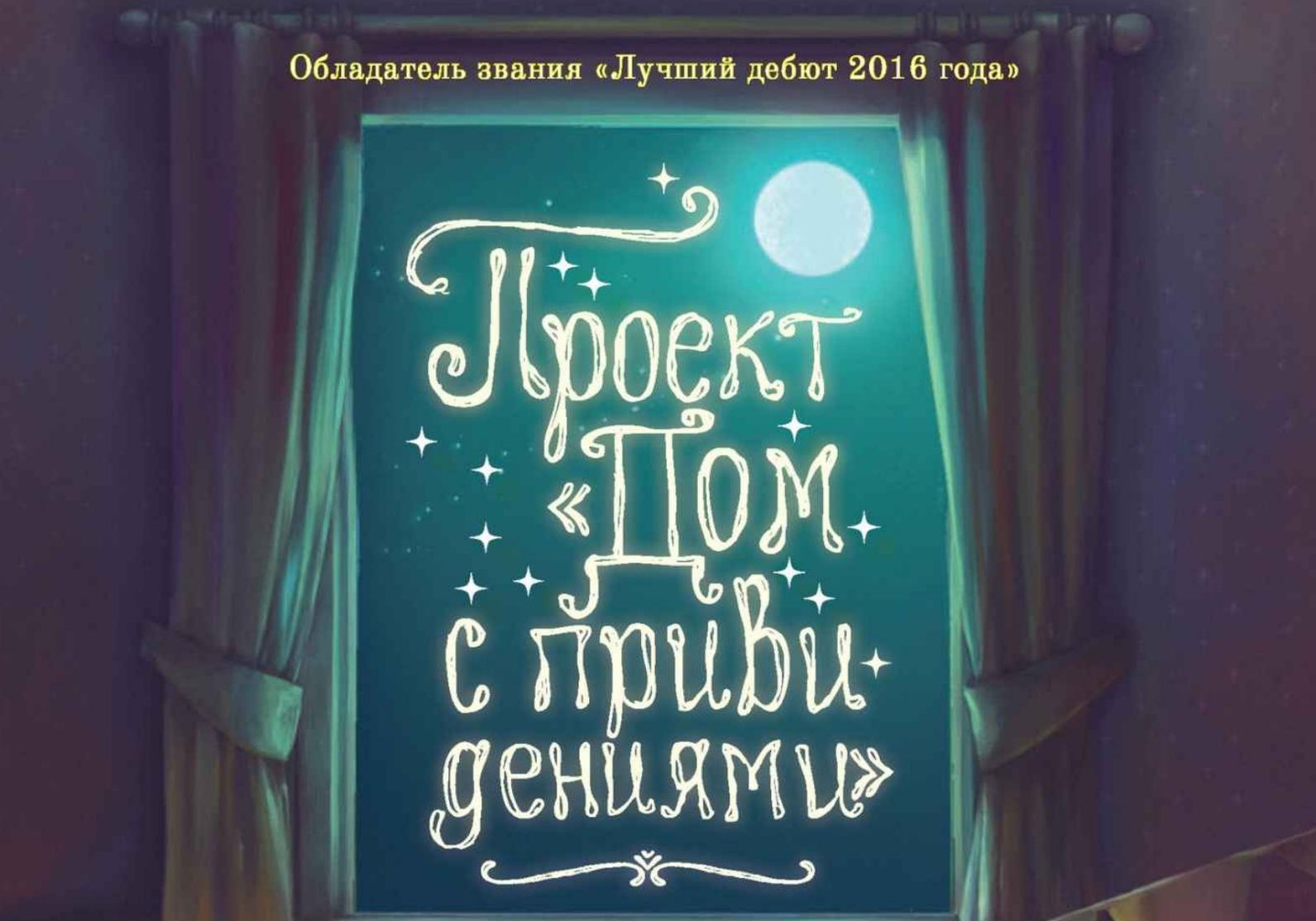
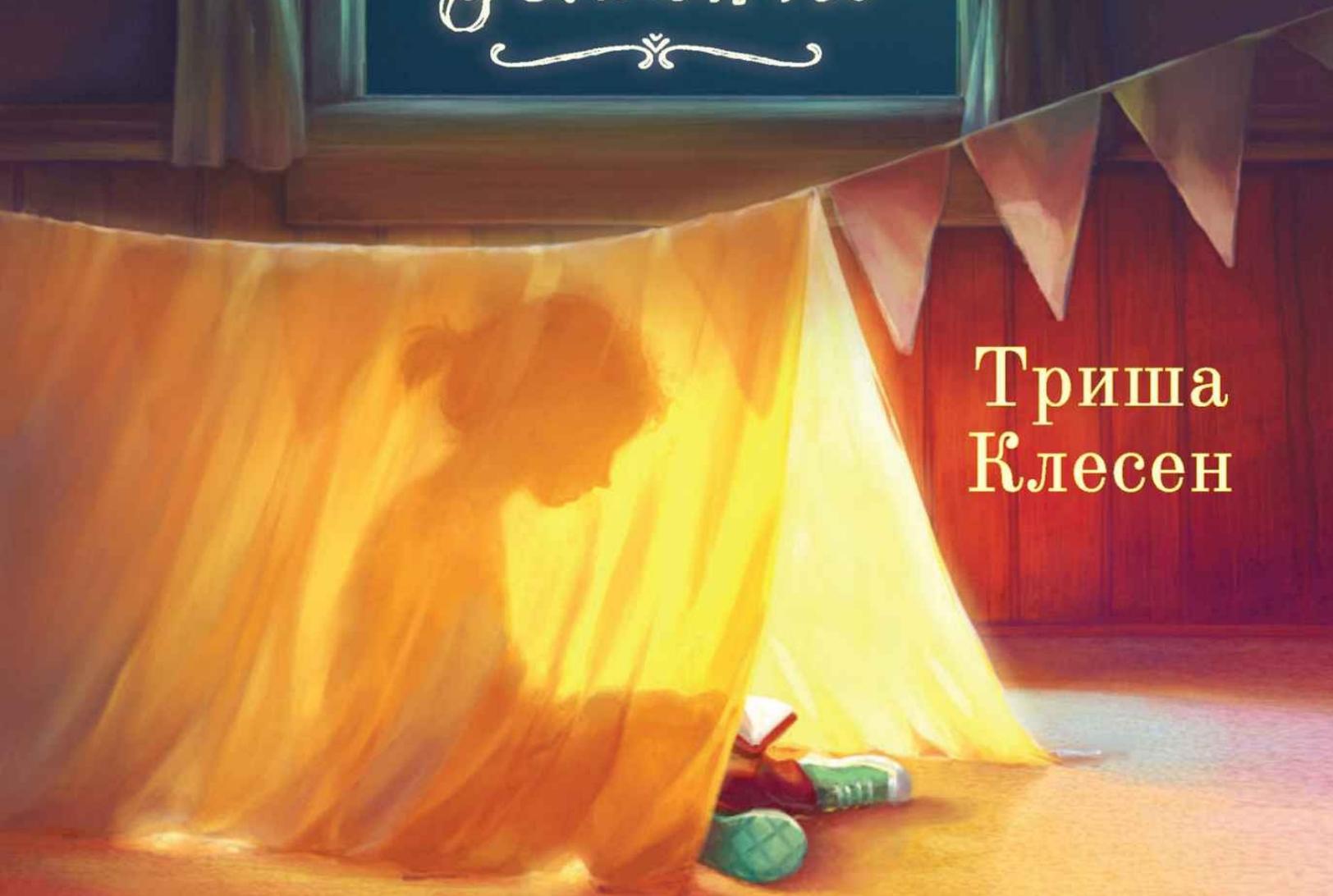

Обладатель звания «Лучший дебют 2016 года»

Проект
«Дом
с приви-
денциями»

Триша
Клесен

Триша Клесен

Проект «Дом с привидениями»

Copyright © 2016 by Tricia Clasen.

All rights reserved

Jacket design by Georgia Morrissey

Jacket illustration by Sean Hayden

© Тихонова А. А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний "РИПОЛ классик", 2018

*Посвящается Грэйс и Фэйт
Я учила вас верить
в мечту и пока вы росли,
вспомнила о своей*

Глава первая

Я трижды постучала и прислонилась к двери: не слышен ли за ней шорох одеяла или тихие шаги? Нет, ни звука. Я приоткрыла дверь, заглянула в комнату и крикнула сестре:

– Пейдж, пора вставать!

– Отстань, Энди, – ответила сестрица с тяжелым вздохом. Правда, одеяло отбросила, а это хороший знак.

Я вернулась в коридор, но дверь оставила открытой.

Пейдж уже семнадцать – она на целых четыре года меня старше, но при этом бужу ее всегда я. Раньше все было не так. Пейдж успевала сходить в душ, высушить свои чудесные каштановые волосы и накрасить губы блеском, пока я валялась в постели. Она силой вытаскивала меня из-под одеяла и волокла за собой на кухню. Там я торопливо уминала яичницу, а она ласково хлопала меня по голове, неспешно проходя мимо. Теперь Пейдж с трудом разлепляет глаза, натягивает первые попавшиеся джинсы, которые валяются на полу у кровати, и убирает волосы в хвостик.

Впрочем, за этот год многое изменилось.

Я подошла к двери в папину спальню. Порой мне кажется, что там все еще пахнет *ею*. Сейчас я не отказалась бы даже от намека на аромат ее спрея для тела, который напоминал мне о тропических островах. Я глубоко вдохнула, но ничего не почувствовала. Наверное, это к лучшему. Даже если я уловлю этот запах, то сразу пойму, что сама его себе вообразила. Потому что ее больше нет.

Нам сказали, что она сама не поняла, что произошло. Ни боли, ни жизни, пролетающей перед глазами, – ничего. Просто раз – и ее нет. И это якобы к лучшему. А я вот в этом не уверена. Маме нравилось держать все под контролем. Она вполне могла бы поспорить с судьбой. Вот только с грузовиком, который мчится на тебя со скоростью семьдесят миль в час, особо не побеседуешь. Хотя если бы кто и умудрился это повернуть, то только моя мама.

Даже сейчас мне слышится ее сердитый голос: «Ну что ты делаешь? Нет, мне некогда обниматься. У меня уйма дел! Ну же, шевелись!» Так она выгоняла нас по утрам в школу. Кто бы мог подумать, что я буду скучать по ее ворчанию? Или по крикам? Но теперь я бы все отдала хотя бы за одно «Энди, скорее!» или даже «Хватит упрячиться! Полезай в машину. Ну же,

шевелись!».

С другой стороны, понимать, что вот-вот умрешь, ничем не лучше. Это было бы несправедливо по отношению к маме. В свою последнюю минуту она думала бы о том, какая страшная буря разразится в нашей семье и сколько всевозможной дряни она на меня обрушит. Маме бы точно этого не хотелось.

Я даже не подумала стучать в папину дверь. Не факт, что он вообще дома. И все равно он не проснется, даже если сыграть на барабанах рядом с его кроватью. Папа всегда крепко спал, а теперь, когда он взял в привычку сидеть допоздна в казино и заливать свое горе, его стало вовсе не добудиться. Мы с Пейдж старались ему помочь, чтобы он не опаздывал на работу или, того хуже, не прогуливал ее вовсе. Но после того, как папа потерял второе по счету место, я сдалась. У меня хватало своих забот.

В школу я собралась быстро, потому что несколько месяцев назад коротко остригла волосы. Они не такого насыщенно-каштанового цвета, как у Пейдж, и длинными, наверное, смотрелись лучше. Зато теперь с ними нет никакой возни, как и с джинсами и простой серой футболкой, которую я на себя натянула. Теперь я успею прочитать еще одну историю до завтрака.

Мне всегда нравились рассказы о привидениях. Только это громко сказано. Я любила читать дурацкие страшилки, от которых мурашки по коже, и детективы про кошку-призрака. Но это в прошлом. Теперь я увлекаюсь историями о паранормальном. Нахожу их в Интернете. Прочла уже немерено и могу сказать, что большинство из них скучные и, без сомнения, лживые, но остановиться просто невозможно.

Я быстро просмотрела новые записи на форуме. «Мой спиритический сеанс». Таких тут много. «Ко мне обратился сам дьявол». Я закатила глаза.

Тут у меня перехватило дыхание, а сердце бешено застучало в груди.

Дрожащей рукой я щелкнула на «Меня навестила мама?».

«Прошлой ночью мы с сыном сидели перед телевизором и смотрели старые семейные записи. Я хотела показать ему свою маму, и первое видео с ней, которое попало нам под руку, оказалось снято на Хеллоуин, когда мне было лет одиннадцать. Я нарядилась ведьмой и упрашивала маму скорее пойти за конфетками. На видео раздался звонок в дверь. Мама открыла девочкам в нарядах принцесс и подала им угощение. Я нажала на паузу и рассказала сыну о том, как мама шила мне костюм ведьмы. Вдруг в дверь позвонили. Я подбежала ко входу, распахнула ее – никого. Ни убегающих детишек, ни подброшенных проказниками „вонючих

мин“ на крыльце. У меня по коже пробежал холодок. Я вернулась в гостиную и сняла видео с паузы. На нем мы с мамой уже шли по улице. Камера выхватила меня крупным планом, и маленькая я нажала на дверной звонок. Я выкрикнула: „Угощение или жизнь“, а мама дружелюбно помахала нашим соседям. В эту же минуту раздался звонок в дверь – уже не на видео.

Ее нет с нами вот уже десять лет, но, быть может, мама хотела показать нам, что она все еще рядом. Как знать?»

Рассказ – полная чушь, но мне все равно завидно. Я бы все отдала за призрачный звонок в дверь. Расстроившись, я закрыла страницу и спустилась на первый этаж.

Я несколько раз перепроверила все шкафчики и тумбочки на кухне. Можно было бы позавтракать консервированным горошком, но меня от него тошнит, а сколько он здесь стоит – и представить страшно. В последнее время дома редко появляются овощи. Я достала пакет из хлебницы. В нем лежали мятый кусок и корка белого хлеба. Принюхалась: плесенью они не пахнут. Закинув их в тостер, я открыла холодильник и оглядела содержимое в поисках масла. Масла я не нашла, зато остатков джема мне хватит по крайней мере на один тост. К моему удивлению, в холодильнике обнаружилось еще и молоко. Я открыла крышку, и кислая вонь защипала мне ноздри. Пришлось вылить его в раковину, зажав нос рукой.

На кухню тенью проскользнула Пейдж с привычно опухшими от недосыпа и горя глазами. Она села за стол и подперла рукой голову. Я бросила ей половину тоста, и она тут же его надкусила.

Я медленно подошла к сестре, словно к бродячей собаке. Вообще она смирная, но может неожиданно сорваться.

– Слушай, Пейдж, – неуверенно начала я. – У меня кончились деньги на школьные обеды. В столовой уже об этом знают. Меня не будут кормить горячими обедами, пока мы их не оплатим.

Сестра вздохнула и почесала затылок:

– У меня нет ни цента. Я получу зарплату только в пятницу.

Пейдж замолчала, но я понимала, о чем она думает. Даже тогда на обеды денег не хватит. Ей еще надо заправить машину и погасить хотя бы часть долгов за электричество. Я же видела конверт с большими красными буквами. Пейдж не виновата. Я прекрасно это понимаю, но все равно на нее сержусь.

– Ну и чем мне тогда обедать? У нас ничего нет. Да что со всеми не так

в этом доме?!

Я с громким топотом подошла к раковине и открыла кран, чтобы уничтожить оставшийся тухлый запах молока. Хотя на самом деле хотела избавиться вовсе не от вони.

Теперь я сержусь еще и на себя. Пейдж тяжело и без моих капризов.

– Прости, Энди, – ответила она бесцветным голосом. – Я постараюсь взять еще одну смену на этой неделе.

Я взглянула на пустой пакет из-под хлеба. Зря я поджарила тост. Проще взять с собой в школу кусок хлеба с джемом, чем банку консервированного горошка.

– Как думаешь... – Я осеклась. О папе мы стараемся не разговаривать. – Ну, как думаешь, у него есть деньги?

Пейдж пожала плечами:

– Можешь разбудить его и спросить.

Я закрыла глаза. Помню, как раньше мы с сестрой забирались к родителям на кровать по воскресеньям, хихикали и толкались. Папа делал вид, что еще не проснулся, наигранно храпел, а потом резко подпрыгивал и принимался нас щекотать. Теперь, когда мы пытаемся его разбудить, он либо ворчит, либо ругается, либо бросается тапками в дверь. К тому же, будь у него деньги, он бы уже их потратил. Я слышала, как Пейдж на него ругается за то, что он все спускает в казино. Все, что оставила мама, а это не так уж и много. К счастью, большую часть папа внес за дом, так что забрать его не смогут. Если бы нам пришлось переехать, у меня пропала бы всякая надежда уловить витающий в воздухе мамин тропический запах. На нас с сестрой открыты два личных счета, но мы не сможем брать с них деньги, пока нам не исполнится восемнадцать. Пейдж осталось ждать всего четыре месяца, и я побаиваюсь, что она уйдет от нас в тот же день.

Так что я стараюсь не действовать ей на нервы.

– Нет уж, – вздыхаю я в ответ на предложение сестры.

– Я пойду проверю все свои джинсы. Может, в карманах найдется мелочь тебе на обед.

Я покачала головой:

– Забудь. Я что-нибудь придумаю.

– Извини, – повторила Пейдж.

Я отвернулась, чтобы сестра не заметила, как я плачу. Вот же несправедливость! Ни я, ни она этого не заслужили. Я перевела дыхание и сморгнула слезы. Мама частенько повторяла: «Как поплачешь, всегда становится лучше, но проблемы так не решить». Уж она-то умела решать проблемы.

Умела бы она еще звонить в дверь!

Глава вторая

В школе время ползло медленно, как улитка. Ко второму уроку у меня свело живот, и он требовательно заурчал. Голова кружилась. Я смотрела, как мистер Джексон выводит на доске уравнения, и глаза у меня медленно закрывались. Я недолюбливаю элементарную алгебру, но обычно мне хотя бы удается понимать объясняемый материал. Сегодня же цифры и буквы смазывались в белое пятно, а голова постоянно опускалась на парту. Кто-то прошел мимо и задел меня за плечо. Я резко подпрыгнула и вытерла слюну с подбородка. Потом осмотрелась вокруг, гадая, успел ли кто-нибудь заметить, как я задремала, но все ребята уже выбежали из класса, не оглядываясь назад. Уф, наконец-то урок закончился!

Тут я поймала на себе взгляд учителя, и он приподнял бровь.

Я пожала плечами и вздохнула.

– Второй раз за неделю, Энди.

– Знаю. Простите.

В ту же секунду мой желудок предательски заурчал – негромко и протяжно.

– Наверное, тебе лучше поспешить на обед, – сказал мистер Джексон.

– Да. – Я кивнула, стараясь на него не смотреть.

– Энди, у тебя все в порядке? – спросил учитель тихим голосом.

Я так и не поняла, что отвечать на такие вопросы. Нет, конечно же не в порядке. И лучше никогда не будет. Но кому захочется об этом слушать? Правильно Пейдж говорит: честно признаваться в том, как у тебя дела, не стоит.

Я снова пожала плечами:

– У меня плохие оценки?

– Нет, вовсе нет. Нормальные. Просто... – Учитель развел руками. – Знаешь, ты всегда можешь ко мне обратиться, если тебе что-нибудь нужно. Хорошо?

– Хорошо.

Очередной вопрос, с которым я не знаю, как быть. Что другие могут для меня сделать? Вернуть к жизни маму? Заставить папу ходить каждый день на работу? Уж не думают ли они, что я в самом деле попрошу их купить мне домой продуктов?

Я выдавила из себя фальшивую улыбку, потому что давно догадалась:

это всех успокаивает.

* * *

Обед прошел лучше, чем я думала.

– Ты на диете? – спросила Лиа, одновременно держа во рту морковку и убирая в пучок свои черные волосы.

Я покачала головой:

– Давно за продуктами не ходили.

На меня уставились три пары глаз. Скорее всего, мои подруги догадываются, что жизнь у меня не сахар, но все мы притворяемся, будто ничего не изменилось. Обычный год, обычный день. Никто не умер. Ничей папа не проиграл все деньги в казино. Ни у кого дома на пустой кухне не стоит одинокая банка консервированного горошка. Девчонки стараются меня поддержать, но понять не могут. Пейдж сказала, что никто не сомневается, рано или поздно мы перестанем постоянно упоминать о нашем горе. И она права. Сначала все меня обнимали, выслушивали, а потом я поняла, что ребятам не хочется смотреть на мои слезы, когда на уме у них контрольные и школьные дискотеки. Подруги хотят видеть во мне прежнюю Энди. Беспечную. Веселую. Энди, которая шутки ради засовывает в нос палочки сельдерея, ходит в школу в желто-зеленых шортах и носит огромные банты в волосах.

Мне не пришлось сказать ни слова: передо мной вдруг возникла еда.

– Фу, и зачем мама дает мне с собой виноград? Она же знает, что я терпеть его не могу! – Лиа протянула мне небольшой пакетик. Ее синие глаза блеснули, а на розовых губах заиграла улыбка.

У меня кольнуло в сердце, когда она упомянула о матери, но я заставила себя об этом забыть и потянулась за виноградом.

Не прошло и двух минут, как Бекки, откинувшись на спинку стула, заявила:

– В последнее время я только и делаю, что объедаюсь, как свинья. Наверное, сегодня лучше обойтись без печенья. – С этими словами она подтолкнула ко мне свой контейнер. Бекки теперь часто жалуется на то, что слишком много весит. Вот только она самая высокая девчонка в классе и, как ни крути, всегда будет тяжелее остальных. Само собой, без издевки она не может отдать печенье. Я уже успела к этому привыкнуть. – Тебе вот можно не бояться пополнеть – все равно в форму группы поддержки влезать не надо!

Я не обратила внимание на самодовольный тон Бекки, потому что не хотела рисковать печеньем. За последний год многое изменилось в худшую

сторону, и Бекки – не исключение. Я подняла взгляд – проверить, кто еще услышал ее колкое замечание, но моих подруг полностью занимала еда. Они делают вид, что не замечают, какой вредной стала Бекки после развода ее родителей, как не замечают и того, что у меня дома никогда нет еды. Зато печенье – просто супер! Мягкое, с шоколадной крошкой. Мое любимое.

Мы вчетвером дружим целую вечность. Лиа и Бекки с трех лет ходили вместе на уроки танцев. Я познакомилась с Лиа в детском саду, но лучшими подругами мы все стали только во втором классе, когда участвовали в спектакле на День благодарения. Нам выдали роли от Первого паломника до Четвертого. Я играла Второго. Из нас четверых больше всего реплик было у Джизелы – целых три. На репетициях мы обычно стояли в стороне и подолгу ждали своей очереди, но время проводили отлично: учитель музыки, мистер Рашолл, каждый день делал нам выговоры за слишком громкую болтовню и смех. Нам всегда было весело вместе, несмотря на то что мы все очень разные. Так продолжалось вплоть до средней школы, когда отличия между нами стали заметнее. Лиа постоянно занята. У нее не то что болтать с подругами, у нее дышать-то времени нет. Бекки всегда переживает о том, что о ней подумают другие. Особенно ее волнует мнение девчонок из группы поддержки. Джизела из нас самая постоянная. Она почти не изменилась.

Пока я об этом раздумывала, она протянула мне свою бутылочку с водой.

– Я возьму сок, – только и сказала Джи-зела, поднялась и заняла очередь в буфет.

Сытой я из столовой не выйду, но по крайней мере живот у меня сводить не будет. Я благодарна подругам за то, что они поделились со мной своими обедами, но все равно чувствую себя одинокой. Девчонки не понимают, насколько все плохо у меня дома. К тому же у всех свои проблемы. У папы и мамы Джизелы нет, как она выражается, «бумаг». Я знаю, что она из-за этого очень волнуется. И с английским у них туго, так что Джизеле приходится чуть ли не все для них переводить. Родители Бекки расстались больше года назад. На Рождество Бекки хвасталась, что получила в два раза больше подарков, но по ней видно, что она расстроена и не выносит жизнь на два дома. Что до Лиа, то у нее жизнь спокойная. С ней никогда не происходило ничего плохого. Она просто почти всегда замыкается в своем деловом и очень упорядоченном мире.

– Так вот, я хочу устроить в пятницу пижамную вечеринку, – сказала Бекки, снова прерывая мой поток мыслей. – Я останусь у папы, а он точно

мне не запретит.

Я поспешно кивнула. Жалко, что сегодня только среда. Я без ума от пижамных вечеринок. Счастливая семья, горы закусок, зачастую пицца. Все, что от меня требуется, – делать вид, что я всем довольна. А притворяться я хорошо научилась.

Ли́а покачала головой:

– Я не приду. Мне надо готовиться к «Битве книг», а в субботу утром у меня футбол.

Если и Джизела откажется, вряд ли Бекки меня позовет. Да и я, скорее всего, не захочу идти к ней одна.

Джизела склонила голову набок:

– Я спрошу у родителей. Одна из моих двоюродных сестер празднует день рождения, но вроде бы в субботу днем, так что мне, наверное, разрешат.

– Здорово! – обрадовалась Бекки. – Энди, мне попросить папу позвонить твоему отцу?

Я наморщила лоб, пытаюсь сообразить, зачем ее отцу говорить с моим, пока наконец не вспомнила, что мама не отпускала меня в гости и на пижамные вечеринки, не поговорив с родителями моих подружек. Для мам это нормально, но моя особенно любила неусыпный контроль. Ей всегда было необходимо знать, где мы с сестрой и что делаем.

– Неа, – с трудом выдавила я и приправила свой ответ ложью: – Я с ним сама поговорю сегодня вечером.

После обеда мы разошлись. Жалко, что в этом году у нас почти не совпадают уроки – мы все записались на разные занятия. Бекки ненавидит оставаться без подруг, так что ей особенно тяжело.

– Ну что мешает хотя бы одной из вас записаться на хор? Хотя бы одной!

Ли́а прыснула:

– И почему никто не вступает в группу любителей учебных викторин?

Бекки закатила глаза:

– Энди меньше всех повезло. Поверить не могу, что для научного проекта ей в пару достался Исая Харди! Он же ненормальный.

Ли́а с Джизелой понимающе вздохнули и закивали. Уж с тем, что Исая – странный парень, в нашей компании были согласны все. Представьте себе, раз в неделю он приходит в школу в галстук-бабочке, а в остальные дни носит футболки с дурацкими научными шутками, вроде этой: «Не играйте в прятки с атомом: атомы есть во всем». Ладно, она забавная. Но разве обязательно откровенно заявлять миру о том, что ты – гик, своей

синей футболкой с изображением ТАРДИС?

А что уж говорить о его очках на пол-лица! Но я хорошо к нему отношусь. Не только потому, что он знает все ответы на тестах. В отличие от других, Исайя никогда мне не навязывается и относится ко мне так же, как прежде.

Я пришла на естествознание, когда в классе еще никого не было. Отличная возможность немного почитать. Не учебник, конечно, а книжку в мягкой обложке, которую я недавно взяла в библиотеке.

Она оказалась такой увлекательной, что я даже не заметила, как в класс вошли другие ученики. Вдруг кто-то выхватил книгу у меня из рук.

– «Духи озера на Авалоне», – прочитал Исайя, разглядывая обложку. Он перевернул несколько страниц и добавил: – Зачем ты читаешь эту дребедень?

Исайя – человек без тормозов, которые обычно есть у всех. Я про те, что приказывают нам остановиться, когда мы хотим сказать что-нибудь неуместное.

– Не знаю, мне нравится. Отдай, – потребовала я и протянула руку за книжкой.

Сегодня Исайя снова в галстук-бабочке, ярко-желтом, и он резко контрастирует с белой рубашкой и темной кожей парня. А еще он немного съехал вбок.

Исайя проигнорировал мою просьбу и продолжил листать страницы, покачивая головой. Я невольно заметила, что его афро слегка неровное, словно тоже съехало набок.

– И давно тебе нравятся истории про призраков? – засмеялся он.

Я выпрямилась и сжала кулаки:

– Почти всегда нравились.

Это правда: с тех пор как я узнала о страшилках у костра и жутких сказках, от которых мороз по коже, я с удовольствием их читаю. И даже смотрю ужастики с избитым сюжетом. Иногда вместе с Пейдж – на выходных, когда она разрешает мне сидеть допоздна перед телевизором. Маму эту выводило из себя. Если ей казалось, что от фильма мне начнут сниться кошмары, она немедленно выключала телевизор. Вот только книжки читать мне никто не запрещал.

– Ты в них веришь?

Этот неожиданный вопрос выбил меня из колеи. Наверное, дело в том, что я задаюсь им вот уже несколько месяцев. Раньше не верила. Я с упоением читала страшные истории, смотрела фильмы, но только ради забавы, выброса адреналина. Тогда я бы ни за что не подумала, что

привидения и правда существуют.

– Не знаю. – Я вздохнула.

Наверное, я и сейчас в них не верю, но мне нравится представлять, что мама все еще рядом и присматривает за мной.

Исайя медленно кивнул, не сводя с меня взгляда. Порой мне кажется, что он понимает меня, как никто другой.

– В любом случае, книгу ты выбрала никудышную, – заключил парень и бросил «Духов озера на Авалоне» мне на парту.

После звонка Исайя повернулся к доске и сосредоточил все свое внимание на уроке. Учитель минут двадцать вынужденно притворялся, будто нет ничего интереснее химических связей, а потом объявил, что остаток времени мы будем обсуждать в парах свои научные проекты. Нам следует разузнать как можно больше о выбранной теме и провести собственный несложный эксперимент, после чего вывести гипотезу и переменные факторы. Так мы сможем понять, в чем состоит суть научного метода. Мы с Исайей уже неделю мусолим наш проект, но так и не придумали для него тему.

– Ты увлекаешься защитой окружающей среды? – спросил Исайя.

– А? – не поняла я.

– Ну, озоновый слой, переработка отходов, – пояснил парень.

– Мы раньше делали компост, – чересчур поспешно ответила я.

Пожалуйста, не спрашивай, почему только раньше!

Исайя сощурился, но быстро сменил тему:

– Как насчет космоса?

Я сморщила нос и помотала головой.

– Океаны?

Я пожала плечами.

– Привидения?

У меня отпала челюсть, и я ущипнула Исайю за руку. Если честно, он так сильно меня рассердил, что я предпочла бы ударить его по лицу.

– Ты чего? – удивился Исайя.

– Не издевайся, – буркнула я.

– Нет, я серьезно. Мы можем изучать паранормальную активность.

– Для научного проекта?

– Конечно, почему бы и нет?

У меня вспотели руки. Я поудобнее устроилась на стуле, открыла тетрадь и начала записывать свои и его мысли, связанные с нашим проектом. Говорили мы быстро, и я еле успевала заносить все на бумагу. Идеи текли рекой.

– Подожди, – попросила я, не выпуская из пальцев ручку.

За несколько секунд тишины я успела отчасти набросать потенциальную постановку проблемы.

Меня прервал вопрос Исая:

– Можно кое-что у тебя спросить?

Он задал его с каким-то особенным выражением, и я оторвала взгляд от тетрадки. Обычно Исая – шумный и бесцеремонный, и этот неожиданно тихий, вкрадчивый голос настраивал на личную беседу.

– Бывает, что ты ее видишь? Или слышишь? Или хоть как-нибудь замечает? – Парню не пришлось уточнять, о ком он говорит. Я молча уставилась на него, и Исая добавил: – Ну, ты думаешь, что она – призрак?

Задай кто другой мне этот вопрос – кто угодно! – я бы только с неудовольствием вздохнула в ответ или выбежала из класса, но искра любопытства в глазах Исая меня не испугала. Мне было даже немного приятно. Ему искренне хотелось узнать, что я скажу.

– Нет, но все еще пытаюсь ее найти, – прошептала я.

Исая вздохнул:

– Понимаю, со мной было бы так же.

Кажется, для меня Исая только что превратился из чудаковатого соседа по парте в самого лучшего человека на земле.

Глава третья

На уроке естествознания меня прорвало. Все это время я делала вид, что мой интерес к призракам не возрос после маминой смерти, хотя самом деле без конца искала признаки потустороннего вмешательства. Мерцающий свет лампы, неожиданная находка давно пропавшего карандаша, мой любимый тропический аромат, ощущаемый в ванной...

Вот только ничего не происходило.

Пока мы с Исайей обсуждали наш научный проект, у меня возникало все больше вопросов. Что все это значит? Хорошо ли маме там, в потустороннем мире? Да и существует ли он вообще? Удастся ли мне добиться того, чтобы мама нас посетила? Хотя бы на секундочку.

Чем больше я об этом думала, тем сильнее у меня болела голова. После урока я поплелась на групповую терапию. Ладно, на самом деле это не так называется. Меня ожидает целый час веселья под названием «кружок». По сути, это дополнительные занятия на выбор, на которые вы записались: кулинарный класс, «ученики против наркотиков» или, как в моем случае, сеансы групповой психотерапии.

Стресс-менеджмент. Меня перевели из компьютерного класса через несколько недель после начала семестра, как раз когда мы дошли до искусства анимации в презентациях в «Power Point». Миссис Картер – школьный психолог, к которой я хожу еще с прошлой весны по несколько раз в неделю, – посчитала, что моим эмоциям нужен иной выход.

Вообще самый ворчливый человек в нашей семье – моя сестра. Она не способна увидеть луч света даже в ясном небе, не затянутом облаками. Но даже я терпеть не могу групповую терапию.

Я замерла перед дверью в класс. В одном сомневаться не приходится: на каждом занятии меня ждет что-то новенькое. Невозможно догадаться, что для нас подготовили на этот раз и в каком настроении будут находиться ученики. К тому же занятия в нашей группе постоянно все пропускают. Только четверо учеников его исправно посещают. И я, разумеется, одна из них. Да, я на дух не переношу эти занятия, да, я вовсе не хочу сюда приходить, но миссис Картер может позвонить отцу, если я не явлюсь, а он ничего не знает об этих «дополнительных занятиях».

Дилан Фрай тоже всегда присутствует. Он у нас в школе главный задира. По его светлым голубым глазам, широкой улыбке и торчащим во

все стороны каштановым кудряшкам и не поймешь, какой он на самом деле гадкий, но в его голосе всегда слышится недовольство. Да-да, я все еще пытаюсь увидеть в нем хорошего парня, но сомневаюсь, что он все-таки скрывается под личиной этого хулигана, вымогающего у других учеников деньги, которые родители дали им на обед. На занятиях по групповой терапии Дилан ведет себя примерно так же, как обычно. Но не пропустил ее ни разу, а значит, любит поговорить о своих проблемах. Ну, или тоже боится, что миссис Картер позвонит его родителям. А я подозреваю, что его вредный характер имеет под собой серьезные основания; я никому об этом не говорила, но мне кажется, что отец Дилана время от времени путает его с грушей для битья.

Третья из нас – Аманда Уэкслер. Широкоплечая девочка с неизменным зеленым обручем на прямых светлых волосах. Она не умеет контролировать свой гнев. Ломает вещи, изредка калечит людей.

А последний, четвертый, Брайан Рид. Очень тощий заучка, посещающий уроки для самых одаренных. Его папа умер за полгода до моей мамы. Казалось бы, нас это должно было сблизить. Я сама так сначала подумала. На моем первом занятии мне не терпелось услышать, что Брайан про себя скажет. Я предполагала, что мы с ним вроде как похожи и вполне можем подружиться.

На втором занятии я поделилась с ребятами своей историей. Наверное, большинство учеников уже ее слышали. Меня довольно долго не было на уроках, и я знала, что учителя были в курсе произошедшего. Поэтому я решила, что они предупредили остальных ребят и ко мне отнесутся с пониманием. Первое время мне ни до чего не было дела, и я ходила как в тумане, но однажды все-таки заплакала в школе – как раз на том самом занятии. Когда я договорилась, все затихли, даже Дилан не отпустил ни одной дурацкой шуточки. Вдруг меня пронзил взгляд Брайана. Я нахмурилась и уставилась на него в ответ.

Это не ускользнуло от внимания миссис Картер, и она спросила:

– Хочешь что-нибудь сказать, Брайан?

– По крайней мере, она не страдала, – отчеканил тот.

Меня поразила его интонация. Дело было не в самих словах. Их-то я и раньше слышала. Одна из пяти миллионов фраз, которые все твердят, полагая, что от них тебе станет лучше. Дело было в том, как он Брайан произнес. Никто мне не завидовал, говоря: «По крайней мере, она не страдала». А Брайан аж позеленел от зависти.

Конечно, ужасно, что его отец умер. И я прекрасно понимаю его горе. Папа Брайана преподавал у нас в школе физкультуру и три года подряд

получал звание учителя года. Мы все его отлично знали и очень любили. У него обнаружили рак в последней стадии. Он его не перенес и умер через шесть месяцев.

Но тогда я вышла из себя:

– По крайней мере, ты смог с ним попрощаться!

– Энди, это не соревнование, – одернула меня миссис Картер и перевела взгляд на Брайана.

Мне стало жалко, что это не у меня проблемы с самоконтролем.

А позже я поняла: миссис Картер жестоко ошибается. Групповая терапия – это самое что ни на есть соревнование. Каждый из всех сил старается доказать, что живет отстойнее других.

Кроме нас на занятия ходят и другие ученики. Они то появляются, то исчезают. У всех свои проблемы. Одна девочка считает себя жирной, другая почти ничего не говорит, но вид у нее всегда грустный, а еще одного мальчика как-то раз уволок полиция из-за того, что нашлось у него в шкафчике.

Я до сих пор ненавижу Брайана Рида. Ненавижу его за то, что мы никогда не станем друзьями, несмотря на печальный опыт, который нас объединяет. Но стоит парню заговорить, как становится очевидно: Брайан мнит себя самым несчастным парнем на свете, считая, что ему тяжелее всех.

– Вам не понять, каково это, – заявил он однажды. – Папа был моим лучшим другом. Мне теперь даже с домашкой никто не помогает.

На этих словах я сжала кулаки. Мне приходится глубоко дышать, чтобы не наброситься на Брайана с криками в такие минуты. Обычно мы не обращаем на него внимания, но порой один из нас не выдерживает. Несколько недель назад Дилан цокнул языком и перебил его:

– Не пудри нам мозги, придурок. Тебе до этого жилось чересчур хорошо, и теперь ты никак не справишься с тонкой черной полоской в своей чертовой белой жизни. Да у тебя в ней до сих пор счастья больше, чем у меня вообще когда-нибудь было.

Да, порой я думаю, что Дилан не так прост, как кажется. И все-таки я стараюсь не встречаться с ним взглядом. Я его боюсь. Денег у меня нет, но он непривередлив: отнимает и блокноты, и карандаши, и плееры.

В тот раз Дилан высказал все, что думает, и остальные ученики затихли, ожидая реакции Брайана.

Брайан заплакал. Навзрыд.

Миссис Картер накричала на Дилана. Как по мне, то поступила она не совсем справедливо. В целом Дилан попал в точку. Я тоже задумывалась о

«до» и «после». И «до» наша семья была далеко не идеальна, беды, конечно, случались, но обычно незначительные: низкая оценка за тест; замечания насмешницы девчонки о твоих неумных кудряшках или слишком широком носе; дурацкие ссоры родителей по мелочам вроде счетов и оставленной в раковине грязной посуды. Я страшно из-за всего этого расстраивалась. А папа смеялся и щелкал меня по носу: «Да, тяжелая у тебя жизнь, Энди! Не пора ли тебе на пенсию?»

Я качала головой, скрещивала руки на груди и сердито пыхтела. «Ничего-то он не понимает!» – думала я. Так что мне отчасти близки чувства Брайана. Он искренне верит в то, что никто его не понимает. Будто хуже быть не может. А на самом деле это ему невдомек, что все не *настолько* плохо.

Сегодня миссис Картер опять пришлось призывать нашу группу к порядку. С самого начала было ясно, что Брайан взвинчен сильнее обычного.

– Как она могла вот так просто взять и пойти на свидание? Неужели мама его больше не любит?..

Миссис Картер кивнула и выжидающе посмотрела на других учеников. Однако Брайан еще не закончил:

– Наверняка папа не хотел бы, чтобы она так легко его забыла. Разве можно быть такой эгоисткой? А бабушка все твердит, что идея отличная, и всячески ее поддерживает. Почему? Хочет доказать, что папа не имел для мамы никакого значения?

У меня в душе словно закипал огромный чан с водой. Пузырьки поднимались к горлу. Еще немного, и я сорвусь.

– Порой я жалею, что это папа заболел, а не мама...

Тут я вскипела, не в силах больше сдерживаться. Все мое возмущение, бурля, полилось наружу, и я вскочила на ноги:

– Заткнись! Заткнись ты наконец!

Все на меня уставились.

У миссис Картер отвисла челюсть. Пока она не успела сделать мне замечание, я продолжила, кипя от гнева:

– Ты сам-то себя слышал? А слышал, что рассказывали про себя другие? Может, перестанешь ныть? Да, твой папа умер. Это ужасно. Я понимаю. Уж поверь мне, *я понимаю*. Вот только ты не один такой. Далеко не один! Пускай тебе не нравится, что твоя мама с надеждой смотрит в будущее, радуйся хотя бы тому, что она еще не в загробном мире! Бьюсь об заклад, она все так же покупает домой продукты и не тратит деньги направо и налево. Говорит, что любит тебя, обнимает и убеждает, что все

образуется!

На большее мне не хватило дыхания.

Я плюхнулась на стул и стала ждать, когда миссис Картер выставит меня из класса. Сложила руки на груди и уставилась в пол. Ничего не происходило, и я снова подняла взгляд. Аманда улыбнулась, а Дилан захлопал в ладоши.

Брайан, само собой, разрыдался.

На лице миссис Картер отразился искренний ужас. Пейдж меня предупреждала, что школьным психологам доверять нельзя. Они надеются изменить мир и уверены в своих силах, но первые же серьезные проблемы выбивают их из колеи. Казалось, я чувствую, как отчаянно бьется сердце миссис Картер и каждый удар отдается у нее в глазах. Наконец она посмотрела на часы и слабо улыбнулась:

– Ну, похоже, урок почти закончился.

Мы все повернулись и взглянули на циферблат. До звонка оставалось еще пять минут, но мы с радостью простили миссис Картер эту неточность.

Еще несколько минут миссис Картер напоминала нам о правилах в нашей группе поддержки и мотивировала начать строить планы к лету.

– Возможно, некоторым из вас придется тяжело без этих привычных бесед, – вздохнула она.

Дилан закатил глаза, а Аманда хмыкнула. Я ожидала, что миссис Картер заплачет, но этого не произошло.

Мне *совершенно* не хотелось с ней заговаривать, и я заранее убрала все в сумку, чтобы моментально со звонком выбежать из класса. Я была настолько уверена в том, что миссис Картер меня подзовет, что выбрала наиболее длинный путь до двери, подальше от нее. Меня напугало то, что я вспыхнула, а вот миссис Картер, похоже, не очень – я так и не услышала, чтобы она меня звала.

Я подошла к выходу и оглянулась – чисто из любопытства. Миссис Картер успокаивала Брайана.

Я, нахмурившись, покачала головой. Мне вовсе не хотелось, чтобы миссис Картер пыталась меня догнать, но я все-таки рассердилась на нее за то, что нытик Брайан заботит ее больше моего признания. А может, и не рассердилась, а обиделась. Или и то и то.

Еще сильнее я удивилась, когда Дилан подошел ко мне в коридоре и похлопал по плечу:

– Эй, мелкая! Сочувствую.

Я кивнула:

– Спасибо.

Но не успела я договорить, как Дилан оттащил проходящего мимо шестиклассника и со смехом затолкнул его в шкафчик.

Глава четвертая

Днем не случилось ничего хорошего – только то, что он перешел в вечер. Последнее время я возвращаюсь домой пешком, потому что смена Пейдж в забегаловке начинается сразу после уроков. И живем мы – вот это везение! – *почти* в миле от школы. Будь это целая миля, я смогла бы ездить на автобусе, но нет – до мили не хватает чуть ли не 0,99999 фута. На улице моросило, так что я подтянула капюшон толстовки к ушам, опустила голову и поспешила домой.

Через один квартал меня остановил машинный гудок. Я подняла взгляд.
– Подвезти?

Исайя с улыбкой высунулся из окна.

Дама на водительском сиденье помахала мне рукой, приглашая садиться, и я проскользнула в заднюю дверь.

– Видимо, это та самая девочка, с которой вы готовите общий проект и о которой ты нам так много рассказывал.

Исайя посмотрел на даму, широко распахнув глаза и разинув рот.

– Ма-а-а-а-ам! – прошептал он. Я почти уверена, что покраснела.

– Куда едем? – спросила мама Исайи.

Я объяснила, где мой дом, и несколько раз ее поблагодарила. Ехали мы в тишине.

Исайя развернулся настолько, насколько позволял ему ремень безопасности.

– Ты какая-то молчаливая, – сказал парень.

– Разве? – удивилась я.

– Да. На уроке болтала без умолку, а теперь тебе как будто дали под дых.

– Видимо, не лучший день выдался.

– Исайя, ты не думал, что Энди не хочется с тобой это обсуждать?

Его мама поймала мой взгляд в зеркале заднего вида и улыбнулась.

– Я сегодня же начну собирать данные для исследования, – сказал Исайя, чуть ли не подпрыгивая на сиденье. В жизни не видела настолько увлеченного школьным проектом человека.

Я вяло улыбнулась:

– Здорово.

Исайя все говорил и говорил, а его мама качала головой. Наконец она,

положив ладонь сыну на колено, строго на него посмотрела. Порой меня выбивают из колеи и такие мелочи, как этот ее взгляд. В горле пересохло, и я закрыла глаза. Скорей бы этот день закончился. Само собой, удачные дни у меня тоже бывают. Просто этот не задался. Совершенно!

Наконец машина затормозила у моего дома, и мама Исайи присмотрелась к окнам.

– Дома кто-нибудь есть? – спросила она.

– Не знаю. – Я вздохнула.

– Тебе не надо позвонить родным?

– Нет, все в порядке. Спасибо вам большое. Я захлопнула за собой дверь, и мама Исайи опустила окно:

– Энди?

– Да?

– У тебя точно все в порядке?

Я сделала глубокий вдох и кивнула:

– Ничего страшного, просто день выдался неудачный. Честное слово.

Кажется, женщину это успокоило.

– Если тебе что-нибудь понадобится, обращайся, не стесняйся, – улыбнулась она.

О, знакомая фраза!

– Хорошо, спасибо.

Здравствуйте, а не могли бы вы оплатить счет за электричество? Или заправить машину моей сестры? А, вы не это имели в виду? Извините. Ну ладно, все равно спасибо.

Я набрала код от гаражной двери. Она поползла вверх, и за ней показались колеса папиного грузовика. У меня перехватило дыхание, и я притянула к себе рюкзак. Последнее время мы с папой почти не видимся, особенно после школы и когда Пейдж нет дома. Обычно это она с ним беседует/ругается/кричит на него. Я медленно зашла в гараж, и тут меня осенило: вдруг что-то произошло?

После несчастного случая я каждую ночь заглядывала в папину спальню. Стояла возле его кровати и ждала, пока он повернется на другой бок или захрапит. Сделает хоть что-нибудь, благодаря чему станет ясно – он живой. Я не могу потерять их обоих. Целыми неделями я ходила за папой по пятам, словно маленький щенок. Увязывалась за ним в продуктовый магазин. Посещала спортзал. Запрыгивала на велотренажер и крутила педали, хоть и умирала в это время от скуки, лишь бы не выпустить папу из виду. Прошло какое-то время, и начались оправдания: «Прости, Энди, я решил заходить в зал по пути домой, чтобы сэкономить

время» и «Я сегодня останусь на работе допоздна, придется пропустить тренировку».

Это уже не тот папа, который постоянно меня смешил, но я все равно за него переживаю и боюсь, как бы с ним чего не случилось.

Я еще немного потопталась в гараже, набираясь решимости, и зашла в дом. Бросила рюкзак на пол и заперла за собой дверь. Потом замерла и прислушалась. Шагнула вперед по коридору. Вдруг мне в нос ударил лучший запах на свете.

Спагетти.

Я не шучу. Само собой, мне, как и всем, нравятся печенье с шоколадной крошкой и брауни, но звук кипящей воды, в которой варятся спагетти, и запах шипящего на плите соуса всегда поднимают мне настроение. Даже в такой паршивый день, как этот.

Приятный аромат шел из кухни, и я поспешила туда. Папа у стоял у плиты и помешивал лапшу в кастрюле большой зеленой ложкой.

Он заметил меня и улыбнулся. Во мне тут же проснулась надежда, и я поднялась на цыпочки. Несмотря на желание подбежать к отцу и броситься к нему в объятия, я не двинулась с места. Мне казалось, что это наваждение. А миражам доверять нельзя.

– Привет, Энди.

– Привет. Как дела? – спросила я, не шелохнувшись.

– Ничего нового. Заметил сегодня, что еды дома нет, и сбегал в магазин.

– Ты сказал Пейдж? Она так обрадуется, что...

Я осеклась.

Чуть не сказала, что сестра наконец сможет дать мне денег на школьный обед.

Папа помрачнел и потер правый висок. Я уже боюсь, что потеряю его, не успев вернуть. Он пожал плечами:

– Да ведь ничего особенного. Я потом ей напишу, хорошо?

– Еще рано, – заметила я.

– Для чего?

– Для спагетти.

Я подошла к шкафчику, достала из него дуршлаг и положила на раковину прежде, чем папа успел ответить:

– А, ну... Мне скоро уходить. И я подумал, что ты, наверное, голодная.

Меня смутила интонация отца. Вообще все это казалось очень странным. Я повернулась к отцу, сощурившись:

– Что случилось?

Папа проигнорировал мой вопрос и мотнул головой, чтобы я отошла от раковины, потому что он нес к ней горячую кастрюлю со спагетти. Я наблюдала за тем, как вода сливается в раковину и от нее поднимается пар, а затем взяла с полки две миски и протянула одну из них папе.

Он задумчиво посмотрел на миску и сказал: – Я не особенно голоден.

Видимо, у меня на лице отразилось разочарование, а может, я слегка сгорбилась.

В любом случае, папа быстро передумал:

– Ладно, разве что чуточку.

Я наполнила свою миску до краев.

– Тебе не хватит места на тефтели, – заметил папа.

– Тефтели? Ты пожарил тефтели?

Я так счастлива, словно Рождество и день рождения пришли одновременно. Может, даже вместе с подаренным щенком и летними каникулами.

– Еще бы! Даже потратился на марку подороже.

Я хихикнула. Это наша любимая домашняя шутка. Правда, я уже успела о ней забыть. Мама всегда брала продукты самой обычной марки, если папа не ходил с ней в магазин.

Первая тефтелька обожгла мне язык, но я уже набила рот, так что мне оставалось только широко его разинуть и замахать рукой.

Папа рассмеялся и налил мне стакан молока. Молоко он тоже купил.

– Вижу, ты страшно проголодалась, – сказал папа, и его смех тут же затих. Даже глаза перестали улыбаться.

– Серьезно, что случилось? – снова спросила я.

Он пробежался пальцами по своей темно-каштановой шевелюре. Его волосы заметно отросли. Помню, как мама его дразнила и называла Полом Маккартни, когда он их запускал. Челка отчасти закрывает лицо, но я все равно замечаю отпечатки страданий прошедшего года – складки около глубоко посаженных глаз и морщины на лбу. Раньше их там не было. Папа облокотился о стол и подался вперед:

– Мне позвонила одна дама из твоей школы. Она заметила, что ты недоедаешь.

Пока папа говорил, я намотала на вилку шесть длинных макаронин и запихнула их в рот, чтобы не отвечать.

– Знаешь, мне бы не хотелось, чтобы ты распространялась об этом в школе. Можно ведь было и со мной проблемой поделиться.

У меня словно появился комок в горле, и еда не желала проходить внутрь. Жалко, что Пейдж нет рядом. Она бы сказала что-нибудь обидное,

но справедливое, вроде: «Хорошо, я попробую с тобой об этом заговорить в следующий раз, когда ты отрубись после пьянки». Мне было бы неприятно это слышать, но я не перестаю мечтать о том, чтобы отбросить свои страхи и тоже быть честной с отцом.

– Я ничего не говорила.

Это правда. Я никому не рассказывала ни про деньги, ни про еду. По крайней мере, намеренно я на эту тему разговора не заводила.

– Она сказала, что вы с ней иногда беседуете.

Я проглотила пережеванные спагетти, опасаясь, что вот-вот перестану наслаждаться вкусом горячего ужина. Меня терзало плохое предчувствие.

– Да, – пробормотала я тихо.

– О чем? – поинтересовался папа.

«Лишь бы не сказать что-нибудь не то», – подумала я про себя. От меня не ускользнуло, с каким трудом папа контролировал свою интонацию. Не знаю, что он пытался скрыть, но мне чудился страх. И быть может, недовольство.

– Знаешь, о том о сем.

– Нет, не знаю. Что ты ей рассказываешь?

– Да ничего особенного. Она спрашивает, как мое самочувствие.

– И что ты отвечаешь?

– По-разному. Сегодня день выдался неудачный.

Папа вздохнул, и черты его лица немного смягчились. На нем слой за слоем таяли страх, злоба и горе. Он потянулся и взял меня за руку:

– У меня таких много.

– Знаю, – прошептала я.

Папино лицо ожесточилось так же быстро, как оттаяло.

– Ты говоришь с ней обо мне?

С этими словами он стиснул мою ладонь. Скорее всего, с его точки зрения, он меня так успокаивает, но я ощутила только давление. Сокрушающее давление.

– Нет.

Да.

– Это... замечательно. Не то чтобы я запрещал тебе выражать свои чувства... Просто сам понимаю, что в последнее время у нас дома не лучшая обстановка. А другие не всегда способны понять, каково нам, правда?

Я покачала головой.

– Так вот, если ты будешь рассказывать про дни вроде, например, сегодняшнего или про продукты, это только все усложнит.

– Но я не... – возразила я, но папа похлопал меня по руке и добавил:

– Оставим свои проблемы при себе, ладно? У меня задрожали коленки. В голове раздался голос Пейдж: «Да, я заметила, что у тебя это отлично получается». Сама же я промолчала и послушно кивнула.

– Я всегда знал, что ты у меня умница. Ну что ж, холодильник у нас заполнен надолго, и еще я купил тебе новую компьютерную игру, – сказал папа, что странно: я ведь в них почти не играю.

Потом он встал из-за стола и собрался уходить.

– Ты куда?

– Мне... Э-э... Надо кое-куда сходить. Я скоро вернусь.

Ложь.

– Может, останешься? Поиграем вместе в новую игру.

Папа сделал вид, что размышляет над моим предложением.

– Чуть позже, ладно? – предложил он.

– Хорошо, – согласилась я.

Никогда.

Он помахал мне рукой и вышел. Я слышала, как открывается дверь гаража и заводится мотор. Вилка выпала у меня из рук.

В миске еще остались спагетти, но у меня пропал аппетит. Я была рассержена. И расстроена. Это несправедливо. У меня такое ощущение, будто я прыгнула бомбочкой в ледяной бассейн и вода в нем настолько холодная, что обжигает кожу. Я никак к этому не привыкну. Неужели моя жизнь никогда не наладится? Наверное, пора перестать на отца надеяться. Слишком велико сейчас разочарование от понимания того, что мои надежды никогда не сбудутся.

Я задвинула стул. С громким стуком. Отбросила дурацкий диск с игрой в дальний угол комнаты. Заорала изо всех сил, а когда и это не помогло, принялась колотить диванные подушки. Захлопнула дверь в постирочную – только потому, что она была открыта. Это вконец меня измотало. В этот дрянной день все мои чувства вышли наружу. Не знаю, отчего мне больнее всего – от того, что папу больше беспокоит он сам, чем его голодная дочка, или от того, что в нем еще осталась *частица его прежнего*. Я его видела. Когда он коснулся моей руки. Мой папа закрылся в себе, спрятался глубоко внутри, а я даже не подозревала, как отчаянно мечтаю о его возвращении. Все это время я боялась его потерять, не подозревая, что он уже для меня потерян.

Я рухнула на диван и тут же уснула.

Глава пятая

Проснувшись, я спрыгнула с дивана в страхе, что опоздала на уроки. Прошла минута, прежде чем я поняла, какой сегодня день. Часы на DVD-плеере показывали шесть, а значит, я проспала около двух часов. Голова у меня была все еще тяжелая от вечерней дремоты. Я зашла на кухню и тяжело вздохнула при виде неубранного стола. Остатки ужина я переложила в пластиковый контейнер, а миски помыла, попутно закинув себе в рот одну тефтельку.

Надо бы позвонить сестре, но я слишком взвинчена и не хочу оставаться одна в этом доме. Мне вспомнился вопрос Исаяи про призраков. Единственные призраки, которых я здесь вижу, это Пейдж и мой отец.

Я решила навестить Пейдж в кафе. До него идти полчаса пешком, но свежий воздух мне не помешал бы, и весной по вечерам уже светло. Когда сестра только начала там работать, мы с мамой постоянно ходили к ней в выходные. Пейдж это злило. Она то и дело спрашивала маму: «Ну зачем ты меня смущаешь?» А мама отвечала: «Просто хочу оставить тебе щедрые чаевые. Горячий яблочный пирог с мороженым, пожалуйста». Я всегда брала одно и то же: пломбир с теплой помадкой, взбитыми сливками, тремя вишенками и без орехов.

Пейдж увидела меня в дверях, махнула рукой на сиденье за стойкой и тут же направилась к морозилке. Когда посетителей не очень много, а ее менеджер не особенно за ней следит, мне удастся поесть бесплатно. В противном случае Пейдж оплачивает десерт из своих чаевых.

– Извини еще раз, что ничего не дала тебе утром, – сказала она, ставя передо мной вазочку с мороженым.

– Папа сходил в магазин, – ответила я и засунула в рот вишенку.

– Правда?

– Да. Кажется, ему позвонила школьный психолог.

– Ясно...

– Он приготовил мне спагетти.

Пейдж вскинула бровь. В ее глазах мелькнула надежда.

– И где он сейчас?

– Ушел.

– Ясно... – протянула Пейдж.

– Он не хочет, чтобы я ходила к миссис Картер.

– Это еще почему?

– Видимо, ему сегодня позвонили. Я уснула на уроке, а потом сорвалась на одном парне на групповой терапии. А еще случайно упомянула о том, что еды у нас дома не особенно много.

Глаза Пейдж расширились.

– А... – выдохнула она.

– В чем дело?

– Понимаешь, когда взрослые считают, что родители не способны ухаживать за ребенком, его забирают.

– Ребенка забирают?

– Ну да, находят ему новый дом.

От неожиданности я выплюнула взбитые сливки, едва успев отправить ложку себе в рот.

– Я не знала. Мне больше к ней не ходить?

Пейдж перевела дыхание и огляделась:

– Тебе там нравится?

– Не знаю. Да. Нет. Когда как. Мне не нравятся те, кто туда ходит.

Сестра со смехом отвернулась, подхватила кофейник и быстро обошла столики всех посетителей. Пейдж внешне очень похожа на мою маму – нос у нее точно такой же, – да и характером тоже. Они обе упрямые и любят всех держать под контролем. Пейдж бывает и эмоциональной, как папа, но в основном она пошла в маму. Казалось бы, это должно было их объединять, но папа считает, что как раз наоборот, и именно поэтому они постоянно ссорились. А я, наверное, всегда была где-то посередине.

Пейдж вернулась и, облокотившись на стойку, наклонилась ко мне:

– Тебе живется тяжелее всех, конфетка, так что, если хочешь разговаривать со своим чудаковатым психологом, разговаривай на здоровье!

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку.

– Миссис Картер говорит, что это не соревнование, – пробормотала я.

– Конечно, – согласилась сестра, – в таком побеждать не хотелось бы, но мне-то всего несколько месяцев осталось до того, как я съеду или поступлю в колледж. А тебе еще несколько лет продираться через тяжелую жизнь без мамы.

– Как и тебе.

– Да.

– И папе, наверное, тоже.

Пейдж разинула рот от удивления, а потом сглотнула слюну и ответила:

– Ты чересчур умная, знала об этом?

– Скажи это моему учителю по математике.

Незаметно для себя мы рассмеялись, и Пейдж принялась рассказывать мне жуткие истории про своих худших преподавателей. Вспоминая об одном учителе, который стриг ногти на уроках, она поморщилась. Мама тоже так делала, когда видела что-нибудь мерзкое.

Второй раз за день я почувствовала, что все могло бы быть иначе. Лучше. Не так, как раньше, но лучше нынешнего.

Не знаю только, как этого добиться.

Остаток вечера я провела с Пейдж. Все думала о том, как заставить папу прикладывать больше усилий, а Пейдж – чаще улыбаться. Я принялась чиркать ручкой на салфетке. Записывать то, что радует их обоих: фильмы, друзья, сладости, концерты. Но это все временные решения. Даже если у меня получится к чему-нибудь подтолкнуть папу с Пейдж и наша жизнь изменится к лучшему, долго это не продлится. Наверное, всего пару часов. А мне хочется, чтобы наша семья снова стала обычной. Хотя бы отчасти.

Я неосознанно вывела на салфетке портрет и, только завершив его, осознала, что он мамин. Я посмотрела на нее. Она нас связывала, и без нее, наверное, мы не сможем держаться вместе.

Но мне не хочется в это верить. Должен же быть способ все исправить.

* * *

К началу урока естествознания на следующий день я снова упала духом. Я обдумала все варианты и пришла к выводу, что спасти нас может только мама, а ее больше нет. Исайя плюхнулся на стул рядом со мной и помахал пачкой бумаг.

– Результаты исследования! – объявил он, пружиня на стуле и улыбаясь от уха до уха.

Я не удержалась и рассмеялась.

– Столько всего интересного нашел про призраков! – добавил Исайя.

Я ухмыльнулась:

– Не сомневаюсь, что в Интернете про них много забавного.

– Ты не поверишь, сколько вокруг них шума! Да дело не в этом. Я говорю о науке. Просто потрясающе. Энтузиасты анализируют химический состав антиматерии, качество воздуха и даже скорость звука. Теорий – море! Круг однозначно надо сузить. Можно, конечно, обсудить, существуют ли призраки на самом деле или нет, но об этом и так куча всего написано. Я предпочитаю физику, так что предлагаю пойти этим

путем.

– Физику?

– Ну да, перемещение и все такое. Как привидения двигаются, как мы замечаем их движения. Траектории и тому подобное.

– Об этом есть настоящие научные работы?

– Ага. Тысячи. Много кто увлекается пара-нормальной активностью.

– Надо же, – прошептала я.

Никогда об этом не задумывалась. Мне нравятся истории про призраков, но меня не особенно интересовал труд людей, которые пытаются доказать наличие потусторонних существ в мире. И я говорю не про чокнутых «охотников за привидениями».

– Не понимаю, ты-то чего удивляешься? Сама же вчера сказала, что большинство мечтает о том, чтобы призраки существовали на самом деле!

В голове у меня словно взорвался фейерверк.

– Вот оно!

– Что?

Около секунды я молча смотрела на Исайю, решая, говорить ему или нет. Но все-таки он единственный, кому я *могу* рассказать.

– Как считаешь, почему люди хотят, чтобы призраки существовали?

Исайя прислонил карандаш к щеке:

– Они скучают по близким.

– Правильно. Зачем они проводят сеансы со спиритическими досками?

– Чтобы поговорить с любимыми.

– Ага. Они ждут от них весточки. Возможности узнать, каково им там...

В потустороннем мире.

– Ясно-о-о-о, – протянул Исайя, явно не понимая, где здесь связь с нашим научным проектом. Связи не было.

– Мне кажется, это не единственная причина. Люди беспокоятся не только о близких. Они беспокоятся о *себе*. Хотят убедиться в том, что родные по ним скучают. Что они их помнят.

– И... И с тобой так же?

Я пожала плечами.

– И это ты хочешь изучать?

Помотав головой, я ответила:

– Нет, это совсем другое. Нечто большее. Но только между нами, ладно? Никому не рассказывай.

Видимо, мы вели себя слишком шумно, потому что к нашей парте подошел учитель.

– Как движется проект? – спросил он.

Я испугалась, что нас сейчас отругают, но Исайя быстро распахнул свою тетрадь и продемонстрировал ему наши записи.

– Отлично! – заявил он с широкой, хотя и фальшивой улыбкой. – Мы изучаем призраков.

Мистер Снид сощурился и покосился на меня. Он вскинул бровь, но затем перечитал план работы в тетради Исайи и сказал:

– Довольно... Интересно. Думаю, у вас получится неплохой проект.

И отошел к другой паре с удовлетворенным выражением лица.

– Выкладывай, – обратился ко мне Исайя.

– Ого, ты молодец! – похвалила его я.

Исайя отмахнулся. Это он и так знал.

– Знаешь, дома у нас несладко, – вздохнул я.

– Об этом я и сам догадался, – усмехнулся Исайя. – В чем дело?

– Мы отдаляемся друг от друга. Папа потерял работу. Он часто уходит из дому. В казино, бары и тому подобные места. – Последние слова я прошептала еле слышно и стала дожидаться ответа Исайи. К счастью, он ничего не сказал, только неспешно кивнул. Я перевела дыхание. – Я все думаю над тем, как вернуть нас к обычной жизни, но это мама объединяла нас и сохраняла в доме порядок. Она нами руководила.

– Мамы всегда такие, разве нет?

Я не стала говорить, что для меня моя мама особенная. Наверняка Исайя так же думает про свою, но...

– Так вот, мне кажется, что спасти нас может только мама.

Исайя наморщил лоб и положил карандаш на стол:

– Я тебя не понимаю.

– Но это же твоя идея, а ты так и не догадался? – улыбнулась я. – Привидения!

– Все еще не понимаю.

– Что, если мама вернется? Что, если у нас в доме появится ее призрак? Может, маму папа и Пейдж послушают.

Рот Исайи сложился в аккуратную букву «о», и он откинулся на спинку стула. Еще несколько секунд он стучал карандашом по парте. Я не мешала ему думать, надеясь на то, что понимание само придет к нему волшебным образом. Внезапно Исайя бросился ворошить свои бумаги. Он отложил в сторону пустой лист, взял в руки папку и вытащил из нее распечатку статьи:

– Это список того, что обычно проворачивают призраки. Главное – это звуки. Не ерунда вроде скрипящих половиц и воющих труб, а музыка, порой даже голоса. Это вполне реально изобразить, хоть и довольно

сложно.

Пока Исайя все это переписывал на чистый лист, я ерзала и чуть ли не подпрыгивала на сиденье; я бы и в ладоши захлопала, если бы не рисковала при этом показаться полной идиоткой.

Исайя медленно поднял голову и посмотрел на меня:

– Давно я не видел, как ты улыбаешься.

Я нахмурилась:

– Я часто улыбаюсь.

– Но не так, – ответил он. – Это искренняя улыбка, а не та, которую ты натягиваешь на себя для виду.

Я зарделась и закусил губу. А потом ткнула пальцем в распечатку:

– Что насчет запахов?

Глава шестая

Весь остаток дня я еле сдерживала свой энтузиазм. Понимаю, это странный повод для радости, но у меня в жизни так давно не было ничего хорошего! Хоть чего-нибудь, способного изменить ситуацию. И признаюсь, это предоставило мне повод чаще думать о маме. Поэтому я без конца улыбалась, и все вокруг заметили мое хорошее настроение. После школы подружки собрались у моего шкафчика.

– Привет, – улыбнулась Бекки. – Не передумала насчет пятницы?

– Нет, конечно, – чересчур поспешно ответила я.

Бекки, скрестив руки на груди, нахмурилась:

– Что это с тобой?

– Ничего. Почему ты спрашиваешь?

– Уж слишком ты сегодня счастливая.

– Знаю! – вмешалась Лиа. – Это из-за *ма-а-а-альчика*, угадала?

Бекки рассмеялась:

– Ну, тут и думать нечего. Наверняка из-за Исайи.

Вся троица захихикала. Я все еще была в отличном расположении духа и не могла на девчонок сердиться, но была готова отнекиваться.

Меня спасла Джизела:

– Так что, все-таки мальчик?

– Бросьте, у меня всего-навсего настроение хорошее. Могу снова раскиснуть, если вам так хочется.

– Нет-нет, это замечательно! Кстати, мы уговорили нашу Мисс Суперсерьезность присоединиться к нам на пижамной вечеринке. – Джизела кивнула на Лиа. – Так что мы все придем!

– Только вы поможете мне с учебой, – напомнила Лиа. Бекки закатила глаза, а Джи-зела прыснула, и Лиа добавила чуть громче: – Серьезно! Вы обещали.

Бекки махнула рукой:

– Знаем, знаем. Не вопрос. Если никто не против, поедем ко мне домой сразу после школы.

Я все еще в восторге от этой затеи. Да, последнее время Бекки ведет себя странно, но мы всегда *роскошно* проводим время на пижамных вечеринках, особенно у нее в гостях, потому что отцу Бекки все равно, во сколько мы ложимся спать. Однажды мы попробовали не спать до самого

утра. Стоило одной из девчонок задремать, как ее тут же принимались щекотать, пока она не проснется, и ей приходилось тянуть билетик с испытанием. Помню, как Лиа чистила унитаз своими носками. А меня заставили съесть огурец в шоколаде. Честно говоря, вкус был не таким отвратительным, как ожидалось, но я притворилась, будто меня тошнит, чтобы избежать дополнительной кары. Сейчас я бы все отдала за такую беспечную ночь, пускай мне пришлось бы бегать по улице в купальнике и петь «Я маленький чайник», как это делала Джизела. Все казалось таким простым, мы не стеснялись делать разные глупости, и, само собой, приятно было возвращаться утром в чистый дом, где меня ждали набитый едой холодильник и мама.

Теперь же я собираюсь заняться своим проектом и размышляю над тем, не помешает ли моим планам эта пижамная вечеринка. Стоит ли приступить к проекту сегодня? Или дождаться субботы, когда у меня будет больше времени на *призрачные* дела? Мне не терпится увидеть реакцию папы и Пейдж. Кто знает, заметят ли они вообще мои старания? Я не хочу делать существование *привидения* чересчур очевидным. Кстати, как оно вообще будет проявляться?

Ребята ушли на свои автобусы, а я поплелась по коридору восьмиклассников. Пахло в нем омерзительно – казалось, будто я сунула в нос неделю не стиранный носок или очутилась рядом с кучей мусора в жаркий летний день. Исая сказал, что, судя по исследованиям паранормальной активности, обоняние играет куда меньшую роль по сравнению с другими чувствами, но я решила начать именно с него. У меня есть целый список из пяти ароматов, напоминающих мне о маме. Во-первых, само собой, это тропический запах спрея для тела, во-вторых, запах крема от загара, они похожи, но все-таки немножко разные: у спрея запах легкий, как ветерок, а у крема более тяжелый; в-третьих, запах апельсинов. У нее в машине стоял освежитель воздуха с запахом апельсинов, отчего в салоне присутствовала атмосфера лета и свежести, и стоило мне опуститься на сиденье, как у меня появлялось сильное желание позавтракать, даже когда мама забирала меня после школы.

Я подумывала дополнить свой список спагетти, но это скорее семейное блюдо, а не конкретно мамин запах. Нет, с мамой больше ассоциируется *бекон*. Эта идея пришла ко мне внезапно на уроке физкультуры, когда я отрабатывала подачу в теннисе, и я чуть было не рассмеялась. Мама жарит бекон каждую неделю, если не чаще, и в кухне еще долго витал его запах. Им пропитались даже мамины волосы, и она расстраивалась, когда мы после этого шли на игру или в торговый центр. «Обычно женщины

пахнут цветами и зеленью, а я – свиной», – причитала она. А папа ее дразнил: «Если бы они знали, насколько это восхитительно, то беконные духи производились бы галлонами и продавались по тысяче долларов за унцию». – «Отлично, – отвечала мама. – Так я обрету мировую славу. Запущу свою линейку ароматов домашней кухни для женщин. Говорят же, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. А так и готовить не надо».

Очевидно, ее запах – бекон.

И наконец, лак для волос. Если папа еще не успевал уйти на работу, когда мама собиралась выходить из дому, он просил ее укладывать волосы в гостиной, чтобы в ванной комнате не поднялось облако химикатов. Она покупала огромные серебристые баллончики в дорогих магазинах с натуральной косметикой, но пахли они вовсе не естественно.

Я понимаю, что лучше не использовать сразу несколько запахов, с некоторыми будет вообще нелегко найти золотую середину. Например, с беконом. Если аромат получится чересчур сильным, папа с Пейдж решат, что кто-то жарит мясо, и он не возымеет должного эффекта. К тому же мне потом придется жареный бекон спрятать или впихнуть в себя целый фунт вместе с жиром, а это не так-то просто повернуть днем в четверг. Особенно если папа или Пейдж будут дома.

Я знаю, что мамино лака для волос у нас не осталось – папа убрал из ванной все лишнее несколько месяцев назад. В тот особый магазин я пойти не могу, да и тридцати долларов на баллончик у меня нет. Остаются крем для загара, тропический спрей для тела и апельсины. Тяжелый выбор. Конечно, легче всего использовать спрей. Я как раз вытащила один баллончик из кучи мусора, в которую папа свалил все мамины вещи, когда убирался в доме. Все мне спасти не удалось, но эту добычу я успела спрятать в карман и сбежать с ней в свою комнату. Теперь драгоценная добыча хранилась в нижнем ящике моего комода. Удачно вышло.

Вот только где им прыскать?

Дома я провела полный логистический анализ – это выражение принадлежит Исайте, не мне! – всех мест, подходящих для распыления спрея, и выявила два наилучших. Чтобы привести план в действие, необходимо было дождаться, пока уйдет папа. Я вздохнула с облегчением, когда увидела, что в гараже нет его машины.

Я взбежала вверх по ступенькам и вытащила из комода баллончик. Он был маленький, но почти полный. Для моего дела сгодится. Дома никого не было, но я все равно побаивалась заходить в комнату родителей, так что дверь открыла медленно и осторожно.

На мгновение у меня из головы вылетела мысль о том, что в гараже не было папиной машины, и я испугалась, не застанет ли он меня врасплох, но вместе с этим задумалась: *а не прятался ли* в этой комнате все это время мамин призрак? Может, папа не хочет ни с кем ей делиться. Мысль странная, но я над ней посмеялась.

Спальня оказалась неожиданно мрачной. Не такой я ее помнила. Окна были плотно занавешены, свет выключен. Постель не заправлена. Более того, ее как будто и не стелили. Одеяло комом валялось в изножье кровати, а простынка съехала, обнажая матрас. Кругом валялась одежда, покрывая собой чуть ли не весь пол.

Я надеялась, что почувствую себя ближе к маме, войдя сюда, но меня сразу поразило ее отсутствие. Если бы я не знала, какой комната была до этого, ни за что бы не догадалась, что мама в ней жила. Все эти минуты, проведенные у двери, попытки уловить ее запах были напрасны. Я его не чувствую. Я ее не вижу. Здесь скорее воняет, как в коридоре восьмиклассников, чего обычно не ожидаешь от родительской спальни. Не знаю, как долго я стояла у входа, разглядывая комнату. Я понимала, что надо скорее сделать то, за чем пришла, и убраться отсюда, но не могла. Слишком многое мне хотелось выведать.

Я неспешно двигалась вдоль стены, чуть ли не прижимаясь к ней, словно боясь упасть. Горе распространилось по комнате, будто черная дыра. Я провела пальцем по сероватой поверхности комода. С него слетел легкий слой пыли, и я закашлялась. Потянула на себя верхний ящик, но тут же закрыла: в нем лежало только папино нижнее белье.

В следующем ящике обнаружили футболки и носки. Отодвинув носки, я приподняла футболки. Под ними лежала маленькая черная коробочка. Я взяла ее и дрожащими пальцами откинула крышку. У меня чуть не остановилось сердце. Папино широкое обручальное кольцо блестело даже во мраке. А рядом с ним, к моему удивлению, лежали мамины кольца. У меня подкосились колени, и я сползла по стене на пол. У нее было два кольца. Одно простое, с тонким золотым ободком и одним скромным бриллиантом. Второе – целиком бриллиантовое, его она получила от папы на десятую годовщину свадьбы. Мама заплакала, когда открыла бархатную коробочку. Но она боялась это кольцо надевать и почти всегда держала в своей шкатулке для украшений. Я подняла взгляд на комод – там ее больше не было. Куда делась мамина шкатулка?

Я взяла золотой перстень и надела себе на палец. Само собой, мне он был велик, но я придержала его другой рукой и повертела пальцем, любуясь сиянием бриллианта. Мне казалось, что у нас не осталось

маминых колец. Я своими глазами видела их на ее пальце на церемонии прощания – и первое, и второе. Как они здесь оказались? Я покрутила их, приглядываясь к блеску камней. Такое чувство, будто мама – вот она, рядом. У меня по спине пробежали мурашки.

Если у меня такая реакция на ее кольца, возможно, мой план не совсем пропавший. Я спрятала их обратно в коробочку, убрала в комод и накрыла папиными рубашками. Стерла со щек пару слезинок и постаралась снова сосредоточиться на своей задаче.

Я приблизилась к постели и вытащила из кармана маленький баллончик. Подушки лежали, наваленные друг на друга; я взяла самую нижнюю из них и положила на ту половину кровати, на которой обычно спала мама. Один раз на нее пшикнула. Не удержалась и зажмурилась, наслаждаясь ароматом пляжа. А когда открыла глаза и увидела время на будильнике на прикроватном столике, то поспешила вернуть все на свои места, скрывая следы вторжения. Потом сбежала вниз по лестнице, вошла в гостиную и направилась прямо к дивану. Я распылила спрей для тела над подушкой там, где обычно сидела мама.

После этого я убежала к себе в комнату и тщательно спрятала баллончик в дальнем углу комода. В старой коробке, где лежали все мои куклы барби. Потом сняла уличную одежду, бросила ее в корзину для грязного белья и помчалась в душ. Там я долго терла руку мочалкой и намывала мылом, а потом смыла остатки маминого тропического аромата.

После душа я переоделась в шорты и футболку, собрала грязное белье в спальне Пейдж и кинула к своему. Запахнула всю эту кучу в стиральную машину вместе с порошком и нажала «пуск». Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы от меня или моей одежды исходил запах спрея.

Я решила еще и приготовить ужин, на всякий случай. Идею с сэндвичами с беконом, капустой и помидорами я отмела. Это было бы слишком. Зато поставила в духовку замороженную магазинную пиццу. Вполне сойдет. Папа с сестрой не заметят аромата спрея для тела, пока не сядут на диван или пока папа не ляжет спать.

Я нетерпеливо шагала туда-сюда, дожидаясь, когда они вернуться домой. Мне не терпелось увидеть их реакцию. Интересно, они мне что-нибудь скажут? Папа вряд ли, а вот Пейдж – возможно.

Сестра пришла минут через пятнадцать.

– М-м... ты приготовила ужин? – спросила она.

Я в тот момент сидела перед ноутбуком и изучала ссылки, которые сегодня скинул мне Исая.

– Всего лишь разогрела пиццу!

– Приятно пахнет. – Пейдж потеряла руки, и я улыбнулась.

Я поднялась со стула и достала нам тарелки. Сестра уже нарезала пиццу на крупные куски.

– Умираю с голоду, – призналась она.

Я протянула ей пустую тарелку.

– Спасибо, – улыбнулась Пейдж. – Посмотрим фильм?

– Конечно! А у тебя разве нет домашнего задания?

– Есть, но я хочу немного отдохнуть. У меня последнее время было много смен. Я рада, что удалось выкроить хоть один свободный вечер. Меня хотели позвать работать, но я отказалась. Сегодня на истории меня так и тянуло в сон.

– Со мной каждый день такое, – отозвалась я. – Хотя я и не работаю.

Пейдж взъерошила мне волосы и засунула в рот кусок пиццы.

– Кто последний – тухлое яйцо! – крикнула она и засмеялась.

Я даже не попыталась ее догнать. Пейдж всегда бегала быстрее меня. К тому же я надеялась, что она выберет мамино прежнее место. Но вопреки моим ожиданиям Пейдж опустила на другой край дивана. В руках у нее уже был пульт. Я плюхнулась в кресло. Обычно там сидел папа, но мне хотелось освободить для Пейдж весь диван, чтобы она почувствовала аромат спрея. Фильм начался, и я принялась жевать пиццу. Честно говоря, мне было не до происходящего на экране. Я то и дело оглядывалась на сестру: не заметила ли она чего? Но Пейдж смотрела в экран без какого-либо выражения на лице. Наверное, подушка лежала чересчур далеко от нее, и кто знает, сколько еще мог продержаться тропический запах?

– Кстати, Бекки пригласила меня завтра у нее переночевать, – сказала я.

– Ты отпросилась у папы? – спросила Пейдж.

Я вскинула бровь.

– Ну, оставь ему записку. – Пейдж пожала плечами. – Как ты к ней доберешься?

– Поедем вместе домой после школы.

– Отлично. Я как раз завтра вечером занята. Сестра зевнула и откинулась на спинку дивана. «Пожалуйста, приляг», – подумала я про себя, мысленно побуждая Пейдж подвинуться к заветному местечку.

– Какие планы на выходные? – спросила я.

Пейдж покачала головой и снова зевнула.

– Работать и спать.

Она начала клевать носом.

– Никаких вечеринок?

Пейдж хмыкнула:

– Нет, без вечеринок.

Она еще раз широко зевнула и сонно прикрыла глаза. Усталость окончательно ей овладела. Пейдж опустила голову на подушку и положила ноги на другой край дивана. Она среагировала не сразу. Я уже подумала, что сестра уснула, ничего не заметив, но несколько секунд спустя она резко распахнула глаза и вцепилась рукой в диван. Я услышала, как Пейдж тихонько вдыхает аромат.

– Что-то случилось? – спросила я.

Сестра сощурилась:

– Ничего.

Я перевела взгляд на телевизор, но специально устроилась в кресле так, чтобы наблюдать за каждым движением Пейдж, хотя бы краем глаза. Судя по всему, она пыталась сделать вид, что все в порядке. Сестра отвернулась, словно собираясь задремать, и глубоко вдохнула. Жаль, что я не видела ее лицо.

Потом Пейдж снова развернулась к телевизору. Я быстро моргнула и уставилась в экран. «Ну же, Пейдж. Скажи мне, о чем ты думаешь. Или хотя бы покажи».

Сестра отозвалась на мои мольбы. Но не совсем так, как мне того хотелось бы. Пейдж встала с дивана:

– Я пойду к себе в комнату.

Она произнесла это почти шепотом, и голос у нее дрожал.

– Ладно, – отозвалась я. – Все нормально?

Пейдж кивнула, но больше ничего не добавила. Чуть позже она спустилась обратно в гостиную за своим рюкзаком. Глаза у нее были красные и опухшие. Меня тянуло перед ней извиниться. Наверное, я совершила ужасную ошибку. И мне больше не стоит этого делать.

Но ведь надо. Я доведу дело до конца, а там посмотрим. В конце концов, у нас и так все хуже некуда. А еще мама частенько говорила перед ужином: «Десерт не получите, пока не съедите что-нибудь зеленое». Пейдж заявляла, что тогда и яблочное желе подойдет. А мама смеялась и принималась перечислять все хорошие события, которые приходят только после плохих: «За зимой следует весна. За родами – новая жизнь...»

«Ладно-ладно, – отвечала Пейдж. – Съем я твою дурацкую брокколи».

Да, сейчас нам больно и тяжело, но я надеюсь, что в конце пути нас ждет десерт.

Глава седьмая

Звон будильника снова и снова бьет меня по вискам, словно молоток. Я ударяю по нему ладонью и засыпаю, и так два раза подряд. За чтением историй про призраков и размышлениями над новыми экспериментами прошла большая часть ночи. Чтобы из-под моей двери не сочился свет и Пейдж или папа не зашли ко мне, пока я рисую схемы и изучаю паранормальную активность, я выключила лампу и спряталась под одеялом с фонариком и распечатками. Видимо, там и уснула, потому что фонарик валяется поблизости, а я накрыта одеялом с головой. На улице еще темно, но я все равно откидываю одеяло, встаю и разминаюсь. Стряхнув сонливость, я повторила про себя план. Сегодня мы поедем к Бекки сразу после школы, и мне надо что-нибудь вытворить до того, как я разбужу Пейдж, чтобы обеспечить присутствие призрака в доме.

План я придумала вчера ночью, и, с моей точки зрения, он просто гениальный. Пейдж каждый день ходит в школу со старой тряпичной сумкой. Я спустилась на первый этаж и отправилась напрямик к нашей Главной Мозоли, как называла ее мама. У нас нет настоящей прихожей. Только ряд крючков на стене у выхода в гараж. Там неаккуратно развешаны куртки, зонтики и портфели, а под ними на полу валяется обувь. Сумка Пейдж даже не добралась до крючка – видимо, сестра бросила ее на пол, когда пришла вчера домой. На сумке узор в красно-белую полоску, но ляжка просто белая – посеревшая от частого использования, но все же белая. Я взяла бутылочку с кремом от загара, нанесла немного на ладони и потерла ими ляжку. Не сильно, чтобы аромат весь день преследовал Пейдж, но чтобы она не смогла догадаться почему. Затем помыла руки и побежала наверх будить сестру.

Удивительно, но папина дверь была не заперта, а распахнута настежь. Я заглянула в комнату и обнаружила, что его там нет.

Я прислушалась – вдруг он в ванной? – но до меня не доносился шум воды. Наверняка папа пришел домой рано или поздно, но куда он теперь-то делся? Это я выяснила только после того, как сходила в душ и переоделась. Когда я наливала молоко в миску «рисовых хрустяшек» – точнее, обычного воздушного риса, – в гостиной что-то зашуршало. Я поставила миску на стол и подошла к двери. Телевизор был включен, а на диване лежал папа.

Наверное, он услышал мои шаги, потому что сказал:

– Доброе утро.

– Ты давно не спишь? – спросила я.

– Почти всю ночь.

Вот почему в спальне пусто.

– Не мог уснуть?

– Да, никак.

– Ты заболел? Тебе как-нибудь помочь?

– Не-т, просто сны плохие снились, понимаешь? – Папа отвернулся и потер лоб.

– Понимаю, – мягко ответила я.

Я вернулась на кухню к своему воздушному рису. Там уже стояла Пейдж и тоже наполняла себе миску.

– Будем наслаждаться, пока есть еда, согласна? – улыбнулась она.

Я кивнула и захрустела хлопьями.

– Он в гостинной? – Сестра вздохнула.

Я еще раз кивнула и продолжила жевать.

– Наверное, с водой что-то не так, – начала Пейдж и запнулась. Она убрала коробку хлопьев обратно в шкафчик и добавила: – Или с воздухом.

Я проглотила ложку воздушного риса:

– Ты о чем?

Пейдж села возле меня за стол и тихо заговорила:

– Прошлой ночью со мной случилось что-то странное. Поклясться готова, что почувяла запах маминого спрея для тела. Помнишь ту дрянь с ароматом тропических островов, которую она покупала в баллончиках?

Я закусила губу и улыбнулась:

– Мне он нравился.

– Честно? Я его терпеть не могла. Меня чуть ли не тошнило. – Пейдж поднесла ложку ко рту и быстро проглотила хлопья. – В общем, вчера мне особенно не хватало мамы.

– Мне жаль.

– Ты ни в чем не виновата.

На самом деле виновата, но не могу сестре в этом признаться. В тот момент я поняла, что мне лучше поспешить или вообще изменить подход к проблеме. Одно случайное воспоминание – это довольно грустно. За ним должен скрываться какой-то смысл. Дом не может называться «домом с привидениями», если жильцы не догадываются о том, что в нем поселились призраки. Крем от загара продолжит традицию, которую я задала вчера вечером. Но, возможно, мне стоит подтолкнуть Пейдж в нужном направлении.

– Я иногда пытаюсь уловить мамин запах, – начала я. – Просто чтобы почувствовать, что она где-то рядом. Не здесь, но как бы здесь.

Пейдж ухмыльнулась:

– Об этом я не думала.

– Так что, наверное... Наверное, тебе повезло. И мама просто хотела показать, что присматривает за тобой... или что-то вроде того.

– Боже мой, не приплетай сюда свои дурацкие истории. Ты же знаешь, как я отношусь ко всем этим сказкам про призраков.

Пейдж подмигнула мне, и мы обе набросились на хлопья с молоком. Возможно, я перестаралась; хорошо, что Пейдж оборвала разговор в самый подходящий момент. Она ни о чем не подозревает. Я всего лишь дала ей малюсенькую подсказку.

Мы разошлись по своим комнатам, чтобы собрать в школу. Спускаясь вниз, я заметила, что ладони у меня жирные. Интересно, как сестра воспримет запах крема на тряпичной сумке после нашей беседы за завтраком? Я остановилась в дверном проеме, наблюдая за тем, как Пейдж обувается. Не успела она потянуться за сумкой, а запах уже ударил ей в нос – она замерла и принюхалась, почти как собака. А потом поморщилась и перекинула сумку через плечо.

Тут меня осенило, что у Пейдж крем от загара может и не ассоциироваться с мамой. Как оказалось, тропический аромат спрея для тела сестре никогда не нравился; вдруг она связывает с мамой совсем другие запахи? Черт! Это все меняет.

Пейдж повернулась ко мне:

– Ты обедаешь на улице?

– Бывает иногда.

Сестра взяла бутылочку крема от загара с полки, висевшей над рядом крючков:

– Возьми, нанесешь его в машине. Лучше быть намащенной, чем обгоревшей!

Я широко распахнула глаза и втянула щеки, чтобы сдержать радостную улыбку. Именно эти слова повторяла мама, когда мы жаловались, что нам противно наносить крем от загара. Однажды она заставила нас буквально в нем измазаться, и Пейдж пожаловалась, что на ее теле словно растопили кусок сливочного масла. Так к нам и привязалась эта фраза.

До школы мы ехали в полной тишине, но когда Пейдж высаживала меня у ворот, она улыбнулась – по-настоящему. По коридору я брела словно в трансе. В шкафчике меня ждал сложенный листок бумаги; он выпал, когда я открыла дверь. На нем значилось мое имя, явно

выведенное рукой Исайи. Я подхватила записку и спрятала ее в карман до начала урока, чтобы не пришлось объясняться перед Бекки или другими случайными свидетелями.

Опустившись за парту, я достала из кармана листок и развернула.

В библиотеке в обед?

После всего произошедшего благодаря моим экспериментам мне не хотелось дожидаться урока естествознания, чтобы поговорить с Исайей, так что встреча в библиотеке была бы очень кстати. Но все не так просто. Да, это всего лишь Исайя, и мне нравится с ним общаться, но все в школе считают его странным, а Бекки, наверное, уже выдумывает для меня прозвище почуднее, что-нибудь вроде «гикофилка». Конечно, она скажет, что ей просто хотелось меня подразнить, но я не могу быть в этом так уж уверена. От этих мыслей у меня живот сводит. Иногда Бекки ведет себя просто отвратительно.

Надо придумать, что наплести подругам. Я постучала пальцем по столу. Мы с Исайей *вместе* готовим научный проект. На следующей перемене я скажу Лиа, что не пойду с ними на обед, потому что нам есть что обсудить. Она из нас самая ответственная в том, что касается учебы, и, скорее всего, поверит в мою историю...

– Вот отстой, – пробурчала Лиа недовольно. – Обязательно этим заниматься во время обеда?

Ответ я подготовила заранее:

– Либо так, либо я должна остаться после занятий. Лучше уж пожертвовать обедом, как думаешь? Кроме того, впереди у нас целая ночь! – Я слегка толкнула подружку бедром, и Лиа прыснула.

Я страшно обрадовалась, что она поверила, и следующий ее вопрос застал меня врасплох:

– А какая у вас тема?

Я совсем забыла, что Лиа тоже ходит к мистеру Сниду, просто в другое время.

– Ну... Мы изучаем призраков.

– Для урока естествознания?

– Да. Рассматриваем разные научные теории о потусторонних материях, размышляем над доказательствами их существования и тому подобное.

С минуту Лиа смотрела в пол, а я наблюдала за ней, гадая, что она скажет. Но подружка молча взяла меня за руку и повела обратно в класс. Я уже думала, что меня пронесло, как Лиа наклонилась ко мне и спросила:

– Ты уверена, что мысль хорошая?

Я взглянула на нее и заметила, что она озабоченно нахмурилась.

– Лиа, ты же знаешь, как я люблю истории о привидениях. Это все только ради забавы.

– Уверена?

– Да.

По крайней мере, мне так кажется.

Библиотека открыта во время обеда, но людей там не особенно много. По правилам есть в ней запрещается, но не всех это останавливает. Я умяла сэндвич с арахисовой пастой и джемом на ходу в коридоре, но протащила с собой бутылочку воды, чтобы отлепить язык от неба. Исайя помахал мне из-за стола в дальнем углу библиотеки. Я огляделась и с облегчением обнаружила, что поблизости нет никого из знакомых. Не то чтобы мне было стыдно общаться с Исайей.

Вовсе нет. Честное слово! Мне плевать на то, что ребята про него говорят... Правда! Просто на уроке мне как-то легче. Не приходится беспокоиться о том, что подумают мои друзья. Я понимаю, что Исайя не заслуживает плохого отношения, и мне чуть-чуть стыдно за свое поведение, но когда умерла мама, я потеряла еще и папу и теперь боюсь потерять друг.

– Привет, – сказала я, опускаясь на стул.

– Ну как ты сегодня? – озабоченно спросил Исайя.

– Нормально. Почему ты спрашиваешь?

– Сама знаешь, Энди, неделя выдалась странная. Ты то расстроена, то искиришься энтузиазмом, как вчера. Я вижу, что тебе тяжело.

– Мне каждый день тяжело, Исайя.

– Да, но...

– Честное слово, все в порядке. Я вчера вечером приступила к операции «Дом с привидениями».

– Правда? Уже? И как все прошло? Что ты сделала? – затараторил он, копаясь в своем рюкзаке. – Ты не воспользовалась моей схемой! И почему не сказала, что начинаешь действовать так скоро?

– Я думала, это неважно.

– Ладно, скажи, ты начала с запахов, как и собиралась?

Я кивнула:

– Да. А что?

– И больше ничего не делала?

– Нет. Объяснишь наконец, в чем дело?

– Смотри. – Исайя пододвинул ко мне лист бумаги с подробным списком возможных экспериментов. Он даже оставил пустые места для

заметок. – С этим ты сможешь отслеживать результаты и делать выводы о том, какие действия произвели наибольший эффект. К тому же, если будешь все записывать, проект получится более... научным, что ли...

– Исайя, я это делаю не для работы по естествознанию.

– Знаю. Но все-таки это *проект*, включающий ряд экспериментов, и он заслуживает хорошей организации.

Сначала я почувствовала раздражение. Но, изучив список, поняла, что Исайя потратил на него всю ночь. Ради меня. Внезапно его поступок вызвал у меня такой восторг, что мне захотелось поместить листок в рамку и повесить над кроватью. А этого, конечно, делать нельзя ни в коем случае.

– Спасибо. Выглядит здорово.

Исайя слегка выпрямился:

– Не за что. Все детали заноси в этот пустой столбец. Запиши результаты прямо сейчас, пожалуйста. Пока твои наблюдения еще свежи в памяти.

– Свежи в памяти? – усмехнулся я. – Тебе что, сорок лет?

Исайя фыркнул:

– Я развит не по годам.

Наверняка он часто это слышит. Исайя и правда мыслит, словно взрослый, но энергии в нем, как в тринадцатилетнем парне. Только нет одержимости туалетными шутками.

Я достала ручку и принялась за дело. Описала вчерашнюю реакцию Пейдж. Отметила, где нашла сегодня утром папу, и занесла в столбец все, что Пейдж сказала и сделала сегодня утром. Я заметила, что Исайя пытается заглянуть в бумажку, и подвинула лист так, чтобы ему было лучше видно, потому что и так собиралась все ему рассказать.

Пока я строчила, Исайя бормотал:

– Любопытно. О! Хм... Вот как? Ух ты!

Закончив писать, я отложила ручку, скрестила руки на груди и спросила:

– Ну, что скажешь?

– План гениальный.

– Разве? Мне кажется, что я делаю только хуже.

– Энди, история с кремом от загара просто замечательная. Пейдж переняла добрую привычку у твоей мамы. Или... взяла на себя роль твоей мамы. Неважно. Ты же к этому стремишься?

Меня приободрили слова Исайи. Возможно, я слишком остро на все реагировала. Про мамины кольца я ему не рассказала. Не знаю почему, но я еще не готова этим поделиться.

– Что дальше? – поинтересовался Исайя. – Я разбил все идеи на категории по воздействию на органы чувств и по времени, необходимому на подготовку.

– Вижу. Я пока ни в чем не уверена. Сегодня вечером меня не будет дома, так что все планы придется отложить до завтра.

– Куда?

– А?

– Куда ты пойдешь?

– А, ну... Всего лишь к Бекки в гости.

Улыбка Исайи погасла.

– Я ей не очень-то нравлюсь, да?

– Она тебя совсем не знает.

– Меня все недолюбливают, Энди.

Я замялась. Что ему ответить? Мы оба знаем, что это правда, и врать мне не хочется.

– Только не я.

– Почему?

– В смысле – почему? Мне ты нравишься, вот и все, – ответила я и попыталась сменить тему: – Какие у тебя планы на выходные?

Исайя пожал плечами:

– Буду делать уроки.

– Все выходные?

– Почти.

Голос у парня бесцветный, и заметно, что он обижен.

– Мне жаль, Исайя.

– Но недостаточно, чтобы пригласить меня погулять, да?

Исайя резко поднялся из-за стола и ушел.

Я осталась смотреть на листы бумаги перед собой, а щеки у меня пылали, как огненные шары.

Глава восьмая

Когда я пришла на урок естествознания, Исайи в классе не было, что не просто необычно, а совершенно невероятно: я не могу вспомнить ни единого раза, чтобы он не приходил на урок первым. Мистер Снид уже вывел на экран сегодняшнее задание, так что я села за парту и приступила к работе.

Исайя пришел за несколько минут до звонка и молча сел рядом со мной. Он немедленно занялся экспериментом и буквально взял все на себя. Мне было очень стыдно. Я и правда хорошо относилась с Исайе и хотела с ним дружить, но гулять вместе? Разве такое возможно? У меня и так много сил уходит на домашние проблемы и отношения с подругами, и вряд ли я смогу пережить насмешки, если ко мне начнут относиться так же, как к Исайе.

Я до сих пор ловлю на себе сочувственные взгляды ребят на уроках. Прошлой осенью именно Бекки сказала одной девчонке, которая в упор на меня пялилась: «Сделай фото и смотри сколько влезет», взяла меня за руку и оттащила в сторону. Конечно, она бывает невыносимой, но что бы я без нее делала? Хотя потерять дружбу Исайи я тоже боюсь.

Мне страшно снова заводить с ним разговор, но не можем же мы вечно сидеть в молчании!

– Мне очень жаль, – наконец выдавила из себя я.

Исайя вздохнул:

– Знаю.

– Должны же у тебя быть *хоть какие-то* друзья.

– Вообще нет. Только мой младший брат.

– Шутишь?

Исайя пожал плечами.

– Но ты хотя бы пробовал их завести?

Сказав это, я тут же осознала, что Исайя *уже* пытается подружиться. Со мной.

Парень нахмурился, и я поспешно добавила:

– Такого же быть не может!

– Я пробовал, когда мы сюда переехали три года назад. Мама даже заставила меня вступить в несколько спортивных команд. Закончилось все кошмарно.

Исайя хмыкнул и продолжил теревить бумажку с формулами, то складывая ее, то разворачивая.

– Что случилось? – мягко спросила я.

Исайя шумно выдохнул:

– Наверняка ты слышала про случай с Джеффри и другими ребятами.

– Вроде того.

Мне очень хотелось услышать его историю. Отчасти она была известна всем в нашей школе, но почти никто не знает деталей. Джеффри Блэйн – это Мистер средняя школа «Вашингтон-Хайтс», и ему в пору расхаживать целыми днями в короне. Мы с ним ходили в разные начальные школы, но даже я и мои подруги слышали о Джеффри еще до того, как поступили в «Вашингтон-Хайтс». Я не знаю ни одной девчонки, которая хотя бы чуточку в него не влюблена. И всем известно, что Исайю избегают как раз из-за Джеффри. Этот супермен словно наложил проклятие на Исайю, и теперь его либо ненавидят, либо обращаются с ним как с невидимкой. На Бекки это заклятие действует так же сильно, как и на остальных. «Джеффри Блэйн мне рассказал, что этот парень просто монстр и в любую минуту может слететь с катушек», – заявила она мне однажды. Что бы ни говорил Джеффри, как бы он ни относился к другим ученикам, в этой школе его слово – закон. Он не хочет, чтобы Исайю любили, вот его и не любят. А почему именно – этого я не знаю.

– С учебой я справляюсь отлично, а вот с людьми веду себя довольно глупо. Мама меня сравнивает со щенком. Я слишком эмоциональный. Так вот, до переезда я ходил в маленькую частную школу и понятия не имел, как здесь у вас все устроено. Не знал, что с такими людьми, как Джеффри, нельзя просто взять и заговорить. Он принялся меня дразнить после того, как я сел рядом с ним за обедом. Ничего особенного же, правда? Но Джеффри целый год надо мной насмеялся.

– И когда это было?

– В четвертом классе. И не шути про «ничтожного четвероклассника», пожалуйста. – Исайя улыбнулся, но не искренне, а скорее по привычке. – В общем, все шло не так уж плохо, пока не наступило лето и мама не уговорила меня заняться бейсболом. Забавно, но играл я неплохо, и бейсбол мне в общем и целом нравился. У меня даже появились друзья, и однажды меня пригласили на вечеринку по случаю дня рождения у бассейна. В тот злополучный день Джеффри играл за питчера команды противника. Нес всякие глупости про мои волосы и тому подобное. С его подачи и остальные ребята начали надо мной подшучивать. Подошла моя очередь ударить по мячу, и я запустил его – со всей силы – прямо в

Джеффри. Не знаю, как так вышло. И попал я в то самое место, понимаешь? – Исайя говорил, не поднимая глаз, и я не сразу поняла, о чем он. – Он согнулся пополам и прижал к этому месту ладони. На самом деле смешного в этом ничего не было, но все ребята хохотали так, словно им показывали отличное комедийное шоу. Скорее всего, и потом об этом не раз вспоминали. Джеффри был в бешенстве. С тех пор он стал относиться ко мне еще хуже.

– Но ты же не специально!

– Он-то этого не знал.

– Все равно не понимаю, за что тебя невзлюбили?

– Наверное, Джеффри навывдумывал обо мне кучу всего. Я не обо всем слышал, но была одна история о том, как я обмочился при встрече с ним в торговом центре. Лето кончилось, начался учебный год, а дальше ты знаешь...

– Это несправедливо.

Исайя пожал плечами. На минуту повисла неловкая тишина, а потом он сказал:

– Слушай, давай не будем больше об этом, ладно? Честно говоря, я обрадовался, когда ты пришла в библиотеку. Подумал, что ты не только в школе готова со мной общаться. Но ничего страшного. Я все равно буду тебе помогать с твоим проектом, да и по естествознанию тоже.

Мне было больно это слышать, но вместе с тем я испытала облегчение.

Остаток дня я думала о чем угодно, только не об уроках. Внимательно рассматривала схему Исайи в надежде, что она поможет мне понять, как действовать дальше. Как я догадываюсь, папе с Пейдж надо оставить более ясное послание, но какое? Переложить какой-нибудь предмет – расческу или там книгу – в конкретное место, переключить телевизор на определенный канал?

Еще я гадала над тем, рассказать сестре о кольцах или нет. Наверняка ей будет интересно об этом узнать, и мне хочется с ней поделиться. Но тогда придется объяснить, как я их нашла, а я не готова признаваться в том, что копалась у папы в комод.

И наконец, я думала об Исайе. Представляла, как ему живется, и корила себя за эгоизм. На групповой терапии я набрасываюсь на Брайана за то, что он думает исключительно о своих проблемах, а с Исайей работаю в паре целый год и даже не задумалась над тем, что у него совсем нет друзей. Я предполагала, что приятелей у него немного, да и учатся они не в нашей школе, но все-таки они есть. Я не замечала, чтобы Исайя грустил по этому поводу.

Даже смешно, как сильно я хочу обсудить все это с мамой. Смешно не в смысле «обхохочешься», а в смысле «глупо». Будь она жива, у меня и не появилось бы всех этих проблем, но сейчас только она способна дать совет, как снова сплотить нашу семью.

* * *

Я с нетерпением ждала пижамной вечеринки, чтобы отвлечься от домашних проблем, но даже в доме у Бекки продолжала думать о своем проекте. Да и не только о нем, так что вид у меня был достаточно отстраненный.

– Что-то ты сегодня в облаках витаешь, – усмехнулась Лиа.

– Да нет.

– Вот как? Ты положила мясо для тако не в лепешку, а на брауни.

Я опустила взгляд на свою тарелку – и правда, на ней словно проводился эксперимент по смешению вкусов. Еще и желе посыпано тертым сыром. Вряд ли мне удастся сделать вид, что это специально.

– Упс! – весело сказала я.

Девочки рассмеялись и, к счастью, оставили меня в покое.

Все шло хорошо, пока мы не начали играть в «правду или действие». Мне всегда нравилось делать всякие глупости. Я готова к заданиям вроде «Поцелуй аквариум» или «Позвони в пиццерию и повесь трубку, если осмелишься». А вот говорить правду мне совсем не по душе.

Сегодня меня особенно задел вопрос: «Скажи честно, тебе нравится Исайя – прямо *нравится?*»

Казалось бы, нет ничего проще, чем ответить: «Ну уж нет!» Но почему у меня такое чувство, будто я соврала?

Похоже, никто из девчонок не заметил моего замешательства. По крайней мере, я на это надеюсь. В конце концов, не могла же я в Исайю влюбиться, правда?

– Вот еще, – проворчала Бекки. – Как бы не так! Да Энди и сама понимает, что я перестану с ней дружить, если она начнет встречаться с этим задротом.

Я поднялась за попкорном, чтобы никто не заметил, как у меня покраснели щеки. Не знаю даже, смутилась я или рассердилась. Почему для Бекки так важна популярность? Почему для меня так важно ее мнение? Разве невозможно представить, что Исайя может кому-то понравиться? Он довольно милый. Стрижка бы ему не помешала, да и одежда на размер поменьше, но глаза у него красивые и улыбка приятная. Да и вообще он хороший человек.

Джизела предложила включить фильм, и я вздохнула с облегчением. Что угодно, лишь бы не «правда или действие»! Спустя час «Идеального голоса» мы попытались хором спеть а капелла, но вышло у нас ужасно. По крайней мере, у меня. Не успела я оглянуться, как началась битва подушками. Я громко смеялась и всю оставшуюся ночь провела как обычная девчонка из средней школы. Мы ели пиццу, слушали зажигательную музыку, делились секретами, и, казалось, все наши проблемы отошли на задний план. На время я притворилась, что ничего не скрываю от подруг. Притворилась, что ничего меня не беспокоит и не отвлекает от веселья. И я не замечаю, как меня подкалывает Бекки. Или эта пижамная вечеринка напомнила нам о том, как все было раньше, и мы отчасти вернулись в те времена.

В любом случае, сегодня в моей жизни не было места призракам.

* * *

Наутро я вспомнила, что никого не попросила меня забрать из школы. Позвонила сестре – она сказала, что не может уйти с работы. Набрала папин номер, нервно стуча ногой по полу. Он не ответил. Я для вида оставила ему голосовое сообщение, а потом повесила трубку и, повернувшись к отцу Бекки, соврала:

– Видимо, он тоже занят на работе. Я пройдусь, ничего страшного.

В итоге домой меня отвез папа Бекки, и благодаря этому я вернулась в реальность. Вспомнила, как раньше за мной приезжала мама. Как она не отпускала меня к Бекки, не поговорив с ее отцом. И даже после этого засыпала меня вопросами о том, чем мы собираемся заниматься. А я ей говорила, во сколько меня забрать.

Я знаю, что папа нас очень любит. Просто он слишком потерян, чтобы думать о таких мелочах, да и не привык он за мной заезжать. Наверное, он даже не догадывается, что мне чего-то не хватает.

Придя домой, я обнаружила, что там никого нет. Неизвестно, когда вернется папа, так что надо тщательно проработать стратегию. Я опустилась на диван в гостиной, на ту самую подушку, которую недавно опрыскала спреем для тела, – туда, где обычно сидела мама. Мне не хватало вдохновения. Я закрыла глаза и откинулась на спинку дивана, ощущая, как меня окутывает мамин аромат.

– Мы давно с тобой не разговаривали, мама, – тихо сказала я. Надеюсь, она меня слышит, где бы она ни была. – Пока всем нам лучше не стало, но об этом ты, наверное, и так знаешь. Я пытаюсь хоть что-нибудь изменить, но не уверена, что задумка хорошая; впрочем, выбора у меня нет. Мы все

очень по тебе скучаем. Ты за многое была ответственна, и никто не взвалил на себя твои обязанности. Да, мы стараемся, но, видимо, на все нас не хватает. В общем, просто хотела сказать, что я о тебе не забыла, если ты вдруг сомневаешься.

Я перевела дыхание, похлопала ладонью по дивану и встала. Так, кто больше нуждается в призрачном послании? Пейдж или папа? Разумнее всего было бы выбрать папу, но с Пейдж я пока что добилась большего. К тому же она изо всех сил старается удержать нашу семью на плаву. Сестра заслужила искорку надежды.

Более того, я точно знаю, что раньше четырех Пейдж домой не вернется, так что времени у меня достаточно.

Комната у нее идеально чистая. Как ни странно, сестра умудряется сохранять там порядок, даже когда вся ее жизнь переворачивается с ног на голову. К ней я тоже давно не заходила. Очевидно, в последнее время мы все еще больше замкнулись в себе.

До сих пор помню, как я тайком пробиралась к Пейдж в комнату и крадя ее игрушки и тетрадки. Она топала ногами, кричала и убеждала родителей в том, что ей нужен замок на дверь.

Здесь я повела себя так же, как недавно в комнате отца, – изучила обстановку.

На темно-фиолетовом стеганом одеяле лежала одинокая плюшевая хрюшка – Пейдж выиграла ее на городской ярмарке, когда ей было восемь. Для маленькой девочки это была огромная победа, и сестренка страшно ей гордилась. Неважно, сколько Пейдж лет, она не расстается с этой игрушкой. Наверняка потом ей вручали и более крупные призы, но свинка все равно оставалась особенной.

Небольшой письменный стол примостился в углу у окна. На нем, как и на кровати, почти ничего не было. Папка для бумаг. Старый пластиковый стакан под карандаши, ручки и маркеры. Пробковая доска над столом – пожалуй, самая неряшливая деталь во всей комнате. Она вся покрыта фотоснимками, билетиками и открытками из тех мест, где мы побывали. А еще дипломами и медалями. На доске есть даже автограф одного из членов группы «Jonas Brothers», не знаю – какого именно. Когда-то у нас в городе проводилась встреча этих музыкантов и их фанатов, и мама отвела туда Пейдж. Они четыре часа стояли в очереди, и мама зареклась *больше никогда* не ходить на подобные мероприятия, хотя ее сместили визги Пейдж. Думаю, на самом деле мама бы еще хоть тысячу раз ее туда отвела. Пейдж уже явно переросла эту группу, но она хранит на своей пробковой доске все, что когда-либо имело для нее значение.

Слева над столом возвышался комод. Родители взяли его для детской на гаражной распродаже, когда Пейдж была еще совсем маленькой, и выкрасили в нежно-розовый, еще и в белый горошек. Примерно в моем возрасте Пейдж сумела их убедить, что переросла узоры в горошек и розовые обои. Теперь стены сиреневые в белую полоску. Комод тоже перекрасили в белый. Ручки сделали фиолетовыми, под цвет обоев. Сейчас краска слегка потрескалась, и под ней виднелось старое дерево.

Шкатулка с украшениями стояла на комод. Я понимала, что не должна ее открывать. Если Пейдж догадается, что я к ней заходила, она меня приберет, особенно когда узнает, что я копалась в ее вещах, но мне нужно придумать нечто особенное, чтобы приободрить сестру. Я откинула крышку – шкатулка оказалась полупустой. Пейдж почти не носит украшений. Ничего особенного интересного там не лежало, только серьги – возможно, из «Клэр».

Я захлопнула крышку и отошла к шкафу для одежды. Рыться я там не собиралась, только взглянуть одним глазком. К счастью, на меня ничего не вывалилось. Шкаф Пейдж меньше моего, зато комната у нее просторнее. И у меня на верхней полке хранятся наши чемоданы.

Я отступила назад и медленно развернулась. Бросила взгляд на пробковую доску, вернулась к столу и еще раз внимательно все изучила.

Доска и правда служила Пейдж альбомом воспоминаний, только не все свидетельства жизни сестренки удавалось разглядеть, слишком много всего было наклеплено. Доска утопала под слоями бумажек. Я заметила снимок правого уха Пейдж и прыснула. Скорее всего, его сделала мама, когда ненадолго – практически на минутку – увлеклась фотографией. Она думала, что с помощью удачного ракурса и правильного освещения удастся создать предмет искусства, но в итоге получилось обычное ухо. Я приподняла набросок Пейдж с жирной красной оценкой «отлично» от преподавательницы по рисованию и посмотрела, что скрывается под ним. Натюрморт с фруктами прикрывал портрет девушки, достаточно похожей на Пейдж, чтобы называться автопортретом, но с искаженным лицом. Шея узкая, как соломинка, голова формой напоминает ограненный бриллиант, глаза огромные и выпученные, а лоб неестественно широкий. В углу выведены миниатюрная подпись сестры и дата. Я вернулась к первому рисунку. Это как «до и после». «До» – обычный, скучный, приевшийся натюрморт. «После» – изуродованный автопортрет с кривыми углами, в котором нет ничего красивого. Видимо, преподаватель не поняла значения «после», потому что над ней темнела красная оценка «удовлетворительно», обведенная в кружок.

До меня смысл дошел сразу. Пейдж словно задыхается. Ей не хватает воздуха, голова у нее распухла и вот-вот взорвется. У меня тоже иногда такое бывает. Странное чувство, будто меня вынули из тела и я с минуты на минуту уплыву вдаль.

Я приподняла уголки листов и заметила еще одну фотографию. Тогда я отодвинула рисунки и обнаружила несколько снимков, приколотых к доске желтой кнопкой. Осторожно вынув ее, я вытащила один из снимков и вставила кнопку обратно.

Я положила фотографию на стол, села и какое-то время на нее смотрела. На несколько минут мне почудилось, будто я вернулась в прошлое – в тот день, когда был сделан этот снимок. Он трехлетней давности, тогда мы проводили каникулы в Калифорнии. Там нас ждало много радостей, но и неприятностей тоже. Начиналось все здорово. Мы увидели много безумных вещей на пляже Венис в Лос-Анджелесе, вроде парня в костюме пасхального кролика и в балетной пачке вместо штанов. Мама старалась увести меня от людей, на которых, считай, вообще ничего не было надето, но мне удалось взглянуть на них краем глаза. Еще мы съездили в зоопарк Сан-Диего. Потом папе стало плохо. Мы так и не поняли, отравился он или простыл. Это было не так важно. Он на целый день застрял в нашей комнате в отеле – точнее, в туалете в отеле. Мама решила, что хотя бы мы должны хорошо провести время. Она сама отвела нас с сестрой в Диснейленд. Папу все равно не интересовали огромные мыши. Честно говоря, и Пейдж, скорее всего, была от них не в особом восторге. Ей явно там не очень-то нравилось. Она без конца ворчала, хотя к этому мы и так привыкли.

«У меня дурацкая прическа» означало, что нам придется еще полчаса ждать, пока она соберется.

«Фу, я же располнею!» означало, что надо пройти еще четыре квартала в поисках замороженного йогурта вместо мороженого.

И так далее. Хуже всего было в самом Диснейленде. Пейдж из кожи вон лезла, демонстрируя свой подростковый темперамент. Огрызалась на маму по мелочам. Ничего ей не нравилось: горки скучные, персонажи детские. Мама выглядела очень уставшей. Несколько раз она даже не выдержала, заявив, что Пейдж придется с этим смириться, но в целом оставалась довольно спокойной.

Не знаю, для кого она старалась – для меня или для себя самой. Так или иначе, я отлично проводила время, несмотря на недовольную сестру. Мама потом говорила, что Пейдж устроила истерику как раз из-за того, что мы продолжали веселиться, как бы она ни ворчала. Да, четырнадцатилетние

подростки иногда закатывают истерики. Надеюсь, со мной такого не произойдет.

В какой-то момент Пейдж топнула ногой. Крикнула, что хочет вернуться в отель. Мама остановилась посреди дорожки неподалеку от Питера Пэна, раздававшего автографы. На нас устремились десятки пар глаз. Мы заметили и недобрые взгляды. Мама рассмеялась:

– Неплохо, Пейдж. А теперь мы с Энди пойдем на «Космическую гору». Можешь к нам присоединиться, а можешь подождать нас вон на той скамейке. Сдвинешься хоть на метр – и ты под домашним арестом на весь следующий месяц. На свое соревнование по бегу ты, конечно, не попадешь.

Пейдж любила бегать. Вот откуда все эти медали на ее доске. Конечно, это было «до». В этом году она ушла из команды еще до начала сезона.

Тогда Пейдж плюхнулась на скамейку и скрестила руки на груди.

Мы с мамой чуть ли не побежали к американским горкам. Она весело смеялась. В очереди мы простояли целую вечность, зато развлекали себя штуками и обсуждали, на чем бы еще прокатиться. Я всегда обожала американские горки и не боялась их, как многие дети; мне нравилось, как желудок подскакивал к горлу во время падения.

Мы вернулись к Пейдж и обнаружили, что она лежит на скамейке, словно растаявшее мороженое. Мы со смехом подошли к ней. Она поднялась. Лицо у нее опухло от слез.

– Как аттракцион? – спросила она.

– Потрясающе! – крикнула я.

Мы пошли в Дом страха, который оказался не особенно страшным и даже довольно отстойным, а после него Пейдж прошептала:

– Зря я не пошла на «Космическую гору».

Мама приподняла бровь, взглянула на меня и повернулась обратно к Пейдж:

– Почему это?

Как же мне нравилось, когда мама загоняла Пейдж в угол!

– Надо было мне пойти с вами. Я всегда мечтала прокатиться на «Космической горе».

– Тогда почему ты осталась?

– Не знаю.

– Хотела покапризничать?

– Наверное, – со вздохом призналась Пейдж.

– И что же ты предлагаешь? – поинтересовалась мама.

– Можете прокатиться со мной еще раз, пожалуйста?

В тоне сестренки не было ни капли сарказма.

– А ты готова веселиться вместе с нами? – Мама пристально посмотрела на зареванную дочку.

Пейдж закатила глаза, но одновременно с этим улыбнулась:

– Это будет нелегко.

– Конечно, поначалу, но ты быстро втянешься. Идем!

Мне не хотелось снова торчать целый час в очереди, и я не совсем поняла, что произошло.

Мы отстояли уже десять минут, когда я спросила:

– Мам?

– Да?

– Почему ты разрешила Пейдж пойти на горку?

– В смысле?

– Ну, разве она не плохо поступила?

Мне тогда уже исполнилось десять, и в то время нашим родителям отчаянно хотелось научить нас всегда поступать правильно.

Мама медленно кивнула:

– Да, ты права. Но Пейдж осознала свою ошибку и усвоила урок. Знаешь, в жизни нам редко выпадает второй шанс. Но я всегда готова дать вам его.

Она обняла Пейдж и поцеловала в щеку, из-за чего сестра крикнула «Фу!» и стерла с щеки поцелуй. Но при этом она смеялась.

Я смотрела на фотографию – на нас троих, летящих вниз по «Космической горке», – и сердце у меня сжималось. Я улыбалась и хмурилась одновременно – знаете, такое сморщенное выражение лица, которое выражает одновременно и радость, и грусть. Мама на снимке сидела со скучающим видом. А Пейдж улыбалась широко, как никогда, и держала руки высоко над головой.

«Да, – подумала я. – Это подходящее послание». Я решила не рисковать и не делать его чересчур очевидным – не прикалывать фотографию в самый центр доски поверх всего. Я поместила ее чуть правее и накрыла одной из наградных лент Пейдж верхнюю часть – там все равно была только моя голова. А затем отошла от стола. Развернулась и зажмурилась. Медленно повернулась обратно и открыла глаза. Изменения небольшие, но снимок теперь на виду. Наверняка Пейдж его заметит.

Надеюсь, она поймет мое послание.

Глава девятая

В моей комнате тишина давила мне на уши. Я вернулась к рассказу, который не так давно начала читать в надежде на вдохновение. Но даже десять страниц спустя я не смогла им проникнуться. Там девочке явилась ее собака в облике призрака. Призрачная собака набрасывалась на обидчиков, которые портили жизнь ее хозяйке. А девочка пищала и прыгала от счастья всякий раз, когда один из хулиганов с криком выбегал из комнаты или пытался доказать, что видел призрака, и нарывался из-за этого на неприятности. Я попробовала залезть под одеяло с фонариком, чтобы история показалась мне более увлекательной, как раньше, когда я читала рассказы о привидениях только ради удовольствия, но ощущения были уже не те. Не знаю. Может, мне больше никогда не смогут нравиться сопливые, неправдоподобные истории о призраках. Или я просто завидую той девочке.

Я была бы рада увидеть маму в любом обличье. Не обязательно даже собаки. Я согласна и на крысу. Призрачная крыса повсюду бы со мной ходила. Ей не пришлось бы никого пугать своими красными глазами-бусинками и защищать меня. Только всегда быть рядом и время от времени нашептывать слова поддержки.

Так или иначе, рассказ про собаку не только поверг меня в уныние, но и не подарил ни одной идеи для моего проекта. Я отложила книгу и потеряла глаза. Еще двух часов не прошло с тех пор, как я вернулась домой, а мне уже тошно наедине с собой. Почему бы не заняться научной работой по естествознанию, раз делать все равно нечего? Нельзя сваливать все на Исайю, хотя он, скорее всего, предпочел бы, чтобы я так и поступила. К тому же мне любопытно. Я действительно хочу больше узнать о призраках.

Я просмотрела распечатки статей, которые Исайя мне дал, но они оказались чересчур заумными – наверное, их написали настоящие ученые словами, понятными только другим настоящим ученым. Я пять раз перечитала одно и то же предложение и наконец сдалась. Решив попробовать другой подход, я отнесла папку к компьютеру. Открыла браузер и напечатала «электромагнитный» и «привидение». В заголовках нескольких статей было слово «электромагнитный», а значит, оно очень важное. Мне сразу выпала статья в Википедии про охоту за привидениями. Очевидно, теория о том, что призраки – электромагнитная субстанция,

самая популярная среди тех, кто искреннее в них верит. Охотники за привидениями используют самое разное причудливое оборудование для измерения паранормальной активности. И преподносят свои результаты как бесспорное доказательства. Кое-что об этом я уже знала по телевизионным шоу про охотников за привидениями.

Я продолжила читать статью, пытаюсь разобраться в теоретической части. Оказывается, понятие об энергии и правда лежит в основе большинства научных работ по призракам. Поверить не могу, что учу термодинамику в выходной в субботу. Вот только я не понимаю почти ничего из того, что читаю, как это было и с распечатками, которые дал мне Исаяя.

Но все-таки в Википедии легче разобраться. *Первый закон термодинамики – энергия не создается и не уничтожается, она лишь меняет форму.*

Я задумчиво почесала затылок. Мне вроде как нравится эта теория, если я правильно ее поняла. И неудивительно, что чудакам она по душе. Звучит закон вполне логично, по крайней мере, в том смысле, который я ему придала. Оказывается, привидения могут питаться человеческими источниками энергии – например, высасывать ее из лампочек. Звучит интересно. Если, конечно, мои сестра и папа вообще догадываются о существовании этой теории. Я могла бы каждый день заменять одну из лампочек на неработающую, словно это мама вытягивает из них энергию, но папа и Пейдж вряд ли бы это осознали.

Я постоянно отвлекалась от научных работ. Мысли то и дело уносились к моему личному проекту.

Целый час я потратила на изучение пяти форм, в которых могут являться привидения: *шар, воронка, блуждающий огонек, эманация и видение.*

Я ломала голову над тем, как их задействовать, но потом решила – это не то, что мне нужно. Не хочу, чтобы папа и сестра окончательно слетели с катушек. Я пытаюсь вернуть их к обычной жизни. А если они увидят привидение, эффект будет прямо противоположный.

Дело близилось к вечеру, экран начинал расплываться у меня перед глазами. Я потянулась и пошла вниз, сообразить что-нибудь на ужин.

Сестра написала, что принесет с собой немного еды. Такое иногда бывает, когда на кухне ошибаются с заказом, или придирчивый посетитель от него отказывается, или повара по доброте душевной готовят дополнительные порции. На улице с шумом поднялась гаражная дверь, и я подпрыгнула от неожиданности. Должно быть, это вернулся папа. Сначала

я не собиралась оставлять для него «послания», но в последний момент ринулась к телевизору, включила и прошла по каналам, выбирая наиболее подходящий. Я с улыбкой выключила телевизор и положила пульт на то самое место, где он лежал до этого.

Моя улыбка угасла, когда папа вошел. Глаза у него были красные, и он слегка шатался.

– Привет, – сказал он.

– Привет. Где ты был?

– Ну, знаешь... Там и сям.

– Весь день?

Не знаю, зачем я на него давяю. Мне нравится думать, что мама поступила бы так же. Хотя у Пейдж это намного лучше получается.

Папа не сразу отреагировал. Он медленно переварил мои слова, вскинув брови. А потом неспешно поднял руку и почесал щеку.

– У меня были дела, Энди, – пробурчал он.

– Не сомневаюсь, – ответила я и отвернулась. – Кстати, Пейдж сегодня принесет еду. Ты бы поел. Может, тебе станет лучше.

Не знаю, чего я ожидала. Что он за мной побежит или начнет кричать. Но папа ничего из этого не сделал, и меня это даже слегка разочаровало.

Я пошла к лестнице. В желудке у меня урчало. «Пожалуйста, возвращайся скорее!» – мысленно попросила я Пейдж, хоть и понимала, что она этого не слышит. Мне нужно было поесть и, что важнее, поднять себе настроение.

Далеко я не ушла – папа все-таки меня догнал:

– Ты вчера не пришла домой?

– Нет, я осталась на ночь у Бекки.

– Ты меня не предупредила.

– Я поговорила с Пейдж.

– Она не твой родитель.

Я попыталась сдержать колкий ответ, но не вышло.

– Но она больше на него похожа.

Папа поник и ушел прочь, волоча ноги. Я слышала, как он шумит на кухне. В такие моменты я не знаю, что и думать. Папа явно понимает, что делает что-то не так, но все равно ничего не меняется. Я знаю, что он хочет измениться. Иначе зачем он варит кофе в пять часов вечера? До меня уже доносится его крепкий аромат.

Я зашла в ванную, плеснула в лицо холодной водой и вернулась к себе. Пока я прибиралась в комнате, на лестнице раздались шаги Пейдж.

– Хочешь есть? – крикнула она мне из своей спальни.

– Умираю с голоду! – отозвалась я.

– Я пока переодеваюсь, но еда уже на столе. Клаб-сэндвичи и салат с макаронами.

Мой желудок радостно заурчал.

За столом уже сидел преобразившийся папа. Лицо у него было все еще осунувшееся, но взгляд слегка прояснился. Он накладывал себе салат. Последнее время папа почти не ел. И это было заметно по его впалым щекам.

Я взяла из шкафчика тарелку и замерла. Как мне быть – взять еду и поужинать в другой комнате или набраться храбрости и сесть за стол, ведь, скорее всего, мы начнем ругаться?

Папа решил все за меня, отодвинув ногой стул, – он как бы предлагал мне садиться. Я села и вгрызлась в сэндвич, чтобы не пришлось разговаривать. Может, большой кусок я буду жевать достаточно долго и папа к тому времени уже закончит накалывать салат на вилку.

На кухню приплелась Пейдж. По ее лицу невозможно было понять, что она чувствует. Всего минуту назад голос сестры звенел, а теперь казался глухим.

– Съедобно? – поинтересовалась она, показывая пальцем на мой сэндвич.

Я кивнула, а папа пробормотал:

– Очень вкусно, спасибо.

– Завтра салат с макаронами уже собирались выкидывать, и никто на него не позарился. А я его обожаю. – С этими словами Пейдж принялась накладывать себе салат, набирая ложки с горкой. – Как прошла пижамная вечеринка, Энди?

– Хорошо, – ответила я. – Как обычно.

На папу сестра все еще не смотрела.

– Во сколько вернулась? – спросила Пейдж.

– Около полудня.

– Ты был дома?

Пейдж впиалась взглядом в папу, и он молча покачал головой.

Сестра снова повернулась ко мне:

– Чем занималась?

– Делала домашнее задание. Нам скоро сдавать серьезную научную работу.

Вдруг папа спросил:

– Ты сегодня смотрела телевизор?

Я постаралась выровнять дыхание, хотя сердце у меня стучало как

сумасшедшее. Я даже не слышала, чтобы папа включал телевизор.

– Нет, я работала у себя в комнате на компьютере.

Папа отпил кофе и взглянул на Пейдж:

– А ты?

– Я ушла рано утром, в половине восьмого. Папа кивнул и постучал пальцами по столу.

Повисла неловкая тишина. Нас всех словно поставили на паузу.

Пейдж заговорила первой, и тишина лопнула, как воздушный шарик.

– Последнее время я часто вспоминаю о маме.

«Только в последнее время?» – подумала я. Но сестра продолжила:

– То есть я постоянно о ней думаю, разумеется, но недавно начала гадать: что бы она сказала, увидев нас теперь?

«Вдруг она и так нас видит?» – пронеслось у меня в голове. Я вспомнила законы термодинамики.

Все мы знаем ответ на вопрос Пейдж, но никто из нас не хочет его озвучивать. Никто не хочет признавать, что живем мы не особенно полноценной жизнью.

Папа прокашлялся и перестал стучать по столу:

– Хотите, посмотрим фильм сегодня вечером... или еще что-нибудь?

Мой взгляд метался от него к Пейдж и обратно, а коленки тряслись.

– Конечно, – медленно ответила сестра. – Я не занята.

Я улыбнулась, но натянуто, только губами, – Пейдж только что признала, как нелегко ей приходится, и я это поняла. Раньше у сестры всегда были планы на вечер субботы. Мама бы тоже заметила неладное. Папа либо не догадался, либо не подал виду, как и я, потому что не знал, что ответить.

– Давайте сходим в магазин за попкорном и мармеладом, – предложила я.

Папа протянул руку и сжал мое плечо:

– Хорошо, конфетка. Только заскочу в душ, ладно?

Он пошел навстречу, а мы с Пейдж стали убирать со стола. Мне хотелось петь, но это, наверное, было бы слишком, так что я просто тихонько мурчала себе под нос.

– Энди?

– Мм?..

– Тебе хоть иногда кажется, будто мама пытается что-то тебе сказать?

Я так сильно сжала край тарелки, которую держала в руках, что даже испугалась, как бы она не треснула.

Глава десятая

После этих слов Пейдж густо покраснела.

– Ну, э... Не знаю. А что? – уточнила я.

– Просто... Ты... Обожаешь привидений и все такое. И вот мне стало интересно – а ты не думаешь, что мама все еще где-то рядом?

– Я думала, ты в это не веришь.

– Знаю. То есть не верю, конечно. Просто... Не знаю...

Обычно голос у сестры не такой нерешительный.

– Ты что-то видела?

– А... да ничего особенного. Иногда мне чудится ее запах, я замечаю вещи, которые напоминают мне о ней, а сегодня, готова поклясться, в моей комнате кое-что изменилось.

– Что?

– Да ерунда, честное слово. Всего лишь одна фотография была не на своем месте.

– Вот как? Странно.

– Наверное, почудилось.

– Может, и нет. Помнишь, я говорила тебе про свою научную работу?

Пейдж кивнула.

– На самом деле она про призраков. Многие верят, что они существуют, и есть масса теорий, которые описывают, как и почему это происходит.

– И ты с ними согласна? Ты на самом деле в это веришь?

Я пожала плечами:

– Не уверена. Всяким глупостям и жутким страшилкам из книжек я не верю, но меня привлекает мысль о том, что энергия не исчезает бесследно.

Пейдж кивнула, но ничего не ответила. Какое-то время мы обе молчали. Я гадала, что еще добавить, а о чем лучше не упоминать.

Пейдж опустила взгляд на свои ладони и прошептала:

– Иногда я его ненавижу.

– Неудивительно. – Я опустила голову.

Сестра вздохнула:

– Но он всего лишь человек с разбитым сердцем.

– Знаю, – прошептала я.

– Вот только именно он вроде как должен мне объяснить, как залатать мое, – вздохнула Пейдж.

– Знаю, – повторила я.

Мы закончили убираться на кухне в полной тишине. Я вспомнила о кольцах. Понятно, что о вылазке в папину комнату рассказывать нельзя. Тогда Пейдж догадается, что я заходила и к ней. Но мне ужасно любопытно. И я очень хочу с сестрой об этом поговорить.

– Ты не знаешь, где теперь вещи мамы?

– Какие вещи?

– Ну, всякие... Украшения... то, что ей принадлежало. Такое чувство, будто все это исчезло.

Пейдж склонила голову набок:

– Что ж, вроде часть из них положили в гроб.

– И обручальные кольца?

– Они были у нее на пальце на прощании. Я кивнула:

– Просто мало ли... может, их сняли перед тем, как закрыть гроб.

Пейдж покачала головой:

– Понятия не имею. О таком лучше спрашивать папу.

В магазин мы с папой ехали почти в полной тишине. Мы уже отвыкли разговаривать друг с другом. Даже о пустяках болтать боимся. Не могу же я сказать: «Как продвигаются поиски работы, пап?» или «Может, будешь чаще приходить домой?» Пейдж больше нельзя спрашивать о тренировках по бегу, друзьях или развлечениях. Мне следовало догадаться, что из-за этого все внимание переключится на меня.

– Ну как, Энди, что нового в школе? – спросил папа.

– Да ничего. Математику я все еще ненавижу.

Папа и сестра засмеялись. Пейдж повернулась ко мне со своего переднего сиденья:

– Забыла тебе сказать. Вчера в забегаловку заходил паренек, с которым ты пишешь научную работу.

– Правда?

– Да, его мама оставила мне щедрые чаевые.

– Хорошо.

– Он намного милее, чем ты про него рассказывала.

– А что я говорила?

Мне стало немного грустно от того, что я невольно представила Исаяю в плохом свете.

– Просто жаловалась, что тебя поставили в пару с ботаником.

– Энди, на тебя это не похоже, – вмешался в разговор папа.

Я прикусила язык, чтобы не ответить: «Тебе-то откуда знать?»

– Мне нравится Исаяя. Он хороший. А вот моим друзьям – нет.

– Нелегко тебе, – признала Пейдж.

К моему удивлению, папа с ней согласился:

– Порой бывает сложно не идти на поводу у своих друзей. Особенно в твоём возрасте. У меня это плохо получалось. И до сих пор есть над чем поработать.

– Так что, есть совет?

Я выглянула в окно на пролетающие мимо дома. Их цвета смешивались между собой.

– Наверное, лучше поступать правильно.

– А откуда мне знать, что правильно, а что нет?

– Просто надо слушаться своего сердца. Если тебя тошнит от поведения друзей, не стоит поступать так, как им хочется.

– А если из-за такого подхода я вообще без друзей останусь?

Они оба умолкли. Никто мне не ответил, но я поняла, что задела их за живое. Внезапно я вспомнила, что за прошедшие несколько месяцев папа и Пейдж потеряли очень много друзей, они прекрасно понимают, каково это.

В магазине я нашла себе попкорн для микроволновки и жевательный мармелад, а Пейдж взяла увесистую коробку шоколадного драже. Папа даже бросил в корзину огромную бутылку кока-колы.

Когда мы пришли домой, я закинула пакет попкорна в микроволновку, а папа загрузил фильм на DVD-плеер. Какой-то классический научно-фантастический боевик. Папа уверял, что он лучший в своём жанре и нас ждет потрясающий вечер. Когда мы сказали, что уже видели этот фильм, он нам не поверил. Я немного покапризничала, но особо сопротивляться не стала – не так это было для меня важно. Главное, что мы будем смотреть его вместе, и это радует. Я наполнила три стакана кока-колой, Пейдж положила в них кубики льда, и мы отнесли все наши лакомства в гостиную. Пейдж прошла мимо дивана. Она явно его избегала. Теперь сестра предпочла всеми нелюбимый жесткий стул напротив папиного кресла. Папа покосился на меня – я уже сидела на диване. Вместо того чтобы занять свое любимое место в мягком кресле, он плюхнулся рядом со мной на диван.

Примерно на середине фильма картинка задрожала и начали пропадать сцены. Папу к тому времени уже совершенно пленил аромат, исходящий от диванной подушки. Наконец плеер перестал работать вовсе, и я вздохнула.

– Попробуем другой фильм? – предложил папа.

Сестра вяло замычала.

– Да ладно, – сказала я. Момент был упущен.

Папа повторил все то же самое, что проделала вчера Пейдж. Он

принюхался, встал с дивана и пошел на кухню. Скрипнул шкафчик, зазвенели стаканы, затрещал лед. Я прислушалась в надежде услышать журчание воды, но вместо этого раздался знакомый звук, который мог означать только одно: папа взял бутылку с верхней полки холодильника. Узнать его несложно: сталкиваясь, бутылки издают противный звон, от которого ночью не уснешь.

Пейдж тяжело вздохнула и поднялась со стула:

– Ну, вот и все. Пожалуй, пойду спать пораньше.

Еще только восемь, и сестра вряд ли собирается спать – она сбегает. И я беру с нее пример.

Правда, в моей комнате оказалось так скучно, что мне захотелось унести прочь – неважно куда, лишь бы не торчать здесь. Я взялась за книжку. Мыслями снова завладела мама. Наверняка дома остались и другие ее вещи. Если папа сохранил кольца, у него должно быть и что-нибудь еще. Размышляя над тем, где можно найти эти вещи, я вернулась к работе над проектом. Даже заполнила табличку, которую выдал мне Исая. На минуту мне захотелось ему позвонить. В верхней части листочка был записан его номер. Я даже взяла телефон и застучала пальцами по клавишам. Позвонить – что может быть проще? Я набрала цифры, но не нажала кнопку звонка.

В девять вечера я уже мечтала о том, чтобы завтра был учебный день. Чем мне заполнить еще один выходной? Я вся на иголках и ни за что сейчас не усну. Решив, что и пытаться нечего, я спустилась на первый этаж. Может, еще удастся полакомиться шоколадным драже. Пейдж к нему едва притронулась. Шоколад же помогает поднять настроение, правда?

Я взяла коробку с журнального столика и задумалась, лег папа спать или нет. Я забрела на кухню – в раковине стоял пустой стакан. Открыла дверь гаража – разумеется, его машины там не было. Странно, что я не слышала, как он уехал.

Я заперла гараж, развернулась и чуть было не врезалась в дверь, ведущую в подвал. Кто-то оставил ее открытой. В голове у меня тут же запрыгали прекрасные идеи, прямо как мячики в автомате для пинбола.

Глава одиннадцатая

Я включила свет в подвале и затворила за собой дверь. По ступенькам я спускалась медленно и осторожно, отчасти опасаясь того, что могу там найти. Старая комната отдыха выглядела заброшенной. Мы никогда не собирались в ней всей семьей, зато проводили там пижамные вечеринки, и долгое время она была моей игровой. Ремонт в ней еще не закончен. Бетонные стены покрыты краской, на полу громадный, но изодранный ковер, а на нем стоит диван в шотландскую клетку, который мама с папой купили на гаражной распродаже после свадьбы. Запах у него такой же старый, как и внешний вид. Здесь почти ничего нет, и я прохожу через просторную комнату в еще более недоделанную часть подвала.

Когда мои родители купили этот дом, они представляли себе, как отремонтируют подвал, сделают красивые стены, потолки и тому подобное, но сначала им не хватало денег, а потом оказалось, что подвал всегда протекает во время дождя. Даже сейчас меня чуть не стошнило от неприятного запаха плесени и гнили. Именно поэтому все вещи хранятся либо на полках, либо в пластиковых контейнерах. Все, что окажется на полу, будет безнадежно испорчено. Когда родителям сообщили, во сколько им обойдется защита от протекания, они забросили ремонт.

Я понятия не имела, с чего мне начать. Было бы здорово, будь на контейнерах этикетки. Мама частенько говорила, что обязательно их наклеит, но эта задача то и дело отходила на второй план. По большей части я даже не догадывалась, что там хранится. В некоторых наверняка лежат старая детская одежда и плюшевые игрушки. Вот, например, пять крупных пластиковых контейнеров одинакового размера и формы. Я приоткрыла крышку – там лежали желтые детские одеяла. Сложенные кое-как и мятые.

Я внимательно осмотрела все ряды полок. В красных и зеленых контейнерах, скорее всего, хранятся рождественские украшения. Они стоят на самом верху, так что в них мне не заглянуть. Я решила начать с нижних полок. И открыла крышку за крышкой, в основном находя плюшевых зверей, диски с играми и другую ерунду. Один контейнер был набит детскими рисунками и записками Пейдж.

Все это лежит тут целую вечность. Наверное, я трачу время зря.

Я бросила свое занятие и снова подняла взгляд на верхние полки. Вдруг

кое-что бросилось мне глаза – надпись на одной из картонных коробок. Я разглядела всего две последние буквы – НА, – но от них у меня задрожали руки. Маму звали Диана, а почерк явно принадлежал отцу – крупный и небрежный.

Я отошла от стеллажа и принялась искать небольшую приставную лестницу, хранившуюся в подвале. Она нашлась за дверью. Я вытащила ее и поднесла к той самой полке с картонной коробкой. Но даже с лестницы мне было до нее не дотянуться – пальцы царапали только самое дно. Я подтянула коробку ближе к краю. Она оказалась довольно тяжелой, это было и так уже понятно, так что я рисковала уронить ее вместе со всем содержимым на бетонный пол. В худшем случае что-нибудь в ней разобьется, на шум прибежит сестра, и меня раскроют.

Все-таки мне удалось снять коробку с полки. Кряхтя, я опустила ее на верхнюю ступеньку так, чтобы она не упала. А потом перевела дыхание и решила: это все равно что сдирать пластырь. Больно, но потерпеть можно. Так что я обхватила коробку обеими руками и потащила вниз. Колени у меня дрожали от тяжелой ноши. То ли коробка правда так много весила, то ли я слабенькая, но на пол коробка опустилась с легким ударом, потому что я больше не могла ее держать. На сгибах локтей появились красные полосы от того, что коробка врезалась мне в кожу.

Я провела ладонью по крышке. Стук сердца отдавался даже у меня в мизинце. Теперь надпись была видна целиком – выведенное сбоку имя. Я пробежалась пальцем по буквам. Самое подходящее время ощутить электромагнитные импульсы. Именно сейчас я бы не отказалась от призрачного послания: дрожащего света лампы, внезапно включившегося кондиционера... Да чего угодно.

Ничего из ряда вон выходящего не произошло, и я приоткрыла коробку. Меня будто ударило током, но дело тут было не в эктоплазме или в чем-нибудь подобном. А во мне. Я словно зажглась.

В коробке было полно всего. Первыми в глаза бросались несколько вещей. Во-первых, старый шарф, связанный мамиными руками. Она увлекалась вязанием, но давалось оно ей плохо. Каждый год мама обещала себе стать лучше. Покупала выкройки и нитки, объявляла, что день воскресенья будет проводить «наедине с собой». В углу комнаты отдыха в подвале освобождалось небольшое место для вязального столика. Обычно этот период занимал две-три недели. Их вполне хватало на то, чтобы связать нечто простое, вроде салфетки на стол или шарфа, решить, что этим искусством ей никогда не овладеть, запихнуть вязальную машинку обратно в коробку и спрятать на полку. Я подняла взгляд и увидела

голубой контейнер – он был ровно там, куда мама его поставила в прошлом январе. Всего через несколько дней она окончательно потеряла возможность освоить вязание.

Помню, как мама с топотом поднялась по лестнице, вскинула руки к небу и объявила:

– Готово!

Вокруг шеи у нее был намотан уродливый фиолетово-зеленый шарф. Цвета вызывали отвращение, а в самом узоре угадывалась не одна ошибка. К тому же один конец шарфа был заметно уже другого.

Мы с Пейдж переглянулись, гадая, можно ли нам смеяться.

– Это мой шедевр! Что скажете? – спросила мама и закружилась.

Я захихикала, а Пейдж разразилась смехом.

– Да-да, знаю, вам тоже такой хочется, – добавила мама. – Извините, но вам не повезло. С вязанием я покончила. Теперь навсегда.

– Ну коне-е-е-ечно-о, – протянула Пейдж.

В ту самую минуту папа зашел на кухню что-нибудь перекусить. Он резко остановился и уставился на шарф:

– Это что такое?

Мама возмущенно хмыкнула и в шутку хлопнула его по руке:

– Это шарф!

Папа сжал губы и молча кивнул.

– Мама сказала, что больше никогда вязать не будет, – объявила Пейдж.

– Вот как? – усмехнулся папа.

– Да, и не пытайтесь меня отговорить, – отмахнулась мама.

– Но у тебя такой талант! – даже не улыбнувшись заметил папа.

За этим последовала пауза. Мама задрожала всем телом, и я уже испугалась, что она сейчас заплачет, но вместо этого раздался смех. Не успела я оглянуться, а мы уже все хохотали.

– Ой-ой! – пискнула мама. – Я сейчас описаюсь со смеху!

И выбежала из комнаты, хохоча на ходу.

После этого случая я спросила маму, почему она так долго и упорно старалась научиться вязать. «Я всегда задаю себе вопрос, о чем сильнее буду сожалеть: что потратила время зря или что даже не попыталась? В конце концов, ответ у меня всегда одинаковый. Попытаться стоит», – ответила мама.

Я взяла шарф и прижала его к груди. По крайней мере, об этом ей сожалеть не придется. Жалко, что мамин «шедевр» не положили к ней в гроб. Я рада, что кольца забрали, но вот этот шарф прекрасно отражал ее характер.

Мой взгляд снова упал на коробку. Я чувствовала себя пиратом, захватившим добычу. Сундук ломился от сокровищ, и мне уже хотелось никогда не уходить из подвала. Я даже перестала замечать вонь. Точнее, ее заменил аромат из коробки. Вот только от чего именно он исходил? Его не было в первых пяти пунктах моего списка, но меня обволакивал мамин дух. Я обнюхала шарф, но он оказался здесь ни при чем.

В «сундуке» скрывалась масса самых разных вещей. Уложены они были в полнейшем беспорядке, но кое-что оказалось упрятано в коробочки или мешки. Следующим я вытащила пластиковый пакет. В него было что-то спрятано, и я осторожно его открыла. Там нашлись поздравительные открытки. Я выудила розовую открытку. Крупные фиолетовые буквы гласили: «С Днем матери!»

Я совсем не помню эту открытку. В ней милое послание от Пейдж и какие-то каракули от меня. Еще в пакете нашлись открытки на Рождество, дни рождения, благодарственные, пасхальные. На самом дне лежала пачка писем, обвязанных красивой желтой лентой. Я мягко потянула за один конец, придерживая письма другой рукой, чтобы они не упали на холодный, влажный пол. Судя по тому, как аккуратно они обвязаны, в них скрывается нечто особенное.

Все они от моего отца. История их с мамой отношений. Любовные письма. Открытки на годовщину свадьбы. Фотографии со свиданий. Один снимок, оставшийся с медового месяца. А вот мой любимый кадр, папа его сделал во время нашего летнего похода. Мама сидит на берегу озера. Видимо, в тот момент она только что повернулась к папе – выражение лица у нее вопросительное. Лучи солнца падают на светлые волосы мамы, и здесь ее почти не отличишь от ангела.

Я перевернула фотографию. Своим фирменным корявым почерком папа написал: «Вот в чем причина».

«Причина *чего?*» – подумала я. Родители словно беседовали о чем-то. Видимо, папа дал замечательный ответ на важный вопрос, иначе зачем мама положила сюда этот снимок?

Сначала меня удивило, что папа спрятал все эти сокровища в подвале. Неужели ему не хочется держать их поближе к себе? Смотреть на них иногда? Вспоминать?

Тут у меня в памяти возникла генеральная уборка в ванной комнате, и я задумалась над значением всех этих открыток и писем. Папа очень сильно маму любил. Наверное, сильнее, чем я думала. Может, даже сильнее, чем она его. Кто бы мог подумать, что он такой романтик? В голове сразу встал папин образ – таким, каким он был раньше. Возможно, он потерял нечто

большее, чем мы с сестрой. Говорят, нет ничего хуже смерти родителей, и с этим я согласна, но ему должно быть еще тяжелее. То есть не то чтобы тяжелее. Просто он лишился чего-то иного.

Я задумалась о том, каких событий моей жизни мама никогда не увидит. Старшая школа, первая любовь, выпускной бал и окончание университета, свадьба, дети... Но в этом-то и вся соль. Моя жизнь не закончилась, я стремлюсь к тому, что уже было у моего отца. Свадьба, дети. Для него жизнь не то чтобы потеряла краски – она подошла к концу.

Под весом этих мрачных мыслей я уронила голову на колени. Стоит ли дальше копаться в этой коробке? Папа не просто так убрал подальше все эти памятные вещи. Может, в чем-то он был прав: это словно озеро. Поверхность гладкая и блестящая, как стекло, но под ней скрываются мутные, темные воды.

Я уже собиралась закрыть коробку, как вдруг мне на глаза попалась ярко-розовая нитка. Пришлось раскопать все содержимое, чтобы отыскать тряпичную сумку, от которой шла эта нить. В ту же минуту я поняла, от чего исходил приятный мамин аромат – вместе с сумкой я вытащила салфетку-антистатик. Неудивительно. Честное слово, мама всюду их распахивала. Ей нравился запах, и они служили нам освежителями воздуха.

В тряпичной сумке я заметила корешки записных книжечек. Сумка была довольно увесистой, и мне пришлось поднимать ее обеими руками. Открывая сумку, я все еще не догадывалась, какие ценности там хранятся.

Глава двенадцатая

Я осторожно вынула одну из книжечек и раскрыла на первой странице, где значились две даты: 8 июня 1999 года и 16 сентября 2011 года. Первая была сделана черным маркером, вторая – синей шариковой ручкой. Я перевернула страницу и увидела стройные ряды вытянутых букв – привычный мамин курсив. Верхняя строчка гласила: «Энди исполнился годик. Я ношусь по дому как сумасшедшая, но наслаждаюсь каждой секундой». Мои глаза защищало от слез. Я захлопнула книжечку, чтобы не намочить страницы.

Почему я не знала об этих записках? Руки у меня задрожали, а сердце явно решило устроить побег и вырваться наружу. Мама вела дневник. В основном в абсолютно одинаковых коричневых блокнотах «Молескин». Я попыталась их сосчитать, но мои математические способности внезапно меня подвели. Среди записных книжечек была одна ярко-розовая с узором из маргариток и еще одна в сине-зеленую полоску.

Весь бекон мира не сравнится с одной строчкой маминых воспоминаний. Такое чувство, будто она сидит здесь, рядом со мной. Я уже почти забыла, как звучит ее голос, но теперь он снова запел у меня в ушах, и я задрожала всем телом.

Как мне быть с этими дневниками? Здесь я не успею все прочитать, а брать их с собой было бы нехорошо.

И мне прекрасно это известно.

Я поспешно запихнула блокноты обратно в тряпичную сумку, положила ее рядом с собой на пол и закрыла коробку. Она стала намного легче, и я без труда задвинула ее на верхнюю полку. Оставив приставную лестницу у двери, я прижала ценный груз к груди и тихонько поднялась по ступенькам из подвала. Судя по часам на микроволновке, я провела там намного больше времени, чем мне показалось. Уже половина четвертого утра. Стоило мне запереть дверь в подвал, как с шумом открылась дверь гаража. Я ахнула и как можно скорее побежала к себе в комнату, стараясь не производить шума. Закрылась дверь, выключила свет и прыгнула в кровать, не выпуская блокноты из рук. Я положила их рядом и натянула одеяло до подбородка. Дыхание со свистом вырывалось из груди, а сердце стучало, как дятел по стволу.

Будем надеяться, что папа не заметил свет в моей комнате, когда

подъезжал к гаражу.

Он, конечно, заметил. На отсутствие еды в доме папа не обращал внимания, пока ему не позвонил социальный работник, но вот сегодня в половине четвертого утра ему приспичило быть внимательным.

Я подпрыгнула от тихого стука в дверь, хоть и знала, что это папа.

– Энди?

Говорил он тихо, с опаской, словно не хотел, чтобы его услышали.

– Да?

Ручка повернулась, и папа заглянул в комнату:

– Ты в порядке?

– Да.

– Почему не спишь так поздно?

– Мне не спалось, и я села за домашнее задание.

– У тебя точно все хорошо?

На улице было еще темно, но свет от фонаря падал на папино лицо, озаряя его слабым мерцанием. Пьяным он не выглядел.

– Да. Честное слово.

– Хорошо, только ложись спать.

– Ладно, – ответила я, и папа потянул дверь на себя. – Пап?

– Мм?

– А ты в порядке?

Папа резко выдохнул, но обратно в комнату не зашел.

– Я над этим работаю, – тихо сказал он.

Дверь закрылась, и я тут же потянулась за фонариком, лежавшем в ящичке моего прикроватного столика. Мне не привыкать читать страшные рассказы под одеялом. Я их открываю, когда не могу уснуть, а потом так пугаюсь, что сон совсем как рукой снимает. Вот только этой ночью меня ждала настоящая история привидения.

«Я недолюбливаю повышенную активность малышей. У Пейдж она мне тоже не нравилась. Само собой, из-за этого я чувствую себя виноватой. Разве мама не обязана наслаждаться всеми стадиями развития своего ребенка? Аплодировать и радоваться каждому новому шагу? Вот только в этот период у меня появляется ощущение, что я потеряла свободу, а заодно с ней еще и разум».

Несмотря на красивые буквы с петельками и звучащий в голове мамин голос, мне трудно поверить, что это писала она. Разве мама могла так относиться к Пейдж? Ко мне?

«Я нигде не могу ее оставить, но никуда не могу с ней пойти. Я все понимаю. В этом возрасте детям хочется двигаться, и они ужасно сердятся, если им этого не позволяют, но я скучаю по тем временам, когда могла оставить ее в кроватке и спокойно пойти в душ, позвонить кому-нибудь, оплатить счета».

Вдруг так пойдет и дальше? И меня ждут сотни страниц, на которых мама причитает о том, как сложно быть матерью? Может, стоит на этом остановиться?

Но я не могу остановиться.

«Когда я жалуюсь, Дэйв – типичный мастер „решать“ вопросы – предлагает вернуться на работу. Ничего он не понимает. Такой вариант даже не рассматривается; да, с ней мне тяжело, но без нее будет в тысячу раз тяжелее. Нет ничего прекраснее, чем быть центром ее вселенной».

А вот и она. Меня накрыла волна облегчения, и я улыбнулась. Вот моя мама!

Глаза у меня то и дело закрывались. Я не хотела откладывать блокнот, но сон одержал надо мной верх. Я убрала дневник в сумку и спрятала ее под кровать – там никто не найдет мое сокровище. А потом меня утянуло в чудесный мир снов со смеющимися младенцами и колыбельными.

* * *

Я проснулась в десять. На мгновение мне показалось, что все события прошедшей ночи были только сном, и тогда я перекатилась к краю постели и засунула руку под кровать. Ощувив под пальцами ткань сумки, я облегченно вздохнула. Мне хотелось немедленно ее открыть и все-все-все прочитать – читать весь день без остановки, – но живот у меня урчал, а еще хотелось в туалет, так что я отбросила одеяло и поспешила в ванную. В гостиной сидел папа – в своем любимом кресле – и смотрел телевизор.

– Привет, – улыбнулся он.

– Доброе утро. – Я тоже улыбнулась.

– Не выспалась, наверное? Устала?

– Нет, все в порядке. Только есть хочется. Папа кивнул, а я поспешила на кухню. Взяла печенье с джемом внутри, налила стакан сока и направилась обратно к лестнице.

– Ну что, какие на сегодня планы? – спросил папа, когда я проходила

через гостиную. Я замерла и пожала плечами. – Хочешь сходить в кино? Раз уж с «Дюной» у нас не вышло.

Честно говоря, если бы мне предложили выбирать между прогулкой с отцом и чтением маминых дневников до моей вылазки в подвал, я бы обрадовалась, но теперь ни на что не могу решиться. С одной стороны, было бы глупо не воспользоваться шансом провести время с папой. Разве не об этом я мечтала? Чтобы все снова встало на свои места? С другой стороны, мамины воспоминания. Они нужны мне как воздух.

Видимо, папа заметил мою нерешительность:

– Если ты уже занята, ничего страшного.

Именно выражение его лица помогло мне принять решение.

– Я бы с радостью сходила, пап. Во сколько?

Он подался вперед. На журнальном столике покоилась аккуратно сложенная воскресная газета.

– Здесь есть расписание. Смотри, вот парочка неплохих вариантов: в половине первого или, например, в три.

Если бы я могла, я бы пустилась в бешеный пляс от счастья.

– Давай в три? Мне... Э-э... Надо заняться рефератом для школы. Я хотела посидеть в библиотеке, а она все равно закрывается в два по воскресеньям.

Я сказала папе, что до библиотеки дойду сама, а он пообещал меня забрать и поехать со мной напрямик в кинотеатр. Я побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, но чуть не обрызгала все соком, и пришлось идти чуть медленнее. Я поела и собралась в мгновение ока. Вынула из рюкзака статьи о привидениях и наполнила его мамиными дневниками. Они тяжелые, но я не хочу их разлучать – когда все блокноты собраны в одном месте, дух мамы кажется единым. Кроме того, я не знаю, с чего начать. Здорово, когда можешь выбрать любой блокнот – вдруг мне попадется неудачный год или что-то вроде того? Из-за этого рюкзак весил больше обычного, и я надела его с тяжелым вздохом. Так мне придется долго плестись до библиотеки, но оно того стоит. Никто мне не помешает. Никто не застанет врасплох.

Увесистая тайна тянула меня к земле. Не только из-за толстых блокнотов, но и из-за того, что я ни с кем не могу поделиться своим секретом, а это как-то неправильно. Но это же не так, правда? Я делаю доброе дело, возвращая в нашу семью мамин дух, разве нет?

Выходя из дому, я решила перейти на более открытые послания. Папе с Пейдж требуется нечто большее. Как и мне.

Сам того не зная, папа подарил мне отличную возможность. Его плеер

был подключен к колонкам и играл мелодии в случайном порядке, а он ушел мыться в душ. «Пожалуйста, лишь бы он здесь был!» – молилась я, проматывая список песен. Папа много что удалил, так что его могло и не остаться, но я все-таки нашла этот плей-лист и ударила кулаком по столу от радости. Мама подготовила его к их последней годовщине. Список песен, которые напоминали ей о нем. Папа ожидал увидеть с десяток романтических мелодий, некоторые таковыми и оказались, но вместе с ними здесь оказались и смешные, веселые песни, например одна старая – в стиле кантри – о том, как сложно быть скромным, когда ты идеален.

Я выбрала ее и поспешно выскользнула из дому, пока папа не вышел из душа и не поймал меня с поличным. Когда я закрывала дверь, из колонок уже играла «I'm Too Sexy». Это был иной вид привидения – призрак смеха. Помню, как папа танцевал по дому в халате и тапочках, беззвучно ей подпевая. Пейдж закатывала глаза и ворчала. Мама делала вид, что она в ужасе, но быстро сдавалась, сгибаясь пополам от хохота.

Глава тринадцатая

Мой любимый раздел библиотеки – подростковая литература. Да-да, у меня есть любимый раздел. Мы с мамой часто сюда приходили. Книги меня занимали, и какое-то время я вела себя тихо.

В мой уголок обычно никто не заходит. Рядом с ним нет окон, и свет туда почти не попадает, а вместо больших ярких кресел – мешков, которыми завален весь остальной раздел подростковой литературы, здесь стоит один старомодный стул с высокой спинкой и обивкой с узором красно-оранжевых цветов.

За стулом висит табличка с надписью: «Уголок миссис Фостер» – и короткой справкой о том, что она внесла огромный вклад в развитие библиотеки. Много лет назад она сидела на этом самом стуле и читала детям вслух, так что его не посмели выкинуть. Но и на видном месте, разумеется, оставлять не собирались. Мне всегда было обидно за миссис Фостер, которую загнали в угол. С глаз долой – из сердца вон. В конце концов, она им больше не нужна. Они уже получили от нее все что хотели. Стул миссис Фостер далеко не самый удобный, но меня привлекал.

Я устроилась на привычном месте, расстегнула рюкзак и вытащила тряпичную сумку. От одного вида толстых блокнотов по спине забегали мурашки, словно приятному волнению было негде скрыться и оно искало там убежище. Второй раз за день я столкнулась с нелегким выбором, с чего начать.

Я положилась на волю случая: закрыла глаза, запустила руку в сумку и вытащила первый попавшийся блокнот.

Распахнув его, я обнаружила те же самые строки, которые читала вчера ночью. Ладно, как прикажете. Видимо, мне полагается начать именно с него.

Я погрузилась в чтение, жадно впитывая каждое слово, запоминая каждое предложение, лишь после этого я перелистывала страницу. Записи в дневнике велись нерегулярно. Мама то не пропускала ни дня несколько недель подряд, то пропадала на полгода. На некоторые события у нее уходило всего один абзац, а то и короткое предложение, которым она описывала общие впечатления от прошедших дней: «*В последнее время сильно занята из-за учебы Пейдж*» или «*Отметили очередную годовщину*». Некоторые занимают целые страницы – мама как будто

втягивалась в процесс и уже не могла остановиться. В основном она просто болтала ни о чем, и большинству читателей такой дневник показался бы скучным, но я от всего приходила в восторг. Мне словно показывали старую видеозапись.

Это навело меня на мысль: должны же были у нас остаться старые видео? Наверняка. Последние несколько лет родители все реже доставали камеру из шкафчика – пожалуй, съемки почти прекратились после того, как Пейдж достаточно повзрослела, чтобы пугаться объектива, убегать от него и закрывать лицо, но все-таки что-то должно было сохраниться. Я мысленно приказала себе поискать старые видео.

Последняя запись далась мне с трудом. Она была слишком печальной. Дневник закончился на неделе, следующей за после 11 сентября. Мама описывала свои ощущения от новостей, рассуждала о том, как страшно воспитывать детей в нашем мире. Но на меня давили не эти рассуждения, а самый последний абзац:

«Это заставило меня задуматься о том, что все может измениться в мгновение ока. Я постоянно боюсь потерять детей, как и все родители. Но, наблюдая за обваливающимися башнями, я вспомнила о том, что и сама недолговечна. Мы с Дэйвом уже много лет не обновляли завещания, так что я записалась к нотариусу. Я пролистала старые дневники и осознала, что все записи в них ни о чем. Может, мне следует оставить что-нибудь моим девочкам, просто на всякий случай. Но о чем им написать? Что захочет услышать тот, кто слишком рано потерял близкого человека? Да и разве потеря не будет всегда казаться преждевременной? В последнее время эти мысли не дают мне уснуть».

У меня перехватило дыхание. Мамины слова вжались в грудь, выдавив из нее весь воздух, и мне пришлось подняться и немного пройтись.

Она не знала. Не могла знать. Никто не способен предвидеть свое будущее. Но мама о нем думала. Переживала за нас.

Я прокрутила в голове ее слова: *«Разве потеря не будет всегда казаться преждевременной?»* Я уверена, что не всегда. Будь ей лет девяносто, нельзя было бы сказать, что она ушла слишком рано, верно? Или все-таки можно? Но в любом случае мама наверняка была бы не прочь это выяснить. Я проверила время на телефоне. Папа заберет меня примерно через час. Я успею прочесть еще один блокнот, но не уверена, что стоит это делать. Мне хочется, чтобы эти слова никогда не кончались. Вдруг они – как противень горячих брауни? Я всегда так быстро их съедаю, что на

следующий день ничего не остается, кроме разочарования. Надо ими наслаждаться. Немножко сегодня, чуточку завтра. Растянуть их на много месяцев.

Наверное, я веду себя эгоистично. Мне следовало бы поделиться своей находкой с Пейдж. Она наверняка обрадовалась бы дневникам. И сестра этого заслуживает, но лучше все-таки подождать окончания эксперимента. Нельзя позволить Пейдж догадаться, что все эти призрачные послания – моих рук дело.

Я принялась ходить взад-вперед по коридорчику рядом с моим уголком. В библиотеке запрещено разговаривать, но здесь же не было ни души. Сегодня воскресенье, я в подростковой секции. Никого тут и быть не может.

Я достала телефон и пролистала телефонную книжку. Вчера вечером я занесла в нее номер Исая. Не знаю, почему мне хочется поговорить именно с ним. Я добралась до Джизелы и набрала ее номер.

Никто не ответил, и я вздохнула с облегчением. Сама не знаю почему.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я снова нажала кнопку звонка. Исая ответил прежде, чем я успела одуматься.

Я замаялась, не зная, что сказать.

– Мм... Это я. Энди.

– Я знаю, кто звонит, глупенькая.

– А...

– Что случилось?

– Не знаю.

– Ясно-о-о-о, – протянул Исая, и за этим последовала долгая неловкая пауза.

– Я нашла мамины дневники.

Снова тишина, но на этот раз без неловкой паузы. В трубке раздается дыхание Исая. Видимо, он ждет, что я скажу дальше. И я вывалила на него все события прошедших выходных. Рассказала о кольцах, словах, запахах... Он молчал.

В конце концов, когда мне уже нечего было добавить, я выдохнула и сказала:

– Это все.

– Ясно, – ответил Исая. – Тебе потребуется время, чтобы все это переварить.

– Да. Честно говоря, я в растерянности. Мне оставить свой проект и поговорить с папой и Пейдж?

– Не знаю, Энди. Судя по всему, он действует.

– Возможно.

– Если ты сейчас во всем признаешься, а потом дела снова пойдут плохо, ты уже не сможешь повторить эту попытку.

– Знаю. То есть лучше не надо?

– Наверное, пока не стоит. Но выбор, конечно, нелегкий.

– Исайя?

– Мм?

– Спасибо, что выслушал.

– Не за что. Правда.

– Мне пора идти. Папа скоро придет, и библиотека вот-вот закрывается.

– Ты в библиотеке?

– Да, а что?

Исайя рассмеялся:

– Я сижу на ступеньках у входа. Делал здесь уроки.

– Никуда не уходи.

Я убрала дневники в рюкзак и выбежала из библиотеки. Исайя сидел на ступеньках в красной рубашке поло и шортах цвета хаки. Его наряд чем-то напоминал школьную форму. Как же я была рада его видеть. Он стоял в дверях, я позвала его по имени.

Исайя поднялся, я поспешила к нему и резко остановилась где-то в полуметре. Мне стало как-то неловко. Хотелось обнять парня, но это было бы *совсем* странно.

– Ты уходишь? – спросила я.

– Да, мама уже за мной едет.

В полной тишине мы дождались машины его мамы. Она выглянула из окна и помахала мне рукой:

– Подвезти?

Я помотала головой:

– Папа меня заберет.

Я сказала это с такой гордостью. Все в порядке. И я наконец верю в то, что наша жизнь вернется на круги своя.

Двадцать минут спустя, после трех безуспешных звонков и двух сообщений, я осознала, как глубоко ошибалась. Накинув на плечи рюкзак, я поплелась домой, гадая, считать ли теперь разочарование обыденностью.

* * *

Я пришла домой и обнаружила папу спящим на диване. Может, он просто устал, а может, его убаюкал алкоголь.

Я топнула ногой и фыркнула. Пнула корзинку с вязаными ковриками, стоявшую рядом с диваном. Папа не шелохнулся. Я крикнула: «Спасибо тебе большое!» – и убежала вверх по лестнице. Либо папа не услышал, либо не знал, что ответить, но я весь день его не видела. А вечером нашла на кухонном столе записку:

«Энди, извини, что так вышло с фильмом. Я уснул. Давай сходим на следующих выходных».

Ну да! Конечно.

Я так сильно разозлилась на отца, что схватила подушку и закричала в нее. Я правда верила, что все изменится. Мы все просто обязаны измениться.

Я села на кровати и вытащила из кармана мобильный. Мне ответил запыхавшийся Исая:

– Привет.

– Он не приехал, – вздохнула я.

– Как ты добралась до дома?

– Дошла пешком, но не это главное. Я не знаю, как мне быть. В чем я ошиблась?

– Не знаю.

– Ты же умный, Исая. Помоги мне разобраться.

Он ответил не сразу. Но я слышала его дыхание.

Наконец Исая заговорил, слабо и неуверенно:

– Может, пора остановиться? Я немного за тебя переживаю. Мама сказала...

– О чем ты ей рассказал?

– Ни о чем. Ни слова о твоём проекте, Энди. Только что тебе приходится нелегко. Так вот, она спросила, не записывались ли вы к кому-нибудь всей семьей. Вроде миссис Картер, только не миссис Картер. К настоящему психологу.

Я так сильно сжала телефон, что у меня заныла рука.

– Забудь, – ответила я, стараясь говорить спокойно. – Я сама что-нибудь придумаю. Спасибо, что выслушал.

– Энди, не надо...

– Мне пора. Я еще не сделала все домашние задания. До завтра.

Я нажала отбой и полностью отдалась своим мыслям, стараясь думать о чем угодно, кроме слов Исая. Мне на ум пришел сегодняшний случай с папой.

Почему он так быстро переменялся? Стоит ли винить ту песню? Какая выстраивается закономерность? Пейдж чуть ли не сразу реагировала на

напоминания о маме. У нее резко менялось настроение. С папой я то угадываю, то промахиваюсь. Чаще промахиваюсь, если честно. И мои старания скорее его ранят, чем помогают ему нащупать почву под ногами.

Я задумалась над причинами и пришла к одному возможному выводу. Папа нуждается в более явных посланиях. Так было всегда. Это видно по маминым дневникам. Он *типичный мастер «решать» вопросы*, но серьезных проблем избегает. Все мои попытки со спреем для тела и плеером были чересчур туманными. Они напоминали ему о маме, но ни о чем не говорили прямо, в то время как Пейдж отчаянно хваталась за намеки и усматривала в них скрытые послания.

Мне следует отыскать к родным разный подход. Размышляя над новым планом действий, я провалилась в сон.

Глава четырнадцатая

В понедельник мы с девочками болтали только на две темы – о парнях и предстоящей школьной вечеринке.

Бекки одержима Гэвином Доланом.

– Как думаете, он там будет? Что мне надеть?

– Платье, конечно, – с улыбкой посоветовала Джизела.

– Ни в коем случае, – возразила Лиа. – Оденься попроще. А то получится, что ты вырядилась не к месту. К тому же так будет удобнее играть со всеми.

Я смеялась вместе с девочками, пока Бекки не повернулась ко мне:

– Не знаешь, Исайя придет?

Бекки произнесла это нараспев – явно хотела меня подразнить. Мне стало неприятно, как если бы она больно дернула меня за волосы. Зачем об этом упоминать?

– Не знаю.

– Ой, брось, он же тебе нра-а-авится, признай! – протянула Бекки и показала мне язык.

Я вздохнула:

– Как скажешь.

Мне хотелось встать и уйти, но я не собиралась показывать, как сильно Бекки меня достает. От этого она только чаще будет меня дразнить. Через несколько минут прозвенел звонок, и я смогла отойти к своему шкафчику. Меня догнала Джизела:

– Извини.

Я пожала плечами:

– Что на нее нашло?

– Сама не понимаю. Наверное, переживает из-за чего-то.

Я цокнула языком. Переживает. Она не представляет, что это такое!

– Но в любом случае поступает она некрасиво, – добавила Джизела, поправляя на плече сумку и убирая вьющийся каштановый локон за ухо.

– Да, – ответила я, глядя в пол.

– У тебя все в порядке?

Я подняла взгляд: глаза у Джизелы были широко открыты. Казалось, она искренне хотела узнать, как у меня дела. Я решила рискнуть.

– Вроде того, – пробормотала я. – То есть дома у меня довольно

паршиво, но я стараюсь все исправить. – Я замялась. – Поделиться с тобой секретом?

– Конечно.

Джизела заправила волосы за уши и склонила голову набок.

– На этих выходных я наткнулась на нечто невероятное. Мама вела дневники. Ни Пейдж, ни папе я об этом еще не рассказала. Мне не хочется ни с кем этим делиться, понимаешь?

Подружка закусила губу и кивнула:

– Наверное.

– К тому же... – Я понизила голос и подалась вперед. Судя по всему, моя идея довольно успешная, и мне приятно для разнообразия поделиться с Джизелой хорошей новостью. Но я на всякий случай перешла на шепот, чтобы нас никто не услышал: – Я провожу один эксперимент на своих родных, и он, кажется, помогает. Стараюсь создать впечатление, будто в доме появился мамин призрак.

– Что? – Джизела распахнула глаза, а потом сощурилась.

Я поняла, насколько безумно звучали мои слова.

– Не в прямом смысле. Не совсем привидение. Только мелочи... Вроде ее любимой песни по радио или знакомого аромата в комнате.

– Что? Зачем?

– Ну, мне кажется, что это помогает.

– В чем?

Я бросила взгляд на часы. До конца перемены оставалось всего несколько минут.

– Мы все отдалились друг от друга. И я подумала, что мама помогла бы нам снова сблизиться.

– Знаешь, ты могла поговорить об этом с папой и сестрой, – предложила Джизела. – Насколько все плохо?

Для ответа на этот вопрос мне точно не хватало времени, так что я пожала плечами.

– У тебя точно все в порядке?

– Это не так просто объяснить, как ты думаешь, – вздохнула я. – Но все образуется.

Джизела слегка улыбнулась и сжала мою руку. Снова зазвенел звонок, и я поспешила на индивидуальные занятия с миссис Картер.

Такие беседы проходят где-то пару раз в неделю во время классного часа. К счастью, там мы один на один. Вполне возможно, что после того случая в группу меня больше и не пустят.

Обычно меня ждут открытая дверь и широкая улыбка миссис Картер.

Сегодня дверь была закрыта. Неужели она забыла? Или после моей тирады на прошлой неделе решила, что не хочет со мной разговаривать даже с глазу на глаз? Я постучала и прислушалась. Раздалось тихое «Войдите», и я медленно повернула ручку.

Миссис Картер сидела ко мне спиной за компьютерным столом и стучала по клавиатуре. Я немного подождала и спросила:

– У нас же... сегодня назначена встреча?

Она оторвалась от клавиш, бросила взгляд на часы и развернулась ко мне:

– Я сомневалась, что ты придешь.

Я нахмурилась и закусилла нижнюю губу. Несмотря на то что случилось на прошлой неделе, конфронтация мне никогда не нравилась.

– Вроде мне положено сюда ходить?

Миссис Картер вздохнула:

– Энди, ты же знаешь, что не обязана. Я прошу тебя посещать занятия каждую неделю ради твоего же блага. Но ты, очевидно, почти все держишь в себе. Вот почему я подумала, что наши беседы тебе не помогают.

О, неплохо сыграно, миссис Картер! Как замечательно она все повернула и переложила ответственность на меня! Ей всегда это отлично удавалось, сколько бы раз я ни пыталась разложить все по полочкам.

– День тогда выдался неудачный.

– Я так и поняла. Но разве обязательно было вымещать свое дурное настроение на Брайане?

Миссис Картер махнула рукой на соседний стул. Я села, не поднимая головы:

– Честно говоря, миссис Картер, как по мне, он это заслужил.

Я не смотрела на миссис Картер и не знала, удалось ли ей сохранить дружелюбное выражение лица после моих слов.

– По-твоему, люди заслуживают, чтобы их обижали?

– Это Брайан поступает неправильно. И постоянно нас обижает, только сам этого не замечает. Делает вид, что только ему одному приходится тяжело, и никак не наговорится о своих проблемах. Знаю, я сорвалась, но, возможно, ему было полезно это услышать.

– Понятно. То есть ты признаешь, что тебе приходится тяжело? Потому что у меня создавалось впечатление, будто с тобой все в порядке и только твоим родным нелегко привыкнуть к переменам.

Черт, она хитрее, чем я думала.

– Я такого не говорила.

– Не совсем, но ты чаще упоминаешь о проблемах своего отца или

сестры, а о своих чувствах почти ничего не рассказываешь.

– То, что происходит с ними, отчасти касается и меня.

– Само собой, но не исключительно тебя, верно?

В голове всплыли слова отца: «Оставим свои проблемы при себе, ладно?» Могу ли я доверять миссис Картер? Раньше она не казалась мне такой коварной.

– Зачем вы позвонили моему папе?

– Чтобы убедиться в том, что с тобой все благополучно.

– Я думала, все, о чем мы говорим, остается между нами.

– Энди, ты прекрасно знаешь, что у нас нет соглашения о неразглашении секретов, как у врача и пациента. Проблема серьезная, и не только по твоим словам на групповом занятии я поняла, что ситуация в твоей семье ухудшилась.

Я вскинула голову и уставилась на миссис Картер:

– Вы о чем?

– О тебе много кто беспокоится, милая. Учителя, друзья...

Предательское урчание в животе. Наверняка миссис Картер говорит про моего учителя по математике. А вот друзья... Кто? Я сразу подумала на Исайю. Он рассказал своей маме, что у меня дома все плохо. Что *именно* он ей сказал? Какая же я дурочка, что ему поверила. Бекки была права – он обычный за-дрот, и не случайно парень остался без друзей. Теперь все встало на свои места. Понятно, почему с ним никто не дружит. Ему нельзя доверять.

Миссис Картер прервала мои размышления:

– Ты готова поделиться тем, что происходит у тебя дома? Как оно на самом деле?

Нет.

Я пожала плечами:

– Бывало и лучше.

– Почему ты так считаешь?

– Может, это все ваш звонок? Я думала, вы никому не собираетесь выдавать то, о чем я вам говорила!

Миссис Картер поудобнее устроилась на стуле и пригладила рукой волосы:

– Хм... То есть ты предполагаешь, что я зря связалась с твоим отцом. И в этом единственный корень твоих проблем?

Это слишком тяжелый вопрос, и в нем наверняка есть подвох. Я окончательно запуталась, и мне больше не нужна помощь миссис Картер. Про папу ей говорить нельзя, но и вру я неважно. Теперь мне хочется

только одного – чтобы миссис Картер оставила меня в покое. Я словно оказалась в ловушке во включенной микроволновке. Мне тесно, жарко, и единственный способ меня спасти – нажать на кнопку и открыть дверцу. А пока что я вращаюсь по кругу, и голова у меня кружится все сильнее.

– Энди, ты не терзаешь родных привидением своей матери?

Исайя рассказал миссис Картер *обо всем*.

Такое чувство, будто на меня внезапно напали из-за угла, и теперь злоба во мне нарастает. Появилось желание схватить свой стул и бросить в стену. Но я должна успокоить миссис Картер. Заверить ее, что я *в полном порядке*, чтобы она отвязалась. Пришлось выжать из себя натянутую улыбку:

– А? Не понимаю, о чем вы.

– Ты пыталась заставить своего отца и сестру поверить, будто твоя мать хочет с ними наладить контакт?

Я покачала головой:

– Нет.

– Пожалуйста, не ври. Кое-кто из твоих друзей очень за тебя беспокоится, он даже обратился ко мне и сказал, что ты вытворяешь нечто безумное.

– Понятия не имею, о чем вы. Честное слово. – Ненавижу Исайю. Как же сильно я его теперь ненавижу! – Может, этот человек что-то напутал? – Судя по всему, имени миссис Картер называть не собиралась, и я последовала ее примеру. – Сестре на днях почудился аромат мамино спрея для тела, и она заметила одну старую фотографию, которая ее вдохновила. Вот и все, ничего необычного.

Около секунды миссис Картер пристально на меня смотрела. Ждала, пока я сломаюсь. Но я не сдалась. Это ей придется сдаться.

– Ты уверена? Потому что твой друг не сомневался, что правильно тебя понял.

– Уверена. Наверняка этот *друг*, – начала я, а про себя добавила: «Точнее, *бывший друг*», – придал не то значение моим словам. Все же знают, что я увлекаюсь призраками.

Этот довод убедил миссис Картер. Даже ей известно о моей любви к историям о привидениях. Я к ней прихожу уже не первый месяц, и не всегда мне хочется говорить о плохом.

От миссис Картер я вышла словно в тумане. Какая же я глупая! Ну как можно было довериться Исайе? В обед я поспешила в библиотеку. Исайю я заметила сразу: он сидел за компьютером.

Я незаметно подошла к нему, наклонилась и прошептала прямо на ухо:

– Вот спасибо, Исая. Не знаю, о чем ты только думал. Не удивительно, что у тебя нет друзей.

Вид у парня стал такой, будто пнули его щенка. А я выпрямилась и ушла до того, как Исая успел мне ответить.

Я вся дрожала и не могла прямо так заявиться на обед с девчонками, поэтому сначала зашла в туалет и умылась холодной водой. Но даже это не сумело остудить мой гнев.

Когда я вышла во двор к подругам, до звонка на следующий урок оставалось всего несколько минут. На естествознании мне придется снова встретиться с Исайей, но теперь он знает, что я обо всем догадалась, и не попытается за мной заговорить. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Бекки, Лиа и Джизела собрались в тесный полукруг. Они о чем-то шептались, склонив друг к другу головы. Картина походила на постер фильма про вредных девчонок из старшей школы, но я знала, что мои подруги вовсе не вредные. Видимо, мое присутствие им помешало, потому что Джизела с Лией умолкли, как только я подошла. А вот Бекки стояла ко мне спиной. Лиа провела ладонью вдоль шеи, намекая на то, что ей следует замолчать, но было слишком поздно. Я уже услышала: «Не переживай, Джизела. Ты правильно поступила».

– Как она поступила? – спросила я, замыкая круг.

Бекки отшатнулась, превратив наш кружок в овал. Лиа последовала ее примеру. Джизела не сдвинулась с места и опустила взгляд в землю.

Бекки тряхнула волосами и улыбнулась:

– А, ерунда. Это мы про уроки.

Джизела бросила на меня кроткий взгляд и слабо улыбнулась.

Лиа шагнула ко мне и приобняла за плечи:

– Как у тебя дела?

Я вскинула брови и склонила голову набок:

– Нормально. А что?

– Ну, Энди, мы знаем... – начала Лиа.

Ее перебила Бекки:

– Все с ней в порядке. Ты на нее посмотри!

Вели девчонки себя ужасно странно. Не знаю, почему до меня так долго доходило, но правду я осознала только через некоторое время: сдать меня миссис Картер мог не только Исая. Она не уточнила, кто это был – друг или *подруга*.

Меня предал человек, которому я больше всех доверяла.

Так вышло, что мы разделились на парочки и рядом со мной шла Лиа. Я резко остановилась.

– В чем дело? – спросила она и повернулась ко мне.

Бекки и Джизела даже не оглянулись. Наверное, они ее не слышали.

– Это Джизела.

– Что?

– Джизела говорила с миссис Картер?

Лиан ничего не ответила, но это и не требовалось. Я уже получила ответ: увидела тревогу в ее глазах. Я побежала за Джизелой и Бекки, но догнать их было невозможно: они исчезли в толпе.

Теперь у меня появилась совершенно иная причина трястись перед уроком естествознания, страшась неизбежной встречи с Исайей.

Глава пятнадцатая

Исайя на урок не пришел.

Меня мутило от собственной глупости.

Больше в этот день я его не видела.

Тошнота так и не прошла.

Джизелы я избегала. После обеда мне отчаянно хотелось все ей высказать, но остаток дня на уме у меня был только Исайя, а с подружкой видеться не хотелось. Я не могла смириться с ее поступком. За что она так со мной? Я даже не успела все ей рассказать. Она поспешила с выводами.

Но и обо мне можно сказать то же самое. На себя я злилась даже сильнее, чем на Джизелу. А еще – на остальных девчонок. Как долго они не обращали внимания на мои проблемы, чтобы затем навредить мне у меня за спиной, а не помочь? И притвориться, будто ничего не было.

Кого теперь мне считать друзьями?

После уроков я еще какое-то время бродила по школе, но Исайя, очевидно, ушел намного раньше, отчего мне стало совсем паршиво. По пути домой я ему позвонила, но он не взял трубку. Что написать в сообщении, мне в голову не пришло, и я так ничего ему и не отправила.

Несколько минут спустя телефон завибрировал. Увидев имя, которое высветилось на экранчике, я разочарованно вздохнула. Не Исайя. Джизела.

Я была так расстроена, что не могу поговорить с Исайей, что ответила на звонок. Пусть знает, как сильно я на нее сержусь.

Джизела плакала, и разобрать, что она говорит, было не так-то просто.

– Извини, пожалуйста! Знаю, ты на меня обиделась, но я за тебя волнуюсь.

Я подождала несколько минут, выслушивая извинения подруги, и сказала:

– Это все?

Джизела всхлипнула:

– Ты сердишься?

– А ты как думаешь?

– И что теперь будет? Ну, с миссис Картер.

– Надеюсь, что ничего. Неужели ты не понимаешь, насколько это серьезно? Хочешь, чтобы моя семья окончательно развалилась, а меня отправили в детский дом?

– Нет, – пробормотала Джизела.

– Хорошо, тогда оставь меня в покое. Я поделилась с тобой секретом, а ты раздула из мухи слона. Кто знает, к чему бы это привело, хотя пока что мне удалось все исправить.

– Но Энди, ты говорила такие странные вещи... Это ненормально.

– А нельзя было сначала со мной это обсудить? Дать мне возможность объясниться? Нет, ты пошла и настучала на меня.

– Я не знала, что может случиться!

– Нет, потому что ничего не спросила. Никто меня ни о чем не спрашивает. Сегодня вы впервые поинтересовались тем, как у меня дела, и то Лиа просто хотела меня отвлечь... ну, или чувствовала себя виноватой.

Внезапно вместо Джизелы мне ответила Бекки:

– Энди, не будь такой вредной. Ей и так стыдно. Мы понимаем, тебе нелегко, и нам очень жалко, что у тебя умерла мама, но нельзя же постоянно об этом вспоминать.

Ее слова подействовали на меня, как лед. Моментально и полностью остудили – я и не знала, что могу быть настолько бесстрастной.

– Да-да, ты права, – холодно сказал я. – Нельзя все время об этом твердить. Да и вообще лучше никогда о ней не разговаривать. Ведь есть темы куда важнее, и именно на них стоит тратить время... Например, цвета лаков для ногтей или мальчишки из дурацких музыкальных групп. Я все понимаю. Не переживай, вам больше не придется слышать о моей мертвой матери. Я об этом позабочусь.

И я бросила трубку. Еще раз набрала номер Исаяи. Голосовая почта. На этот раз я оставила сообщение: «Пожалуйста, перезвони. Прости меня». Мне просто необходимо было с ним поговорить.

Я зашагала быстрее. Мне хотелось скорее вернуться домой. Я быстро поднялась по лестнице, забежала в свою комнату, разрыдавшись, повалилась на кровать и вскоре уснула в слезах.

Я проснулась от того, что в руке у меня вибрировал телефон. Я резко подпрыгнула, увидев на экране имя.

– Прости, – прошептала я в трубку.

– Ты уже это написала в своем сообщении.

– Мне правда стыдно.

– Я так и не понял, чем провинился.

– Совершенно ничем. Это я виновата. Сделала не те выводы. Допустила кошмарную ошибку.

Исайя затих.

– Спасибо, что перезвонил. Я боялась, что ты больше не захочешь со

мною разговаривать.

– Забавно, я думал о том же.

– Я рассказала одной из подруг об эксперименте, – нерешительно начала я. – Она все передала миссис Картер. А я подумала, что это был ты.

– Я? Я же тебе во всем помогаю.

– Помню. Не знаю, почему я даже на нее не подумала. Мы так долго с ней дружили, понимаешь? Мне бы и в голову не пришло, что она так со мною поступит.

– Но во мне ты сомневалась.

– Я прислушалась не к тем голосам в голове, – тихо ответила я.

– Осторожно, лучше никому не рассказывай про эти голоса, – буркнул Исая и вдруг рассмеялся: – Ладно? Я покачала головой:

– Дурак!

– Хотел тебя рассмешить.

– Ты делаешь нечто большее. Ты хороший друг, Исая.

– То есть я зря прогулял школу?

Душа у меня ушла в пятки.

– Знаешь, до этого я шел на награду за идеальное посещение...

– Извини.

– Шучу, глупая! – Исая засмеялся над своей же шуткой и добавил: – А в остальном как у тебя дела?

– Помимо того, что меня предала лучшая подруга, а папа не приехал за мной в библиотеку? Восхитительно.

– Энди, не пойми меня неправильно... Сама знаешь, я всегда готов помогать тебе с твоим проектом, но ты же обещаешь обратиться к другим за помощью в нужный момент, да? Наверное, одной тебе с этим не справиться.

Я напряглась. Само собой. Я это прекрасно понимаю. Всегда понимала. Но папа против даже моих походов к школьному психологу, так что еще я могу сделать?

– Сначала попробую так.

– А если не выйдет, поговоришь с кем-нибудь? С тем, кто свое дело знает, не с миссис Картер, этим жалким подобием психолога, – ядовито произнес Исая.

– А ты за что ее невзлюбил?

– Да ерунда! Просто не фанат. Ты на мой вопрос не ответила.

– Брось, Исая, ты недоговариваешь.

Парень раздраженно вздохнул:

– Ладно. Помнишь, я рассказывал, как надо мною издевался Джеффри?

– Да.

– Так вот, в шестом классе мне пришлось нелегко. Я ходил к миссис Картер. Она предложила извиниться перед Джеффри – мол, это поможет. Наверняка Джеффри был всего-навсего смущен.

– Не может быть... – Я уже догадывалась, к чему Исайя ведет. Жизнь была бы чересчур простой штукой, если бы перед хулиганом можно было просто извиниться, и дело с концом.

– Ага. Скажем так, мои извинения не приняли, и я больше не ходил к миссис Картер.

Теперь я окончательно запуталась в своем отношении к школьному психологу. Случай с Брайаном, звонок моему отцу, сегодняшнее поведение, а теперь еще и это?

– Мне так жаль.

– В общем, поэтому я ей не доверяю. Но наверняка есть психолог, который способен тебе помочь, – добавил Исайя.

– Я пока не знаю, как поступлю, если мой эксперимент провалится, – наконец ответила я на его вопрос. – Поживем – увидим.

Не знаю, этого ответа Исайя ожидал или какого другого, но больше он ни о чем не спрашивал, и я вздохнула с облегчением. С первого этажа донесся какой-то шум, так что я поднялась с постели и приоткрыла дверь комнаты.

– Есть кто дома? – крикнул папа.

– Подожди минутку, – шепнула я Исайе и прокричала в ответ: – Я у себя!

Папа вышел из кухни:

– Ты уже поела?

Я помотала головой и показала пальцем на телефон.

Он кивнул:

– Когда договоришь, приходи – я принес еду. Я поспешно попрощалась с Исайей. Конкретного плана у меня нет, но я не хочу упустить возможность провести время с папой, пока он ведет себя вполне нормально. Уже на лестнице я почуяла запах пиццы, и живот у меня заурчал, подгоняя вперед и напоминая о том, что обед я пропустила, а про перекус забыла со злости.

На кухне нашлась не только пицца, но еще и хлебные палочки с куриными крылышками. Настоящий пир. У нас целую вечность такого не было.

– Привет, конфетка. Проголодалась?

Папина улыбка отразилась и в его глазах.

– Ух ты! – воскликнула я, но больше ничего не сказала: мой рот уже был занят кружком колбасы, который я сняла с одного из кусков пиццы.

– Нам есть что отметить, – улыбнулся папа. Я быстро пережевала колбасу и проглотила.

– А?

– Меня взяли на новую работу.

Я широко распахнула глаза, сердце у меня екнуло, и я поспешила заткнуть рот пиццей, чтобы не спрашивать о подробностях.

Папа сам обо всем рассказал, налив себе стакан воды. На эту должность берут без опыта, зарплата не такая большая, как хотелось бы, но с учетом экономической ситуации... Он замялся, опустив другие причины, по которым ему следовало бы быть благодарным за любое место. Мне очень хочется за папу порадоваться. Хочется верить в то, что все наладилось. Беспокоиться больше не о чем. Но мы это уже проходили. Папа находил новую работу, потом выдавались неудачные дни, он исчезал из дому по ночам, несколько раз опаздывал на свою новую работу, а потом и вовсе переставал на нее ходить.

Я еще не придумала, что ему ответить, когда на кухне появилась Пейдж.

– Чем это пахнет? – Она осеклась, посмотрела на стол и протянула: – Ого!

Как и я, сестра сначала набросилась на еду и только потом задумалась над происходящим. Последний раз мы ели замороженную магазинную пиццу за два доллара. Совсем не то что заказанная из ресторана!

Мне казалось, что папа сразу все расскажет Пейдж, но, взглянув на него, я поняла, как сильно он нервничает. По сравнению со мной Пейдж для него – большая угроза.

– Папа сегодня устроился на новую работу, – сказала я.

«Пожалуйста, не спрашивай, как долго он на ней протянет», – мысленно взмолилась я и умоляюще посмотрела на сестру.

Пейдж перевела взгляд с меня на отца и обратно, не решив еще, как быть.

– О! Где? – произнесла она беспечно, видимо еле сдержавшись: я почувствовала, как сестра нервно трясет ногой под столом.

Пейдж сощурилась, но смотрела только на пиццу. Наверное, боялась услышать ответ.

Я пригляделась к папе: не стыдно ли ему перед Пейдж? Помню, как он покраснел, рассказывая нам о том, что устроился продавать машины. И помню, как Пейдж с ехидством кричала, что он не способен продать даже

подержанную «тойоту».

Папа «до» работал в банке. Я так и не запомнила название его должности, но знаю, что место было хорошее. Поэтому мама могла не работать. Папа «после» уже не справлялся с высокими требованиями, предъявляемыми работникам в подобных местах.

– В банке, по правде говоря. Буду специалистом по кредитованию.

Мне это ничего не говорило – отличается новая должность от прежней или нет? – но звучало неплохо. Я закусила губу и подалась вперед, гадая, не думает ли Пейдж о том же самом.

– Не знала, что ты планируешь вернуться к банковскому делу, – связвила сестра.

Я чуть не прыснула: обычно такие фразочки выдают пожилые дяди с блестящими лысынами и выпирающими животами. А не Пейдж с соусом от пиццы на щеке, неряшливым хвостиком и упавшими на лицо волосами.

– Честно говоря, я сам не знал, чего мне хочется. Вакансий было не особенно много, но, как оказалось, мой бывший коллега теперь управляет ссудным отделом в этом кредитном банке. И он... Ну... Он все понял...

Пейдж кивнула.

Я улыбнулась. Это здорово.

– В общем, начинаю я с понедельника. Работать буду с половины восьмого до половины пятого. Всех это устраивает?

Пейдж прикусила язык – видимо, боялась рассмеяться, потому что папы и так никогда дома не было. Но мы обе кивнули.

Потом я целый час не думала о маме. Забыла про Джизелу, миссис Картер и наш с Исайей проект.

Я поела крылышки, кашляя от острого, обжигающего горло соуса. Пейдж рассказывала нам о конфликтах с посетителями кафе, а папа подробно описал, как прошло собеседование.

Интересно, неужели теперь так будет всегда? Чтобы вдохнуть глоток такой обычной, повседневной жизни, мне придется сначала пройти через кучу всякой дряни.

Глава шестнадцатая

Около восьми я поднялась к себе в комнату с твердым намерением выполнить домашнее задание. У меня есть и другие уроки, кроме естествознания, а по английскому и математике я сильно отстала. Вот только меня опять притягивали к себе мамины дневники. За сегодня я ни разу их не открывала и уже скучаю по ее словам. Один раз в неделю вполне можно лечь спать попозже. Я пообещала себе следить за временем, уделять чтению не более получаса. Может, мама наведет меня на мысли о том, какие послания оставить папе с Пейдж.

Вряд ли это совпадение – то, что папа нашел работу и мы впервые за много месяцев ужинали вместе, и это меньше чем через неделю после начала проекта.

Обещанные полчаса вылились в два. В этом дневнике мама в основном жаловалась на Пейдж. Десятки страниц были посвящены тяготам жизни с подростком.

«На прошлой неделе я позвонила маме. Она целых десять минут распиналась о моих неэффективных методах воспитания. Видимо, некоторые вещи никогда не меняются. То же самое она говорила о моем подходе к учебе и выборе специальности в колледже.

Но было в ее критике и нечто полезное: я вспомнила свое детство. Раз – и я снова подросток, выслушиваю мамины бесконечные жалобы и наставления. Неудивительно, что тогда я ее ненавидела.

Мне вспомнилось все, что я говорила Пейдж на этой неделе, и – вот неожиданность! – в основном это были указания о том, что ей делать, как думать, какую одежду носить. Не удивительно, что она начинает тихо меня ненавидеть. Ставлю перед собой новую цель: сдерживаться и больше ей позволять. Нет, не пьянство, наркотики, секс и прочие серьезные вещи. Но голубые пряди у нее в волосах я переживу».

Пряди были ужасные. В момент слабости, что у Пейдж бывало редко, она даже призналась, что жалеет о мелировании, но маме об этом сказать не решается. Интересно, гложет ли сестру это сейчас? Ведь есть слова, которые так хотелось произнести, и слова, о которых жалеешь.

У меня есть несколько таких.

Например: «Мама, на самом деле это я испортила твоё жемчужное

ожерелье. Знаю, ты всегда меня подозревала, но мне было очень страшно признаться».

Или: «Я вовсе не хотела сказать, что мне за тебя стыдно».

Вспоминаем ли мы обо всем этом, покидая наш мир? И что лучше – помнить или забыть?

Было уже поздно, но у меня вдруг появилось неодолимое желание услышать мамин голос. Не в своей голове, а на самом деле. Наверняка у нас где-нибудь остались видео. Я на цыпочках спустилась вниз по лестнице. В гостиной было совсем темно, но свет я не включила, чтобы не привлекать лишнее внимание. Я открыла шкафчик под телевизором и принялась рыться в коробках. В основном там лежали старые DVD-диски из нашего с Пейдж детства: мультфильмы Диснея и тому подобное. Нашлась парочка неподписанных серебристых дисков – их я отложила в сторону. Потом проверю, что там, у себя на компьютере.

Кажется, раньше видеокамера хранилась в шкафчике на лоджии, которая по совместительству была еще и офисом. Она находилась в задней части дома, и мама выбрала ее в качестве своего рабочего кабинета, потому что не хотела торчать вдали от нас в темном подвале. Так что родители ставили туда обогреватель зимой и кондиционер летом.

Внешнюю стену лоджии занимали пять больших окон, и сегодня в них лился свет почти полной луны. Давно я сюда не заходила. Наверное, как и папа с Пейдж. На письменном столе был такой толстый слой пыли, хоть слова пальцем выводи. Вряд ли за эти месяцы хоть кто-то открывал здесь окно или включал кондиционер. У нас с Пейдж теперь есть собственные компьютеры, а папа... ну, он не так часто бывает дома, чтобы им пользоваться.

Я открыла шкафчик, забитый разным барахлом. У нормальных людей все это добро хранится в ящике стола. Мы отвели под него целый шкафчик. Батарейки, скотч, листы бумаги, коробочка со всякими зарядками. Видеокамеры нигде не видно, но чехол цифрового фотоаппарата сразу бросается в глаза. Он весь расписан желтыми маргаритками.

Мама мечтала о хорошем фотооборудовании, так что мы с Пейдж убедили папу сделать ей подарок на День матери. Именно в том году она решила стать фотографом. Повсюду таскала с собой этот фотоаппарат. От объектива было нигде не скрыться. Мама требовала, чтобы мы ей не позировали, и даже кричала на нас, когда мы улыбались в камеру. По ее словам, лучшие снимки – случайные, и она тренировалась подбирать нужную диафрагму, что бы это ни значило.

Я нажала на кнопку включения, но фотоаппарат был, разумеется, не заряжен, так что я отыскала зарядку и перенесла его к компьютеру, чтобы подключить к нему провод и посмотреть снимки на большом экране. Я промотала самые свежие фотографии, но от них мне стало совсем грустно. Мама там не было – она всякий раз скрывалась за объективом. Мне хотелось увидеть мамино лицо – я боялась, что забываю ее черты.

Судя по всему, со дня смерти мамы фотоаппаратом никто не пользовался. Вроде бы ничего удивительного, но меня это ошеломило. На мгновение моя жизнь застыла в состоянии «до». Там, где мы с Бекки, Джизелой и Лиа бегали вокруг разбрызгивателя в саду и визжали, скользя по мокрой траве. Там, где Пейдж развалилась на шезлонге в бикини, но высунула язык, заметив направленный на нее объектив.

Хоть мамы и нет на снимке, я чувствую, как она улыбается. Вот бы мне услышать ее смех! Я вернулась к шкафчику и продолжила поиски видеокамеры. Чехол был забит в самый угол. Обычный, серый.

В отличие от фотоаппарата, в видеокамере еще осталась зарядка, и она сразу же включилась. Я нажала «пуск» и поняла, что докопалась до Эльдорадо. Мамино лицо заполнило собой весь экран. Глаза у нее не такие блестящие, какими я их помнила. И морщин вокруг них больше. Я опустилась на пол, скрестив ноги, и уставилась в крошечный экранчик.

«Сегодня пятнадцатое мая. Учебный год заканчивается, и школьный хор, в котором состоит и наша Энди, дает концерт. – Мамина улыбка заполняет весь экран, и морщины становятся еще заметнее. – Очередной день школьных мероприятий!»

Больше она ничего не говорила: камера развернулась и приблизилась к моему лицу. Я широко раскрыла рот и взяла такую жуткую ноту, что, наверное, все птицы в округе рухнули на землю от ужаса. Я нажала на красный квадратик, чтобы поставить видео на паузу. До меня только сейчас дошло, что звук был включен слишком громко.

Я не слышала, чтобы в кабинет кто-то зашел, но стоило звуку смолкнуть, как раздались шаги, и на меня упала папина тень, отчего на лоджии стало совсем темно, хоть глаз выколи.

– Что ты делаешь? – спросил папа.

По его тону я не поняла, что он чувствует. Вроде не сердится, но как будто слегка напуган.

– Я хотела послушать мамин голос. Искала старые видео.

Папино лицо размыла темнота, и я не могла понять, как он отреагировал на мои слова. Но затем он слабо кивнул:

– Их довольно мало.

– Знаю, – ответила я и приподняла камеру. – Это совсем старое.

Я расслышала, как папа вздохнул. А потом повисла тишина – казалось, все вокруг замерло.

Наконец папа шагнул вперед; я гадала, что он собирается делать, пока он проходил мимо меня к письменному столу. Когда папа щелкнул мышью, я поднялась и приблизилась к нему.

– Она чуть ли не все сюда скинула. Ее самой почти нигде нет, но голос иногда можно услышать. Все в папке под названием «Видео». Найдешь сама?

Я прохрипела «да», и папа направился к двери. Я не хотела его отпускать. У меня возникло ощущение, что это один из тех моментов, которые сбивают его с верного пути. Папа не получает никакого послания и только сильнее увязает в своем горе. Я не могу этого допустить, тем более что он буквально сегодня нашел себе новую работу.

– Пап?

– Мм?

– Ты их смотрел?

– Да.

– Не помогло, я так понимаю?

– Это обоюдоострый меч, Энди. Тебе хочется ее услышать. Я понимаю, каково это. Но потом ты скучаешь по ней в десять раз сильнее.

– Думаешь, мне лучше не смотреть?

– Ох, конфетка, если тебе хочется, можешь смотреть на свою маму сколько душе угодно.

– Посмотришь со мной? Может, вместе нам будет не так тяжело.

Пожалуйста, мамочка, скажи, что я поступаю правильно! Если это ошибка и я все испорчу, придется забросить проект. Я не выдержу очередной неудачи.

Папа ничего не ответил, однако опустился на стул перед компьютером. И открыл ту самую папку. Я поставила локти на стол.

– Выбирай, – предложил папа.

Я закусила губу и присмотрелась к датам. Действовать надо стратегически. Совсем недавние я отмела – они слишком живые, слишком близкие, ну просто слишком. В голове всплыли дневники, мне стало любопытно, и я выбрала видеофайл, ближе всего подходивший по времени к событиям, описанным в первом прочитанном мной блокноте. Тогда я была еще совсем малышкой. Видео наверняка забавное, и мама вряд ли на нем блистает.

На записи мама просила меня повторить все слова, которые я выучила.

«Энди скоро восемнадцать месяцев, а в ее словарном запасе уже шестьдесят два слова!» Правда, мама посчитала не только настоящие слова, но и восклицания вроде «У-у!», и слова, которые я произносила не совсем правильно – например, «коша» вместо «кошка». Когда всего после шестнадцати слов я отказалась дальше щеголять интеллектом, мама очень расстроилась. Она предложила мне какое-то лакомство в качестве награды, но я помотала головой и сказала: «Нет». На фоне раздался папин голос: «Очевидно, это семнадцатое». Мама расхохоталась.

Но видео тех времен оказались довольно короткие, и было их не особенно много.

– Когда ты родилась, мы уже обленились и реже включали камеру. Прости, конфетка.

– Ничего.

Наконец нам попало одно хорошее. Мой первый день рождения – мне исполняется годик, – и камера в руках у Пейдж. Я бы догадалась, что видео снимала сестра, даже без ее нескончаемых комментариев, потому что изображение заметно дрожало.

Но в этом были и свои плюсы: поскольку нас снимала Пейдж, мама часто попадала под прицел объектива. Она улыбалась, хлопала в ладоши, нарезала торт, слизывала крем с пальцев, носила меня по комнате. Я то и дело оглядывалась на папу – не тяжело ли ему смотреть? Он не отрывал глаз от экрана, но плечи у него были опущены.

– Твоей маме ужасно не нравилось это платье, но тебе его отправила бабуля Уилсон, и она чувствовала себя обязанной сделать уйму фотографий с тобой в этом платье.

– В этом году бабуля Уилсон забыла про мой день рождения.

Папа кивнул.

– Она всегда забывала, и твоей маме приходилось по несколько раз ей напоминать, – сказал он и откинулся на спинку стула. – Твоя мама делала столько всего, что мне даже в голову не приходит.

Тут у меня мелькнула одна мысль.

– Ты же понимаешь, что не должен быть ею? Папа задумчиво на меня посмотрел.

– Будь собой, этого достаточно, – добавила я.

Я не удержалась, залезла к папе на колени и прижалась к его груди, заливая слезами его пижаму. Он обнял меня и поцеловал в макушку:

– Ты слишком быстро растешь, моя маленькая конфетка. Все старше и все умнее. Не знаю, что бы я без тебя делал.

– Спасибо, пап.

Я выпрямилась и всхлипнула, вытирая мокрые щеки.

– Мне было приятно услышать ее голос.

Папа посмотрел на поставленное на паузу видео. Мама корчила забавную рожицу, чтобы заставить меня съесть кусочек торта, сделанного в виде мордочки кота. Не знаю, станет ли папе легче после этого или, наоборот, хуже.

Я сказала ему, что устала, и прокралась обратно на второй этаж. Там я вытащила из-под кровати тот самый дневник, который уже прочитала, где мама писала про мой первый день рождения. Пора сделать что-нибудь и для Пейдж.

На лестнице еще не раздавались папины шаги, так что я поспешила в коридор. Медленно приоткрыла дверь в комнату Пейдж и увидела, что рот у нее раскрыт, а рука свешивается с края постели. Спит как убитая. Я тихонько проскользнула внутрь и оставила дневник на письменном столе. На самом видном месте.

Глава семнадцатая

Видимо, я правильно поступила, когда предложила папе посмотреть со мной видео из семейного архива, потому что на следующее утро нашла его сидящим на кухне за чашкой кофе.

– Уже проснулся? – спросила я.

– У меня сегодня назначена встреча, а потом хочу прибраться дома, прежде чем приступать к работе, – с улыбкой ответил папа. – В кабинете у нас очень пыльно.

– Это... замечательно.

Я вовсе не собиралась делать такую длинную паузу, просто все это звучало *слишком* хорошо, чтобы быть правдой. Я взяла печенье с джемом и облокотилась на тумбочку.

Папа потупил взгляд и потер колени ладонями:

– Ну, я уже опаздываю.

Он поднялся и отнес чашку в раковину. Пальцы у него слегка дрожали.

– Удачи тебе на встрече, – сказала я.

– Спасибо, конфетка. Правда, там не удача нужна.

Тут я поняла, на какую встречу отец собирается. Я не дуручка и слышала про общество анонимных алкоголиков. В школе нам рассказывали о зависимости, о том, что встречи бывают посвящены не только пьянству, но и другим проблемам – например, увлечению азартными играми... Просто никогда не думала, что папе такие встречи нужны. Но, конечно, я была не права.

Когда отец ушел, стало ясно, что сейчас самое подходящее время оставить ему новое послание. Я решила вывести свой эксперимент на новый уровень. Все происходило так быстро, и мне не хотелось упустить свой шанс. Лоджия лучше всего подходит для прямого намека. Мы как раз вчера смотрели там видео, и папа собирается прибраться в кабинете, так что наверняка заметит послание. Со второго этажа доносится шум воды – значит, Пейдж моется в душе, и я успею забежать на лоджию и написать кое-что на пыльном письменном столе. Всего одно слово.

Вжух.

Прошлой ночью было темно, и папа не поймет, когда именно появилось это слово. *Вжух.* Родители всю мою жизнь его произносили, и я понятия не имела, что оно значит. На мои вопросы папа с мамой отвечали, что это их

общая шутка. Мы с Пейдж постоянно умоляли их объяснить нам, в чем соль, но они так и не раскололись.

В одном из дневников мама поведала эту историю. Оказывается, это была вовсе не шутка, а зашифрованное послание: «Я люблю тебя». Мама с папой познакомились в колледже. Она училась на социолога, его специальностью был бизнес. На семинаре их поставили в пару вести дискуссию. Маме папа не понравился. Папе мама показалась взбалмошной. Им пришлось провести вместе две недели, готовясь к первой дискуссии.

В дневнике мама написала, что всю первую неделю подготовки папа ее раздражал. Вел себя скованно, и взгляды на вопрос том, должно ли правительство Соединенных Штатов «значительно расширить программу исследования космоса за пределами мезосферы Земли», у него были консервативные. Мама, как истинный мечтатель, ратовала за расширение. А папу, видимо, интересовали только деньги.

«Мы никак не могли сосредоточиться на теме, потому что она сама по себе являлась предметом конфликта. Я представить себе не могла, как нам сойтись во мнении за такой короткий промежуток времени, а ведь нам предстояло вдвоем отстаивать одну позицию! Ненависть застилала мне глаза плотным туманом. Он сошел на восьмой день. Я уговорила его позаниматься на природе, и день был чудесный – бабье лето в октябре. До начала холодной осени оставалось всего несколько теплых деньков. Он ворчал, что на улице мы будем чаще отвлекаться, но все же сдался по неизвестной мне причине.

Какое-то время мы работали молча. Признаюсь, я то и дело на него поглядывала. Почему я раньше не замечала, какие у него удивительные глаза? Редкий оттенок коричневого замечательно дополнял смуглую кожу. А этот подбородок! Не то чтобы квадратный, но все же крепкий.

Вдруг подул ветер. Вжух! Наши записи разлетелись во все стороны. Мы вскочили и принялись их ловить. Он кричал, а я смеялась, бегая за бумагами. По его словам, в сердце ему запала именно эта сцена: как я смеюсь и тянусь за листом бумаги. Мол, ветер взметнул не только наши записи. Вжух.

Я поймала почти все и обернулась. Некоторые листы было уже не спасти. Я с улыбкой пожала плечами.

Никогда не видела, чтобы он так широко улыбался.

– Знаешь, ты очень красивая.

В животе у меня все перевернулось. Вжух.

Так к нам и прилипло это словечко. Он повторял его, когда хотел

напомнить, как сильно он меня любит, не произнося этих слов. Только вжух».

Надеюсь, папа заметит слово прежде, чем сотрет пыль тряпкой.

Пейдж вышла из своей комнаты, словно во сне. Пока мы ехали в машине, она не произнесла ни слова. И только в одном квартале от школы спросила, не глядя на меня:

– Энди?

– Да?

– Ты сегодня утром заходила ко мне в комнату?

Врать мне не хотелось. Я попробовала схитрить, как это иногда делала мама:

– Почему ты спрашиваешь?

– Да так. Заходила?

– Пейдж, ну зачем мне твоя комната? Я прекрасно знаю, что ты меня прибьешь, если я хоть нос туда просуну.

Сестра засмеялась, но как-то отрешенно, словно находилась где-то далеко-далеко, а не со мной в машине. Но это ничего. Я понимала, где она сейчас.

Когда я вышла у школьных ворот, сестра наконец ко мне повернулась:

– Дойдешь сама домой? Я хочу побегать после школы.

– Правда?

– Да. Присоединяться к команде уже поздно, но вряд ли тренер запретит мне заниматься.

Я улыбнулась:

– Повеселись там.

Про свои школьные проблемы я уже успела позабыть, но, развернувшись, обнаружила, что неподалеку от машины группкой стоят мои «друзья». Неужели они меня ждали?

Я направилась напрямик к зданию школы, не обращая на них внимания. За мной послышался топот ног.

– Ты обязана нас выслушать, – крикнула Бекки. – Ты нечестно по отношению к нам поступаешь.

От ее голоса у меня сдавило горло.

– Нечестно?

– Я про то, что ты вчера сказала. Конечно, мы готовы с тобой поговорить о том, что случилось, но ты же понимаешь, что нам хочется жить обычной жизнью?

Я искренне рассмеялась. А как иначе? Нельзя не рассмеяться над таким

безумством. Я посмотрела Бекки прямо в лицо:

– Да, я прекрасно тебя понимаю. Только дело в том, Бекки, что моя жизнь обычной уже никогда не будет. По крайней мере, такой, как раньше. И знаешь, что? Твоя тоже. Сколько ни строй из себя всезнайку и вредную девчонку, твои родители вновь не сойдутся.

Да, я вела себя отвратительно, но мне было плевать. Бекки это заслужила.

– Господи, Энди, мои родители тут совершенно ни при чем!

– Очень даже при чем. Просто ты сама этого еще не поняла. Ты тоже изменилась, с тобой уже не так весело.

– Ну здравствуйте, о тебе можно сказать то же самое!

– Да, не сомневаюсь. Поразительно, как нас способны изменить смерть или развод. Знаю, я теперь немного другая. Но мне нравится думать, что в общем и целом я осталась собой. А кто ты такая, я больше не понимаю.

Лиа опустила взгляд в землю. Ей никогда не нравились ссоры. Она – тот тип подруги, которая стремится уладить все конфликты. Вот только этот так просто не уладишь, и Лиа это понимает. А может, ей и не особенно хочется вступать в наши отношения.

Джизела покраснела, как черешня.

– Может, хватит? – крикнула она и потопала прочь.

Лиа поспешила за ней.

Меня это ни капли не удивило. Я перевела взгляд на Бекки – посмотреть, как она это восприняла.

– Теперь довольна? – усмехнулась я.

– Нет, но и ты тоже не рада, – буркнула Бекки.

– Это что, соревнование? – Я хмыкнула. – Кто представит себя в наиболее жалком свете? – Прямо как на групповых занятиях с миссис Картер. – Если да, забирай на здоровье свое первое место. А я заново найду свое счастье.

Бекки закатила глаза:

– Звучит, как фраза на открытке.

«Или слова психолога», – добавила я про себя.

– Ну и ладно, наверное, тебе лучше проводить время со своим *новым* другом, а не с нами. Может, он сделает тебя счастливой, – съязвила Бекки.

Врать не буду – ее слова меня задели. Мальчишки меня еще не бросали, для этого я слишком маленькая, но то, что происходило сейчас, было до боли похоже на разрыв. Губы у меня дрогнули, а руки затряслись, и пришлось сжать их в кулаки.

– Как скажешь, – ответила я.

– Удачи тебе с твоим задротским парнем, – крикнула Бекки.

Меня тут же перестало трясти. Я развернулась на каблуках и пошла в школу.

* * *

На уроках я вела себя тише воды ниже травы. Оставалось посетить только занятие по групповой терапии. Я уже готова была прогулять, но потом подумала, что как раз сегодня мне действительно не помешала бы психологическая помощь.

Я хотела спрятаться за Амандой – той девочкой, которая не умеет держать себя в руках, – но она уставилась на меня и чуть ли не зарычала, так что я поднялась и стала искать другое место. Два передних ряда стульев расположились полукругом, а задние сиденья были все заняты, поэтому, как ни крути, мне пришлось бы оказаться у всех на виду. Оставалось два свободных стула. Рядом с Брайаном я ни за что бы не села, а значит, мне предстоит протиснуться на сиденье между девочкой, которая, судя по всему, уже два дня ничего не ела, и Диланом. Он похлопал по столу, прекрасно понимая, что я выберу.

Миссис Картер влетела в класс за секунду до звонка:

– Приятно видеть, как много сегодня пришло ребят! Скоро конец года, и я переживаю, что летом вам придется тяжело. Хорошо, что сейчас вы посещаете наши занятия.

Ее щебетание было притворным. Она долго шуршала бумагами, и только слепой бы не заметил, что миссис Картер нервничает. Что ее беспокоило?

Вскоре она прокашлялась и вздохнула:

– Итак, прошлая неделя выдалась нелегкой. Думаю, нам стоит об этом поговорить.

Брайан сидел прямо, словно ему в спину железный шест воткнули, и глядел в одну точку перед собой.

– Энди должна извиниться, – заявила миссис Картер.

– За что? – спросил Дилан. Я взглянула на него краем глаза. Парень скрестил руки на груди и ухмыльнулся. – Она не сказала ничего, кроме правды.

Брайан выпрямился еще сильнее:

– Она сказала, что мои проблемы ничего не значат.

– Ничего подобного, – спокойно заявила Аманда. Я так удивилась, что она меня защищает, что уставилась на нее с раскрытым ртом. – Энди сказала, что не у одного тебя есть проблемы. Разница тут большая.

Миссис Картер снова зашуршала бумагами и постучала пальцем по карандашу:

– Хорошо, Энди, тебе есть что добавить?

Меня так и подмывало ответить «Нет». Не высовываться, сделать вид, что ничего и не было. Но Аманда с Диланом выжидающе на меня смотрели. Я решила, что буду говорить – ради всех, кто находился в этой комнате.

– У меня выдалась тяжелая неделя. Очень тяжелая. Было много неприятных моментов. Но не все. Честно говоря, в последнее время у меня появилась надежда, которую я давно утратила. Так что да, я сорвалась и понимаю, что обидела тебя, Брайан. Извини, что накричала. Но Аманда права: у всех нас есть из-за чего расстраиваться. Но если мы не будем ничего с этим делать, а только сидеть тут и жаловаться, лучше нам и не станет.

– Прекрасно, теперь она у нас маленькая Мисс Счастье, – проворчала Аманда.

Дилан рассмеялся, но взгляд у него похолодел.

– И что же ты предлагаешь, о мудрейшая? – съехидничал он.

– Я... Точно не знаю. Это от многого зависит. Например, я пытаюсь напомнить своей семье, чего хотела бы моя мама... Какими мы были раньше. Какими мы должны быть. Может, это и глупо, но мне от этого легче, и мы с папой посмотрели старые видео, он нашел новую работу, так что случается у нас и хорошее. Но нельзя сказать, что вам это поможет, потому что проблемы у всех разные.

– Например, психоз, – рявкнула Аманда.

Уголок рта Дилана медленно пополз вверх, и он кивнул.

– Дилан... – Миссис Картер решила, что пора забрать слово у тринадцатилетней девочки. – Что скажешь, какая у тебя главная проблема?

– Торчать тут каждую неделю с этими фриками, ясно же.

Вот он, Дилан, которого я знаю и терпеть не могу. На минуту я сдалась и разговорилась о личном – и теперь рада, что внимание переключилось на него. Брайан все так же дулся. Мы с ним совсем разные – видимо, не суждено нам стать друзьями. Зато групповое занятие не всегда выдается плохим. Сегодняшнее было очень даже ничего.

Глава восемнадцатая

Раз мы с Бекки больше не разговариваем, на школьную вечеринку я решила не идти ни в коем случае, что на самом-то деле обидно: там должно быть очень весело. А меня ждет очередной вечер пятницы дома, в одиночестве. Теперь я знаю, где хранятся видеозаписи, под кроватью лежат мамины дневники, так что жаловаться мне особенно не на что. В конце концов, последние два дня я ложилась под утро, читая и перечитывая один и тот же блокнот. На меня так давила усталость, что на уроках приходилось буквально сражаться со сном, а дома я отказалась от каких либо посланий. Наверное, это не вяжется с моей *«делайте хоть что-нибудь»* речью, которую я вчера произнесла на групповом занятии, но переменам нужно время, разве не так?

Однако несколько происшествий изменили мои планы. Мне уже начинает казаться, что я живу в снежном шаре. Только все вокруг уляжется, как мой мир снова встряхивают и на меня начинает падать тяжелый снег.

В четверг я вернулась домой позже обычного, потому что мы с Исайей зашли в библиотеку после уроков, чтобы поработать над проектом по естествознанию. О моей семье и об эксперименте не заходило и речи. Научную работу уже скоро надо сдавать, и, хотите – верьте, хотите – нет, мы были сосредоточены на том, чтобы ее доделать.

Подходя к дому, я заметила, что дверь гаража открыта, и мне пришлось быстро отпрыгнуть в траву, потому что по дорожке багажником вперед на полной скорости пронеслась машина с Пейдж за рулем; сестра резко развернулась и покатила по асфальту, даже не подумав мне помахать.

– Пап? – позвала я, заходя в дом.

Он ответил еле слышно:

– Я здесь. – Папа сидел на диване, на мамином любимом месте. Глаза у него были красные, но он мне улыбнулся. – Привет, конфетка. Как прошел день?

– Хорошо. У тебя все в порядке?

Папа глубоко вздохнул, и на лице у него отразилось по меньшей мере три эмоции, но разобрать, о чем он думает, было невозможно.

Папа похлопал по дивану, и я села рядом:

– Пейдж рассержена.

– Почему? – И папа вскинул бровь.

Я хмыкнула:

– Я имею в виду, что ее именно сегодня разозлило?

– Ну, во-первых, я. Она еще не готова поговорить со мной по душам, и я ее понимаю. Поверь мне, прекрасно понимаю. Я вел себя отвратительно, и твоя сестра мне не доверяет...

Папа впервые признал свою вину. Я не знала, что ему ответить.

– Я не жду от вас, что вы начнете мне доверять. Я и сам себе не доверяю. Но мне тяжело сладить с девочками-подростками. Хотел бы я, чтобы мне это лучше удавалось.

– Знаешь, мама тоже не особенно ладила с Пейдж...

Папа сощурился и поджал губы.

– Я имею в виду, что дело тут не в мамином влиянии, а скорее в нашем возрасте.

Папа медленно вдохнул и резко выдохнул.

– Тебе иногда не кажется, что мама пытается с тобой поговорить? – тихо спросил он.

Я приподняла бровь.

– Долгое время я не хотел сюда возвращаться, потому что не ощущал ее присутствия, понимаешь?

Я понимала. И с готовностью кивнула.

– Но в последнее время все иначе. Не проще, а иначе.

– Мне нравится ее запах. Даже когда я понимаю, что мамы нет рядом, у меня такое чувство, будто она меня обнимает. Надеюсь, я никогда не забуду, каково это.

– Я тоже, конфетка. Я тоже.

Около минуты папа отрешенно смотрел сквозь меня, а затем взглянул мне в глаза и спросил:

– Как Пейдж справляется со своим горем? Ты не знаешь? У тебя есть какие-то психологические занятия в школе, а про нее я ничего не слышал.

– Мне кажется, она ничего и не делает.

– Этого я и боялся.

– Но Пейдж сказала, что сегодня пойдет бегать. Я думала, это хороший знак.

Папа кивнул, взяв меня за руку:

– Я все думал, говорить тебе об этом или нет, но... Мм... Твоя мать вела дневники. Пейдж они не заинтересовали, но, может, ты захочешь их почитать...

Я разинула рот, и сердце у меня екнуло. Вот из-за чего они поругались!

Я пробормотала что-то вроде «спасибо» и «наверное, чуть позже». «По крайней мере не раньше, чем я верну их на место», – добавила я про себя. Надеюсь, папа не подумал, что со мной творится что-то странное, когда я попятилась к лестнице, сославшись на то, что страшно устала.

Надо как можно скорее положить блокноты обратно в коробку. Зря я забрала все сразу. Надо было таскать потихоньку, по одному за раз.

Странно, что Пейдж отказалась их читать. Не понимаю. Почему нет? Она хотя бы просмотрела дневник, который я ей оставила? Прочитала хоть одну запись?

Перед сном я поставила будильник на три часа ночи и еще до рассвета проскользнула в подвал, чтобы вернуть на место дневники. Сердце у меня билось как сумасшедшее, а руки дрожали. К счастью, никто меня не застукал.

Когда я проснулась во второй раз и постучала к папе и Пейдж, чтобы их разбудить, стало ясно, что переживать было не о чем. Я опять всю ночь оставалась дома одна.

Глава девятнадцатая

Папа буквально *накануне* признался, что сам себе не доверяет. Этого следовало ожидать. Не знаю, зачем я вообще на него понадеялась. Теперь сержусь сильнее обычного. Но в этот раз – не только на папу. Честно говоря, на него даже меньше, чем на Пейдж. По крайней мере, он не в первый раз сорвался. В отличие от Пейдж. Крепкой, как скала. Она всю ночь провела вне дома и не вернулась даже к завтраку. В школу мне пришлось идти пешком.

Я задумалась, стоит ли кому-нибудь об этом рассказать. Я очень переживала за них обоих, но не хотела провоцировать лишние вопросы и нарываться на проблемы. По дороге я составила в уме список всего, что могло произойти с Пейдж. Ничего хорошего мне в голову не приходило.

К счастью, когда я подходила к школе, мне пришла от нее эсэмэска: «Извини, Энди. Осталась у подруги и все проспала».

Извинения я не приняла, но успокоилась, что никаких глупостей Пейдж не наделала. Ответила ей коротким «Ладно». Достаточно кратко и размыто, чтобы продемонстрировать свою обиду.

Вдруг кто-то хлопнул меня по спине:

– Я тут подумала... – Резкий голос застал меня врасплох, а от удара я закашлялась. – Почему бы не сходить сегодня на вечеринку? И возьми с собой своего друга-гика.

Надо мной возвышалась Аманда. Руки у нее были скрещены на груди, выглядела она уверенно, но в ее тоне проскальзывало сомнение.

– Зачем?

– Разве на вечеринках не весело?

«Весело, – мысленно ответила я. – Мне на них нравится. Вот только не одной, а с друзьями».

Я пожала плечами.

– Ну, в этом году она последняя, а я ни на одной не была, – ухмыльнулась Аманда. – Подозреваю, что и Исая тоже.

– Как ты...

– Я не слепая. И заметила, что теперь ты редко проводишь время со своими подружками и подолгу сидишь с ним в библиотеке. Это не мое дело, но, как по мне, выбор правильный. Эта твоя блондинка из группы поддержки больно много о себе воображает. К тому же я слышала, что она

о тебе говорила, и...

– Что она говорила?

Конечно, мы с Бекки поругались, но мне все равно было больно при мысли о том, что она на меня наговаривает.

– Что ты чокнутая.

– Что?

– Она смеется над тем, что ты ходишь на терапию.

– А ты откуда это знаешь? Вы с Бекки почти не общаетесь.

– Сказала же, я не слепая.

Я и правда заметила, что в последнее время Бекки была особенно вредной, она часто говорит, не подумав, но это слишком даже для нее. Не могу понять, не доверяю я Аманде или *не хочу* ей верить, но относиться к ней по-дружески я еще не готова.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Мне бы хотелось такое знать.

«Аманда не виновата в словах Бекки», – напомнила я себе. И она права. В этом случае и правда неприятно оставаться в неведении. Но в то же время мне не хотелось бы о таком знать.

– Но ты тоже меня недолюбливаешь.

– Я ко всем плохо отношусь, Энди. Ты не исключение.

Это верно. Аманда всегда говорит, что думает. Жаль, нельзя сказать такого же о Бекки.

– Так что, согласна? – хмыкнула Аманда. – На вечеринку?

– Не знаю, – ответила я и пнула камешек. – Я не уверена.

Аманда протянула мне клочок бумаги с телефонным номером:

– Сообщи, когда решишь.

Именно тогда я впервые увидела перед собой не злобную девчонку, которая только и делает, что всех мутузит и обзывает. На самом деле Аманда ударила-то всего одного парня, но слухи разрослись. А парень это заслужил, между прочим: все знали, что он ставил шестиклассникам подножки и запирал их в шкафчиках. Просто его еще на этом не поймали. Однажды Аманда проходила мимо по коридору и толкнула его в шкафчик, даже не повернувшись к нему. С тех пор она начала просто хлопать дверцами, и уже это пугало всех до смерти. Но сейчас я видела перед собой девочку, которую постоянно дразнили из-за высокого роста. Мне вспомнился Исайя – над ним насмехались из-за всякой ерунды, из-за того, что он увлекается наукой.

– Хорошо, – улыбнулась я.

Позже, на обеде, я задумалась над предложением Аманды, и оно

показалось мне неплохим. Я дожевала свой сэндвич и отправилась в библиотеку обсуждать с Исайей план действий. Мы снова вернулись к моему проекту.

– Я хочу попробовать что-нибудь новенькое, – заявила я. Исайя вскинул на меня непонимающий взгляд. – Нужно что-нибудь более прямолинейное. Как насчет записи?

– Что?

– Можно нарезать фразы из видео и составить из них послание?

– Энди, ты шутишь?

Я помотала головой.

Глаза у парня расширились, наверное, вдвое, и он почесал затылок:

– Не знаю. И как ты это провернешь?

– Я пока не уверена. На мамином компьютере сохранились старые записи. Я часто видела по телевизору, как привидения передают сообщения. В Интернете сотни видео с посланиями призраков.

– Ну, можем изучить вопрос, – протянул Исайя.

Я выпрямилась. Меня так переполнял энтузиазм, что казалось, будто моя кожа излучает электричество.

– И как ты все осуществишь? – после некоторой паузы спросил Исайя.

Это я уже придумала.

– Спрячу в комнате беспроводные колонки, – засмеялась я. – Это не сложно.

– А если тебя раскроют? Этого у нас в плане не было.

– Знаю.

– Может, вернешься к запахам? – предложил Исайя.

Я уже проговорила про запахи, когда беседовала вчера с папой. Их придется вычеркнуть из списка мероприятий.

Я покачала головой:

– Нет. Нужно что-то новое.

Исайя застучал по клавиатуре, разыскивая в Интернете статьи по нарезке видео.

Пока он печатал, я обрушила на него свою следующую идею:

– Пойдем сегодня на вечеринку?

Пальцы Исайи замерли, но он промолчал.

А меньше чем через минуту продолжил печатать.

– Вечеринки – это не мое.

– Попробуй, может, передумаешь.

Исайя засмеялся:

– Хочешь сказать, я должен туда заявиться и отлично повеселиться в

гордом одиночестве?

У меня опустились плечи.

– Я не это имела в виду. Просто думаю, что нам там будет весело.

Исайя отвернулся от экрана и посмотрел прямо на меня. Казалось, его взгляд вот-вот прожжет во мне дыру.

– Энди, мне нравится с тобой общаться, но я хотел бы знать, что будет, когда ты помиришься со своими подругами?

Я сжала края стула:

– Сомневаюсь, что мы помиримся.

Исайя вздохнул:

– А если все-таки помиритесь?

«Скажи ему то, что он хочет услышать, Энди. Не оставляй вопрос без ответа». Но я не смогла. Я страшно рассержена на Бекки, но мы давно дружим, и я не могу обещать, что мои подруги не станут снова для меня чрезвычайно важны.

– Не глупи, – ответила я. – Пойдем со мной на вечеринку.

Исайя покачал головой и опять уставился в экран.

– Посмотрим, – буркнул он.

Его «посмотрим» в ответ на мое предложение и мое «не уверена» в ответ на предложение Аманды к концу уроков превратились в два «хорошо». Я согласилась, когда на перемене увидела Джону Джорджан в обнимку с моими подругами. Мне словно уже нашли замену. Не то чтобы Джона мне не нравилась. Просто она – это не я. Джизела меня заметила и даже мне помахала. Если это можно так назвать. Она медленно и неуверенно подняла руку, глядя в мою сторону. Я заметила, что довольной Джизела не выглядит, но и не похоже было на то, что она хочет со мной заговорить.

Поначалу это можно сравнить с укусом пчелы. Больно, но стерпеть можно, наверное. А потом, пожалуй, обида превращается в десяток комариных укусов. Как будто все эти мерзкие насекомые ужалили тебя одновременно и ты вынужден страдать от постоянного зуда и раздражения. И чем больше ты чешешь место укуса, тем сильнее оно болит. Именно за этим я провела все утро – расчесывала свою рану. Весь урок естествознания твердила себе, что это неважно. «Найдешь новых друзей. Не переживай. Не обращай на них внимания», – повторяла я снова и снова. Разумеется, это вранье – якобы комариный укус не так зудит, если его не расчесывать.

Как девчонки посмели? Нет, серьезно, почему Джизела и Лиа на стороне Бекки? Что она для них сделала? И где сочувствие ко мне, черт

побери? Да, я готова сыграть на сочувствии. Что это за подруги такие, которые готовы меня оставить после того, как я потеряла маму? Я думала, мы будем вместе навсегда.

Потом я решила, что не буду из-за них отказываться от веселья. Я стремлюсь к счастливой жизни. Если кто и заслужил отдых, так это я. У нас будет фургон веселья с тремя пассажирами: мной, Исайей и – не знаю, по какой безумной причине – Амандой. Надеюсь, нам будет достаточно весело вместе, чтобы она не стала нас дубасить. Я же даже ударить никого не способна.

К концу уроков я решила ни о чем Исайю не спрашивать и, когда мы с ним столкнулись в коридоре, потребовала, чтобы он пошел со мной на вечеринку и был готов отлично провести там время.

– Мм... Ладно.

– Знаешь, давай веселиться на полную катушку. Сначала поедим пиццу. И Аманда пойдет с нами. Ты же ее знаешь?

– Ага.

Может, мне показалось, но Исайя как будто слегка вздрогнул, когда я произнесла ее имя. Типичная реакция.

Я вскинула руки к потолку:

– Ур-ра! Вечеринка!

– Энди, ты меня пугаешь.

Я показала парню язык, и он рассмеялся.

После этого я подбежала к шкафчику Аманды:

– Мы с Исайей встречаемся в «Пицца Ранч» в половине шестого. Ты с нами?

В глазах девчонки что-то блеснуло, но она невозмутимо пожала плечами:

– Не знаю. Посмотрим по настроению.

– Отлично! Тогда до вечера.

Глава двадцатая

Какое-то время я сидела в «Пицца Ранч» в полном одиночестве, чувствуя себя круглой идиоткой. Потягивала колу и старалась казаться невозмутимой. Мне не одной в голову пришла великолепная идея поесть пиццу перед вечеринкой, и в кафе собралось много ребят. Некоторые с родителями, некоторые со школьными друзьями. Пиццерия кишела посетителями, и мне даже не досталось места в уголке. Нет, я сидела у всех на виду в центре зала. Одна.

Наконец в пять сорок три за окном показалась пышная шевелюра Исайи. Я бы где угодно узнала его по волосам. Само собой, не я одна. Группа девчонок за соседним столом захихикала, показывая на Исайю пальцами. Видимо, никто не ожидал увидеть его здесь. Наверное, мне следовало выбрать такое заведение, как «Мама Мария». Туда никто не ходит. «Нет, – мысленно сказала я себе, – тебе нечего стыдиться». И все-таки мое тело меня предало, когда Исайя вошел в пиццерию. У меня загорелись щеки.

– Извини, мама слегка задержалась.

За соседним столом захихикали еще усерднее. Я приказала своим щекам не краснеть. «Не выставляй себя отстойным другом перед Исайей», – твердила я себе.

Разумеется, в ту же минуту появилась Аманда. Вопреки моим добрым намерениям лицо у меня запыхало так ярко, что я испугалась, не сгорит ли оно дотла. Аманда села за наш столик, повернулась к соседнему и грозно посмотрела на смеющихся девчонок.

Больше никто не хихикал. Мои щеки тут же прекратили краснеть. Пожалуй, общаться с суровыми ребятами – это не так уж и плохо. Я перевела взгляд на Исайю – готова поклясться, он стал казаться меньше, вжимаясь в свой стул.

– Э... Привет, Аманда. Знаешь Исайю?

– Кто его не знает? – И Аманда с ухмылкой взлохматила парню волосы. – Ты почему больше не ходишь на терапию?

Я затаила дыхание, а Исайя уперся взглядом в стол. Точно! Он ведь тоже ходил к миссис Картер.

Когда я снова на него посмотрела, мне показалось, что он сжался еще сильнее.

– Так, – вмешалась я, меняя тему. – С чем вы хотите пиццу?

Хоть наши посиделки начались не лучшим образом, мы быстро освоились в новой компании. Аманда оказалась довольно забавной. Кто бы мог подумать? У нее замечательно выходило изображать других людей. С миссис Картер она попала в точку.

«Аманда, расскажи нам о своих ощущениях в тот момент, когда ты ударила по шкафчику Джоуи Бартлетта».

«Что ж, это было восхитительно, спасибо, что спросили».

Я так заливисто рассмеялась, что у меня из носа полилась кока-кола.

Даже Исая расслабился. Он все так же вздрагивал, когда Аманда хлопала его по спине, но напуганным больше не выглядел.

К тому времени, как мы вернулись в школу, я напрочь позабыла о том, что мне могло быть за них стыдно. Я веселилась от души, и мне было наплевать на то, что за общение с этими ребятами, с которыми я отлично провожу время, меня сочтут странной.

Настроение мне испортила Бекки.

Я сразу поняла, кто хмыкнул у нас за спиной, даже не оглядываясь. «Соберись, – сказала я себе. – Тебе весело. Кому какая разница, что об этом думает Бекки»? Я перевела дыхание, обернулась и приветливо помахала подруге.

Бекки закатила глаза, а вот Лиа помахала мне в ответ. Правда, Бекки тут же схватила ее руку и потянула вниз.

– Хочешь к ним подойти? – тихо спросил Исая.

Я помотала головой.

– А что у вас случилось-то? – поинтересовалась Аманда.

Мне все больше нравилась ее прямолинейность. Я устала от того, что все вокруг избегают разговоров на важные темы.

– Хотела бы я знать. Все произошло так быстро. – Так ли это? Мне вспомнился минувший год. – Плохо стало после маминой смерти. Девчонки не находили для меня нужных слов. Потом у нас в семье еще сильнее все запуталось, и отношения с подругами окончательно испортились.

– Хм... – только и сказала Аманда.

– Что?

За ее хмыканьем явно что-то скрывалось.

– Мне вспомнилось, как ты набросилась на Брайана. Тогда я задумалась над тем, как мы воспринимаем окружающих. Знаешь, я почти уверена, что сам Брайан не понимает, как часто он ноет.

– Господи, так оно и есть, – вмешался в разговор Исая. – Прошлой

весной я сидел с ним на обеде. Терпеть его было невозможно.

– При чем здесь я и мои подруги? – удивилась я.

– Я не уверена... – протянула Аманда. – Может, вы с ними по-разному смотрите на многие вещи.

В тот момент мне вовсе не хотелось это обсуждать. Я была настроена на веселье. Так что я пожала плечами и объявила, что серьезные темы на сегодня исчерпаны.

* * *

Школьное здание в этот вечер поделили на отдельные сектора. Я знала, что мои подруги обычно проводят здесь время, и подготовила совершенно иной маршрут. Мы определенно не заскучаем. Библиотеку превратили в зону видеоигр, а в одном из классов поставили шахматные доски. Исая уже сообщил, что непременно сыграет в шахматы. Мы с Амандой не разделяли его энтузиазма, но, само собой, согласились пойти с ним. Честно говоря, раньше я не заходила в игровые зоны. В спортзале проводились командные игры, но у нас троих не было желания закидывать мяч в корзину, и мы решили обойти зал стороной. Помимо других развлечений была еще столовая – там играла музыка и подавались закуски. Никто и не думал танцевать, но многие ребята собирались группками, делая вид, будто вот-вот пустятся в пляс.

Мои подруги проведут большую часть времени в столовой и наверняка зайдут в спортзал, потому что там много парней. А Джизеле нравится играть в волейбол.

Аманда настояла на том, чтобы сначала заглянуть в зону видеоигр, и я была не против. Никогда особенно от них не фанатела, но, по крайней мере, подруг там точно не встречу. Я играть не собиралась, а вот Аманда была настроена серьезно. Она долго рассказывала об участии в играх, про которые я в жизни не слышала.

В библиотеке было полно народу. Даже больше, чем обычно собирается в спортзале, но с этими ребятами я обычно не общалась. Все тут же расступились перед Амандой. Исая легонько толкнул меня локтем в бок, словно спрашивая: «Разве не круто»? Я не могла с ним не согласиться. Мы с подругами занимали довольно высокое положение в иерархии средней школы, но меня все равно поражала власть Аманды над окружающими. Я понимала, что ее не уважают, а боятся, а это само по себе не очень-то хорошо. И все-таки мне нравилось прятаться за спиной Аманды и смотреть на озадаченные лица других ребят.

На лице Исая было написано искреннее восхищение. Он так привык,

что над ним издеваются. Представить себе не могу, насколько он счастлив теперь, когда никто не смеет и слова ему сказать. Аманда вытянула перед собой руку, и ей тут же вручили геймпад. Играла она потрясающе. При этом никто, скорее всего, ей не поддавался: Аманда пригрозила, что ударит любого, кто будет играть вполсилы.

Наверное, не лучший подход, ну да ладно. Мы с Исайей молча наблюдали за ее игрой.

Хлопали, когда она побеждала. Больше никто не смел болеть за Аманду или против нее.

Так прошло не меньше часа, но мы не следили за временем – нам неожиданно стало весело. Аманда словно оживала с геймпадом в руках; и неважно, в какую именно игру она играла. Похоже, и другие ребята это заметили.

Когда я сосредоточена, у меня очень суровое выражение лица. Меня даже спрашивают, в чем дело. С Амандой все иначе. Чем сложнее игра, тем она счастливее. Смеется над препятствиями и чуть ли не пляшет от радости, когда ей попадается достойный противник.

– Кто бы мог подумать, что она способна так широко улыбаться? – усмехнулся Исайя.

Я покачала головой:

– Да уж, а ей это очень идет.

Исайя кивнул.

Вдруг кто-то похлопал меня по плечу, и я нутром почувствовала неладное, поэтому даже не обернулась. Но хлопки не прекратились, и вскоре раздался голос Бекки:

– Энди?

Я медленно развернулась. Бекки пришла одна. Или с девчонками, но их не видно в толпе.

Бекки убрала челку с лица:

– Можно с тобой поговорить?

Глава двадцать первая

Я надеялась, что ни разу за вечер не увижусь с подругами, и Бекки застала меня врасплох. Сердце колотилось как бешеное, и я смогла выдать только:

– Наверное.

– В коридоре?

Мне не хотелось уходить. Я не сомневалась, что этот разговор испортит мне настроение. Исая шагнул ко мне, и я повернулась, чтобы спросить:

– Ты не против?

Парень пожал плечами. Черт, сказал бы он «Нет, против», и у меня появилась бы отмазка, чтобы не разговаривать с Бекки, но, разумеется, решение все равно принимать мне, и будет правильно выслушать подругу. Иначе я поступлю несправедливо – в конце концов, мы много лет с ней тесно общаемся.

Пока мы пробивались к выходу, Бекки то и дело морщилась, стараясь ни к кому не прикасаться. Стоило кому-то ее задеть, как она чуть ли не подпрыгивала.

В коридоре Бекки облегченно вздохнула:

– Ух, ну и зоопарк.

– В зоопарках тоже бывает весело, – отозвалась я.

– Ну, и что с тобой не так?

Бекки скрестила руки на груди, и я отшатнулась:

– Со мной?

– Сначала ты странно себя вела, теперь общаешься с *ними*? Что ты пытаешься доказать?

– Ничего. Стараюсь весело проводить время. Я не понимала, к чему Бекки ведет.

– Пойдем разберемся, что происходит.

– Зачем?

– Что зачем?

– Мне и тут весело. Зачем мне с тобой идти?

– Как хочешь. Можешь не идти. Мне плевать, но вот твои *настоящие* друзья попросили меня за тобой сходить.

О! В мире Бекки все не так радужно. Мои подруги по мне скучают – по крайней мере, две из трех.

– Где они? – поинтересовалась я и вытянула шею, стараясь разглядеть Лию или Джи-зелу.

– Неподалеку. Слушай, мы должны помириться и вернуть все, как было прежде.

Бекки стреляла глазами налево и направо. Может, боялась, что ее увидят в зоне для за-дротов и геймеров, или нервничала из-за меня. Отчасти я надеялась, что дело во мне. Пусть Бекки попотеет. Мне хотелось, чтобы она боялась допустить ошибку в разговоре, чтобы для нее это было важно.

В чем была причина, я так и не узнала: именно в тот момент к нам подошел Дилан и похлопал меня по спине:

– Разборки в раю?

– Уйди, – приказала Бекки.

Дилан не послушался. Он рассмеялся:

– Энди ничего против меня не имеет, правда, Энди?

– Это личный разговор, – заметила Бекки, скрестив руки на груди.

– Да, не сомневаюсь, что еще и очень важный. *Ах, какой бы цвет лака для ногтей мне выбрать?*

– Энди, не упрячься, потом об этом поговорим. Найдем Джизелу с Лио, уйдем подальше отсюда.

Видимо, Бекки умеет управлять своими эмоциями, зато моя злоба остается в режиме «включено».

– Мм... вообще-то я пришла сюда с Исайей и Амандой.

Бекки приподняла бровь и криво ухмыльнулась:

– Серьезно?

Я кивнула.

– Так ты не идешь?

Я боялась расплакаться, если хоть что-нибудь скажу, поэтому молча помотала головой.

Бекки развернулась, вскинув руки к потолку, и пробормотала себе под нос, уходя:

– Поверить не могу. Удачи тебе с твоими друзьями-фриками.

Дилан мягко сжал мое плечо и ушел, напоследок хлопнув меня по спине. Я услышала чей-то крик и покачала головой. Сама от себя не ожидала, что постепенно пересмотрю свое отношение к Дилану.

Я глубоко вдохнула. Наш разговор прошел хуже некуда.

Тем временем в библиотеке воцарился хаос. Видимо, участники игрового турнира решили сделать перерыв.

Все разом повалили в коридор, и мне пришлось протискиваться назад,

порой даже толкая проходящих мимо. Никогда не любила толпу. Точнее, с шести лет. Мы пошли на парад вроде бы, и мама держала меня за руку, но я оказалась зажата между несколькими зрителями. Лицом я вжималась в огромное, как у Санта-Клауса, пузо какого-то дядьки, позади меня кто-то проталкивался вперед. Мне было нечем дышать, и хоть я и закричала, звук получился сдавленным, и никто меня не услышал. Я замахала руками в надежде, что меня спасут. Мне казалось, будто прошло не меньше часа, хотя на самом деле секунд, наверное, через тридцать мама снова схватила меня за руку и потянула на себя, вытягивая из тисков. Она молча взяла меня на руки и вынесла из толпы. Я рыдала у нее на плече, и мне было ужасно неудобно, потому что шестилетнего ребенка тяжело носить на руках и мама то и дело переносила вес с одной ноги на другую. Я билась носом о ее ключицы, а мамины пальцы впивались мне в спину, чтобы я не упала.

Мама опустила меня на землю только в двух кварталах от места, где проходил парад. Она тут же рухнула на траву, тяжело дыша и прикрывая рот ладонями. Я к тому времени уже перестала плакать и села около нее.

Мама взглянула на меня и вздохнула:

– Я скучаю по коляскам.

Я кивнула:

– И я.

– Держись как можно ближе ко мне, когда мы в толпе, Энди. На мгновение я потеряла тебя из виду и чуть ли не до смерти испугалась.

– Меня зажали. Я старалась за тобой поспеть.

Мама глубоко вздохнула и погладила меня по щеке.

Я уже достаточно большая, чтобы не застрять в сэндвиче из толстых животов, но сердце у меня все равно тревожно бьется. А по шее стекает пот. Аманду я нашла быстро, и не только благодаря ее высокому росту. Вокруг нее собрался целый кружок почитателей. Многим ребятам хотелось с ней поговорить. Не знаю, нравилось Аманде их внимание или нет. Она улыбалась, отвечала на вопросы, но при этом нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Я решила, что вдвоем нам будет проще найти Исайю, и попыталась пробиться к Аманде, протискиваясь сквозь толпу и заодно выглядывая пышную шевелюру Исайи. Вскоре я его заметила, и сердце у меня оборвалось.

В то время как Аманду окружили почитатели, Исайя, оторвавшись от нее, оказался за стеной ребят, практически скрытый из виду, и они явно не желали ему ничего хорошего. Исайю толкали из стороны в сторону, и он походил на мячик для пинбола, бьющийся о стенки автомата.

Мне не следовало оставлять его одного. Я попыталась позвать Аманду на помощь. Но сколько бы я ни прыгала и ни размахивала руками, она меня не замечала. И мне не в чем ее обвинить – на месте Аманды я бы тоже не выглядывала нас в толпе. Но надо же помочь Исайе. Правда, обидчиков у него пятеро, а я одна, так что мне заранее страшно, хоть я еще даже к не подошла к группе ребят. Как мне заставить их прекратить издеваться над своим другом?

Я бы с легкостью это сделала, будь со мной мои подруги. Бекки, Джизела и Лиа одним своим присутствием могут заставить других заткнуться. Но их рядом нет, да и сомневаюсь, что Бекки стала бы защищать Исайю. Она скорее присоединилась бы к тем, кто его обижал. «Это несправедливо», – подумалось мне. Бекки частенько подшучивала над Исайей, но мы же не задиры. Ведь так?

– Эй! – крикнула я, но никто меня не слушал. – Хватит! – заорала я громче, но от меня отмахнулись.

Я не привыкла чувствовать себя маленькой и беспомощной. Однако без подруг мне недостает храбрости. Может, пробиться к Исайе?

Станут ли ребята толкать и меня тоже? Наверное, да.

Вдруг между двумя обидчиками протянулась рука Исайи – не знаю, услышал он меня и понял, что я рядом, или просто отчаялся. Неважно. Я схватила ее обеими руками и изо всех сил потянула на себя. Никто этого не ожидал, и один из хулиганов отшатнулся в сторону, а другой остался стоять на месте, опустив руки, когда Исайя выбрался на свободу.

– Ты не очень-то умно поступила, – обратилась ко мне девчонка, одетая во все черное. – Твоих друзей рядом нет, и никто тебя не поддержит.

– Что ты там сказала про ее друзей?

За мной возвышалась Аманда. Она была по меньшей мере на голову выше нахальной девчонки в черном. Та сложила руки на груди и хмыкнула:

– Ну да, как будто вы подруги.

Аманда улыбнулась:

– Судя по всему, Энди познала прелесть разнообразия.

Девчонка опустила руки и нахмурилась:

– Что?

– Идем, детишки, попьем пунша, – предложила нам Аманда.

Мы с Исайей засеменяли за ней, как утята за мамой-уткой. Пожалуй, я даже шла слегка вперевалку, стараясь за ней поспеть. Ноги у Аманды длинные, и она поставила перед собой конкретную цель, так что даже не обернулась с нами поговорить.

– Ты в порядке? – прошептал Исайя.

Я уставилась на него с раскрытым ртом.

– Шутишь?

Он помрачнел, и вид у него был уязвленный.

– Нет.

– Над тобой только что издевались какие-то хулиганы, а ты спрашиваешь, все ли со *мной* в порядке! Со мной-то да. Говорить с Бекки было не так мучительно.

Аманда резко остановилась:

– Ты с ней поговорила?

– Да, – усмехнулась я. – Хотелось бы мне сказать, что она пришла извиниться.

Исайя прислонился к шкафчику, тяжело дыша:

– Извини. Наверное, это я виноват.

Я удивленно вскинула руки:

– Ты о чем?

– Я знал, что твои друзья меня недолюбливают. Не то чтобы я ожидал, что из-за тебя ко мне все хорошо начнут относиться, но не думал, что, подружившись со мной, и сама попадешь в немилость.

– Исайя, ты не виноват. Все к тому шло.

Впрочем, мне кажется, что Лиа с Джизелой на Бекки обижены, поэтому она и пришла со мной поговорить, а на самом деле ей вовсе не хочется мириться.

– Знаешь... – начала Аманда, приглаживая волосы, – иногда я завидую тем, у кого есть друзья, а иногда чувствую себя счастливицей. Если люди, которые должны во всем тебя поддерживать, так с тобой обращаются, то в чем смысл дружбы?

Исайя рассмеялся:

– Ух ты, я прекрасно тебя понимаю. Раньше меня злило, что не получается быть всеми любимым, а потом я начал общаться с Энди и решил, что верные друзья лучше популярных.

Это прозвучало как оскорбление. Но я ничего не сказала, чтобы не испортить важный для Исайи и Аманды момент. И все же теперь я задумалась над тем, какими нас видят другие.

Осталась ли хоть какая-то надежда помириться с подругами? Неужели мы были вместе только в счастливые времена? И наша дружба – это натянутый над пропастью канат, с которого мы все свалились в результате одной жалкой ссоры? Что тому виной, стремление Бекки к популярности? Ведь это не обязательно. Я никогда не рассматривала подруг с такой

стороны, не делаю этого и сейчас. Меня не волновало, популярны мои друзья или нет. Я думала о них только как о друзьях. А теперь не знаю, что и думать.

– Сходим за мороженым? – предложила я.

Я многому научилась от мамы, зато папа посвятил меня в важнейшую тайну жизни: мороженое помогает всегда. В особенно неудачные дни он наполнял миску доверху, добавлял ягоды, взбитые сливки, и тогда невозможно было не улыбнуться. Этот метод никогда нас не подводил. Так почему бы не применить его сейчас?

Глава двадцать вторая

После школьной вечеринки я решила оставить папе и сестре как можно больше призрачных посланий. Если один вечер способен резко изменить мою школьную жизнь, на что способна одна ночь дома? Я допоздна перебирала идеи и записала их, прежде чем провалилась в сон. Через несколько часов после того, как я плюхнулась на кровать, в руке у меня завибрировал телефон. Я не сразу сообразила, что происходит, а потом медленно села в постели и выключила будильник. Половина четвертого – очередное слишком раннее утро. Я сонно протерла уголки глаз и снова откинулась назад. Может, зря я это задумала.

Веки у меня опустились – мне хотелось спать дальше. Но в темноте перед глазами пронеслись два образа. Папа в казино. Сестра, работающая официанткой в забегаловке.

Пейдж выглядит старше своего возраста. От этой мысли я снова поднялась, широко распахнув глаза. «Нет, – подумала я. – Пора что-то менять». Пейдж должна вернуться к учебе. А она не сможет этого сделать, пока папа не возьмет себя в руки.

Нам с Исайей не удалось придумать, как нарезать слова из видео, так что я вернулась к запахам – по крайней мере, с Пейдж. Я так и не нашла способ незаметно приготовить бекон, не оставив улики, зато Исайе в голову пришла блестящая идея заменить его собачьим лакомством с ароматом бекона – его проще спрятать, а запах очень похож на настоящий. Я выудила из рюкзака галету и пошла в комнату сестры. По тихому храпу из-за двери было ясно, что она спит. Пейдж натянула одеяло на голову, и снизу из-под него высовывалась одна нога. Типичная Пейдж. Это замечательно. Раньше, когда я ее будила, несложно было догадаться, что всю ночь она ворочалась в постели, вместо того чтобы крепко спать, как сейчас. Я на цыпочках прокралась в комнату, надеясь, что сестра ничего не оставила валяться на полу. Я примерно знаю, как здесь все расположено, и смогу ориентироваться в темноте, но брошенная туфля или упавшая расческа вполне способны все испортить.

Один раз я все же просчиталась с расстоянием и врезалась в угол комода. Он впился мне в руку, и я стиснула зубы, чтобы не ахнуть от боли. Пейдж даже не шелохнулась, и я вздохнула с облегчением. Я неслышно подобралась к ее кровати и засунула галету под матрас. Если сестра

почувствует запах, то проверит только под подушкой и на этом, скорее всего, успокоится.

Следующей была комната отца. Для него я придумала кое-что новенькое. Он всегда спит непробудным сном. Хорошо, что храпит он громко – его храп перекрывает звук моих шагов по паркету. Дверь в ванную скрипнула, когда я потянула ее на себя, и папа, заворчав, перевернулся на другой бок. Я замерла на месте. Если он проснется, мне конец, потому что свет в ванной включен, и не заметить меня будет просто невозможно. Я совсем об этом позабыла. Маме нравился свет. Папа ее дразнил за боязнь темноты. Интересно, он оставляет свет включенным для нее?

Я стояла не дыша. Прошло, кажется, несколько минут. Ноги у меня заныли. Наконец я развернулась и боком протиснулась в ванную. Мне не хотелось шире открывать дверь, так что выбора не оставалось.

Я осторожно выдвинула ящички под раковиной. Как и ожидалось, мамин пустовал. Все бутылочки с лаком для ногтей и десятки кисточек для макияжа погибли в дни великой уборки несколько месяцев назад. Я нащупала у себя в кармане два предмета. Бледно-розовую помаду – мама наносила только этот цвет – положила в пустой ящичек. Выдвинула тот, что под ним, в котором хранятся папины бритвы и крем. Как раз рядом с его ярко-синей бритвой и тюбиком крема для бритья я разместила розовую бритву «Венус». Я даже несколько раз ее использовала, чтобы она выглядела не совсем новой. И положила несколько под углом, чтобы произвести впечатление, будто она всегда лежала в глубине ящичка, никем не замеченная, а теперь случайно выкатилась. Надеюсь, папа тоже так подумает.

Затем я забралась на раковину, свесив ноги с краю, и прислонилась к зеркалу. Раскрыла рот и выдохнула. Мой вздох разнесся эхом по полупустынной ванной. Я еще раз выдохнула, чтобы запотела большая часть зеркала. У меня получилось пятно четыре на четыре дюйма, и в нем я подушечкой пальца вывела длинные буквы с петельками. На этот раз обошлось без «вжух». Я долго размышляла над этим посланием. Мне хотелось написать короткую фразу, и от «Я тебя люблю» пришлось отказаться. На днях я решила быть с папой более прямолинейной, так что мой выбор пал на следующие четыре буквы:

Ж И В И

Это слово задумывалось как приказ – надеюсь, так папа его и поймет. Нет способа проще сказать то, что, как мне кажется, хотела бы передать ему мама. Ее нет рядом с нами, зато он есть. Зеркало постепенно

прояснилось, и буквы исчезли. Я удовлетворенно кивнула. Когда папа пойдет в душ, оно опять запотеет и, если повезет, покажет ему мое послание – достаточно смутное, чтобы он не мог догадаться, кто или что его оставило.

Идею с зеркалом я почерпнула из рассказов про привидения. Потусторонние сущности редко передвигаются, но при особом распределении энергии они способны воздействовать на некоторые вещи. Если вы в них верите, для вас это обретает значение.

Я выскользнула из комнаты. Осталась только гостиная. Там у нас нет люстры, зато есть напольная лампа, подсоединенная к розетке, она зажигается, если нажать на выключатель. Маму всегда это раздражало – ей казалось, что в гостиной слишком темно. Сейчас же полумрак играл мне на руку. Я слегка повернула лампочку, чтобы она мигала, когда ее включат. На втором этаже стояла тишина, и я проверила, сработала ли моя уловка. Да, выглядело это жутковато. Прекрасно!

Я пригнулась и ненадолго забежала в гараж, чтобы распылить мамин спрей для тела на пассажирское сиденье папиной машины. Я сильно рискую, но мне необходим дополнительный элемент, чтобы связать между собой фразу на зеркале, бритву, помаду и запах маминого спрея.

Время раннее. Пейдж с папой встанут не скоро, а у меня осталось еще одно дело.

Глава двадцать третья

«Меньше чем через два года Пейдж поедет учиться в колледж, и от этой мысли у меня порой происходит короткое замыкание. Буквально. Стою на кухне, варю себе кофе, и вдруг раз – начинаю плакать. Как моя деточка закончит колледж? Как она вступит во взрослую жизнь? Что будет со мной, когда она уедет? Мне даже думать не хочется о том, как я переживу отъезд Энди, когда и она повзрослеет.

Об этом при рождении детей вам никто не рассказывает. Ваша личность так тесно с ними сплетается, что вы забываете, кто вы есть, и это не страшно, если дети ведут себя как положено и на вас это хорошо отражается. Я шучу только отчасти. Предположим, мои дети с чем-то не справятся... Если я в первую очередь мать, значит ли это, что не справилась я?

Понимаю, я должна позволить детям найти себя и свой путь в жизни, но признаюсь, я выискивала в них сильные стороны и пыталась подтолкнуть к развитию очевидных талантов. Поэтому я так растерялась, когда Пейдж сказала, что не знает, на кого пойдет учиться. Она подумывает над бизнесом. Бизнес? Какой еще бизнес? Я всю жизнь ее готовила к работе юриста! Разве она не заметила?

Теперь я и правда шучу. На самом деле мне не так важно, какую карьеру выстроят мои девочки. И будет ли она у них вообще. Какой бы лицемеркой я была, заостряй я на этом внимание! В конце концов, у меня никакой карьеры не сложилось.

Но колледж надо закончить обязательно, и неважно, по какой специальности – хоть по плетению корзин! Если хоть одна из дочек не пойдет в колледж, для меня это будет личной неудачей».

После этой записи я поняла, что у меня появилась новая цель. И это настоящая причина того, что я делаю, помимо всего прочего, включая мое стремление вернуться к обычной жизни. Конечно, идея замечательная, и я давно об этом мечтаю, но звучит она немного эгоистично. Будь это все только ради меня, мой эксперимент был бы совершенно безумным. Но вот она, настоящая причина. Мама распланировала наше будущее, и Пейдж сорвет ее планы, если ничего не изменится.

Я еще около часа листала мамины дневники и только потом убрала их

обратно в коробку в подвале. Один блокнот остался у меня в спальне. Одного никто не хватится. Мне до сих пор кажется, что их как-то неправильно разделять, но в то же время не хочется расставаться со всеми сразу.

Однако с пустыми руками я не ушла. В коробке нашлись еще два предмета, ускользнувшие от моего внимания в прошлый раз. Первый – это мамин телефон. Наверняка он уже не работает, но все равно странно его здесь видеть – я думала, он разбился во время трагедии. На нем есть несколько вмятин, край погнут, но не зря же папа его оставил?

Я не раз пробежалась пальцами по клавишам, набираясь смелости, и в конце концов нажала на зеленую кнопку включения. Разумеется, телефон не включился. В коробке из-под него лежала зарядка – моя вторая находка. Я пододвинулась к стене и воткнула ее в розетку. Я не знала, чего ждать. Казалось бы, папа должен был заблокировать симку, но стоило мне включить телефон, как раздалось тихое «дзынь». Одиннадцать новых сообщений на голосовой почте. Сорок два непрочитанных входящих сообщения.

Мне стало не по себе. Наверняка это от знакомых, которые еще не знают о случившемся. Ненавижу эти разговоры по телефону и случайные встречи в продуктовом. «Как там твоя мама?» – «Мертва».

Сразу ясно, что такая беседа хорошо не закончится, и обычно я исполняю некий странный ритуал: переступаю с ноги на ногу, опускаю взгляд в пол и выжимаю из себя пару слов про несчастный случай. Мне не нравится, какое выражение принимают лица моих собеседников, когда они понимают, к чему я клоню. Всем становится стыдно и неловко, и я обычно не выдерживаю и начинаю плакать. Нелегко смириться с потерей, когда регулярно приходится о ней рассказывать тем, кто еще ничего не знает.

Я открыла голосовую почту и увидела множество входящих от номеров, начинающихся с «1-800», – наверное, от компаний по выпуску кредитных карт и благотворительных организаций. Они меня мало волновали. Мой взгляд был прикован к одному-единственному номеру – почти все сообщения в голосовой почте были от него.

Папин номер. Он звонит ей. До сих пор.

Звонил все это время.

Я не могу их прослушать. Не имею права. Я закрыла голосовую почту и открыла текстовые сообщения.

Несколько эсмэсок от оператора сотовой связи с выгодными предложениями, все остальные – опять же от папы. Сообщения короткие, как и положено. Но в них просматривается целая история.

*«Где ты хранишь документы по страховке?»
«Какой соус ты обычно покупаешь к спагетти?»
«Сегодня на обеде очень тебя не хватало».
«Выиграл 100 долларов на слот-машине, проиграл 250 в покер».
«Пейдж забросила бег. Прости».
«Сегодня был на встрече. Не выдержал – ушел».*

Мне словно запихнули в горло ватные шарики. Дышать было нечем. Мне не положено это читать. Сообщения слишком личные. Дрожащими пальцами я снова включила голосовую почту. «Только одно», – пообещала я себе. Было бы подло прослушивать все сообщения, но от одного никому хуже не станет, правда?

Я отложила телефон. *Нет, не стоит. Не буду.* И снова взяла его в руки. Сдержаться было невозможно.

Я выбрала первую попавшуюся дату. Наверное, так папа не сразу заметит, что одно из сообщений прослушали.

Сначала его голос показался мне чужим. Тихий, приглушенный. Затем из трубки раздался плач. Мне будто ударили кирпичом в живот. Конечно, я видела, как плачет мой папа. Но даже после маминой смерти, когда все собрались дома на поминки, он плакал молча, про себя. Глаза у него были красные, но папа все равно пожимал руки гостям.

Сдавленные рыдания. Оборванные фразы.

«...не могу. Что со мной не так?.. Как ты могла так со мной поступить?.. Порой я тебя ненавижу... Нет, ты прекрасно знаешь, что это не так».

Я бросила трубку. Нет, только не это.

Я выбрала другую дату. Более позднюю.

«Привет. Я не звонил тебе уже несколько месяцев. Знаю, ты все равно не включишь эти сообщения, но мне нравится представлять, что ты меня слышишь. Это не то что беседовать с воздухом. В последнее время я часто тебя вспоминаю. Но не как обычно. Само собой, я ужасно скучаю, размышляю над тем, что бы ты сделала на моем месте, насколько легче бы нам жилось. Но теперь я больше думаю над тем, где ты. Где ты? Энди все еще увлекается своими дурацкими рассказами о привидениях, и на днях я полистал одну из книжек, которая лежала у нее в комнате. Ты стала призраком? Ты все еще рядом? Ты нас видишь? Вот о чем я думаю в

*последнее время.
До скорого».*

Я слушала отца затаив дыхание. Еще какое-то время я не могла дышать. Слез не было, но легкие у меня словно застыли.

Как бы мне хотелось обсудить все это с папой! Я сама часто думала о том же самом. Интересно, приходило ли это в голову Пейдж?

Если бы я призналась папе, что и меня посещают подобные мысли, что бы тогда произошло? Слушать голосовую почту я больше не стала. Не то чтобы мне не хотелось. Наоборот, я изнывала от желания узнать, через что прошел мой отец и что происходит у него в голове. Отчасти мне казалось, будто я имею право это знать. Даже возникла безумная идея показать сообщения Пейдж. Она бы нашла им лучшее применение. Но это же почти что папин дневник. Мне бы не хотелось, чтобы он читал мой, будь у меня дневник. И мамины записи я читаю только потому, что ее уже нет с нами.

Так что я вернула телефон обратно в коробку.

Глава двадцать четвертая

Я так много времени провела в подвале, что выходила оттуда, слегка нервничая. Поверить не могу – впервые надеюсь на то, что сегодня у папы выдался очередной неудачный день. Я тихо закрыла за собой дверь и прислушалась. Тишина. Широкими шагами, почти бегом, я пересекла кухню.

А за углом чуть не врезалась в папу.

– Что за спешка? – спросил он, протирая глаза.

– Мне надо разбудить Пейдж.

– О!

– Ты только что проснулся?

Папа кивнул. Вид у него был еще сонный. Я прошла мимо, взбежала вверх по лестнице, заглянула к себе, чтобы спрятать дневник, оставленный на кровати, и несколько раз постучала к Пейдж, выкрикивая ее имя.

Сначала сестра заворчала, а потом резко затихла. «Бекон», – проговорила я про себя. Потому что Пейдж вполне бодрым голосом спросила:

– Ты приготовила завтрак?

– Э-э... нет, – ответила я своим лучшим, удивленно-отстраненным голосом.

Затем я поспешила обратно в свою комнату. Сегодня утром по дому расставлена уйма ловушек. Это словно финал грандиозного шоу фейерверков, и оно еще не закончилось. Нас ожидает очередной яркий взрыв. Я его предвкушаю и одновременно боюсь. После прослушивания сообщений на голосовой почте мне стало немножко стыдно. Если папа надеется, что мама стала привидением, не плохо ли я поступаю, даря ему надежду?

Я постучала пальцами по крышке комода и всмотрелась в свое отражение. Остаться дома или уйти? Можно соврать, что нам с Исайей надо встретиться перед уроками. Правда, тогда я пропущу невероятные «ох» и «ах» в честь праздничных фейерверков – таких же красочных, как на Четвертое июля, – зато мне не придется сохранять безразличный вид, я сумею избежать чувства вины и не столкнусь с возможными неприятными последствиями.

Я глубоко вздохнула и решила прежде всего выпить апельсинового

сока. Пейдж еще не вышла из комнаты. Проходя мимо ее двери, я слышала, как сестра открывает и закрывает ящики комода.

Папа сидел в гостиной, уставившись на мигающую лампочку.

– В чем дело? – спросила я, потому что промолчать было бы странно.

– Видимо, лампа сломалась, – развел руками папа.

– Как-то чудно, да?

Он кивнул, не отводя взгляда от лампочки.

Мне надо бы уйти, мне *лучше* уйти, но папа выглядит растерянным, и меня удерживает его несчастное выражение лица.

– Хочешь чего-нибудь? – предложила я.

Папа неторопливо покачал головой и добавил:

– Пожалуй, схожу в душ.

Я сжала кулаки, наблюдая за тем, как папа отставляет кружку с кофе и выходит из комнаты. Теперь мне *непреренно* нужно уйти, но в гостиной появляется Пейдж, и по ней не ясно, о чем она думает. Взгляд у нее такой же отрешенный, как и у папы.

Заметив меня, сестра произнесла:

– Я настроена на сытный завтрак. А ты?

«Нет, тебе нельзя оставаться на завтрак, – сказала я себе. – ты ходишь по краю пропасти».

– Конечно, – вырвалось у меня прежде, чем я вспомнила отговорку про встречу с Исайей перед уроками. – Давай я займусь готовкой.

Пейдж улыбнулась, назвала меня лучшей сестренкой на свете, и пошла наверх собираться. Голова у меня кружилась.

На кухне я проверила дату на яйцах. Они были еще вполне свежие, так что я разбила их на сковородку и закинула в тостер пару ломтей хлеба. Бекон в холодильнике не оказалось, и меня это даже порадовало. Мне бы не хотелось сейчас наблюдать за тем, как Пейдж с папой едят бекон.

Около десяти минут в доме царил молчание – затишье перед бурей. Яичница-болтуня получилась отличная, воздушная и румяная. В шкафчике даже нашелся земляничный джем для тостов. Я поставила на стол настоящие тарелки, не бумажные, и положила настоящие ножи с вилками. Налила сок в стакан для Пейдж и наполнила папину кружку кофе. И принялась ждать. Папа вернулся, сам похожий на призрака. Из его лица словно высосали все краски, и он не шел, а будто летел.

Пейдж опустила на стул и принялась тыкать в яичницу вилкой. Папа, видимо, завтракал только из вежливости. Очевидно, их одолевали тяжелые мысли, потому что они оба склонились над своими тарелками. Я не задумывалась над тем, что будет дальше. Конечно же я догадывалась, что

рано или поздно папа и сестра заговорят друг с другом о случившемся, но не ожидала, что это произойдет прямо сейчас.

– Мне сегодня утром почудился запах бекона, – начала Пейдж тихим голосом, не отрывая глаз от яичницы. – Почему он напоминает мне о маме?

Я улыбнулась:

– Мне тоже.

– Ей очень нравился бекон, – прошептал папа и через какое-то время добавил: – Клянусь, сегодня я почувствовал аромат ее спрея для тела.

Пейдж резко вскинула голову:

– У меня тоже такое было. Не так давно, на диване.

– Правда? – спросил папа и подался вперед. – Со мной случались и другие мелочи. Как будто послания.

Пейдж выпрямилась:

– И со мной! Я говорю не только про дневник. Погоди, а Энди про него знает?

Сестра показала на меня пальцем, и папа кивнул:

– Я ей рассказал.

– В общем, фотография у меня в комнате сдвинулась с места, честное слово. А у тебя что?

– Слова на зеркале. Ее слова. – Папа отложил вилку. Пейдж посмотрела на него, удивленно распахнув глаза. – И эта лампа сегодня утром.

– Что? Мама тебе писала? – резко переспросила Пейдж.

Мне было страшно на них смотреть, но, подняв взгляд, я заметила, что у папы сузились глаза.

– Успокойся, Пейдж. Возможно, мне привиделось. Я сам не уверен в том, что это было.

Я покосилась на Пейдж – та немного скисла.

– А ты, Энди? Замечала что-нибудь странное? В голове у меня тут же возникла целая череда мыслей. Мне хотелось ответить, что да, я видела много странного. Папа проигрывает деньги за страховку в казино, сестра не ходит в колледж – это тревожит меня куда сильнее вопроса, стала мама привидением или нет. Мне хотелось признаться, что лучшие послания от мамы – это ее собственные, настоящие. Дневники, видеозаписи. Ведь к этому я стремилась. Чтобы папа и сестра вспомнили саму маму, а не ее призрак. Но Пейдж в таком восторге, что я не знаю, как мне правильно выразить свои мысли. Я страшно боюсь, как бы меня не раскрыли, так, что коленки трясутся.

Я пожала плечами, нацепила на вилку кусок яичницы и ответила с набитым ртом:

– Вроде нет.

Но Пейдж не сдавалась:

– Думаете, может такое быть...

Папа ее перебил:

– Нет, Пейдж. Мы живем не в одной из любимых книжек Энди. Мамы больше нет.

– Но совпадений слишком много! Разве нет ни единой возможности?..

– Ты прекрасно знаешь, что привидений не существует.

– А вот Энди в них верит, правда, Энди? Ты постоянно про них читаешь.

– Не знаю. Наверное. – Я положила вилку и снова пожала плечами. – Я... Честно говоря, я взяла их темой для научного проекта.

Папа вскинул бровь:

– Серьезно? Научного?

Я выпрямилась:

– Да, мы с Исайей вместе работаем над школьным проектом по естествознанию, и вот решили исследовать научные теории о привидениях.

– Учитель был не против?

По папиному лицу невозможно было понять, о чем он думает, но в его голосе послышалась тревога.

Я кивнула.

Папа нахмурился, и я задумалась – что теперь? Мы наконец-то начнем разговаривать о том, что нас волнует? О наших чувствах, о том, верим ли мы в загробную жизнь?

– Ты не шутишь? Учитель правда вам разрешил? – спросила Пейдж, раскрыв рот от удивления. А потом склонила голову набок. – И что вы раскопали? Есть что-нибудь интересное?

Папа медленно покачал головой и начал собирать тарелки. Он намеренно шумел, но я заметила, что его взгляд сосредоточен на мне.

– Потом, ладно? – улыбнулась я. – Вам уже пора идти. Я все уберу на кухне. Не сомневаюсь, что это всего лишь совпадения.

– Вряд ли случайные, – заметила Пейдж, вставая из-за стола.

Но я заметила, что сестра улыбается. Ее больше всего радовала перспектива маминого возвращения в обличье призрака. Теперь мне известно про папины голосовые сообщения, и я догадываюсь, что больше всех из нас замкнулась в себе Пейдж. Она держала все в себе и, оставаясь из нас самой собранной и организованной, на деле сильнее всех чувствовала себя потерянной.

Пока мы ехали в школу, Пейдж засыпала меня вопросами о

привидениях. Я пересказала ей все известные мне теории. Некоторыми из них я делилась уже не в первый раз, но теперь Пейдж отнеслась к ним серьезнее и задавала волнующие ее вопросы. Потом она начала припоминать другие случаи, связанные, как ей казалось, с призраками. Те, к которым я не имела ни малейшего отношения.

Например, однажды у сестры никак не заводилась машина, и она пожелала, чтобы мама оказалась рядом, а когда снова повернула ключ, мотор завелся.

А в другой раз у Пейдж не нашлось денег на бензин, и она вдруг обнаружила банкноту в пять долларов в кошельке, который мама брала у нее на время за несколько дней до несчастного случая.

Сестра перечислила столько всего, что даже я задумалась. Возможно ли это? Неужели мама и правда с нами и только я ее не замечала? Пропускала настоящие послания, увлеченная созданием поддельных?

Пейдж собиралась высадить меня у главных ворот, как обычно, но я махнула ей рукой, показывая, чтобы она подъехала к черному входу.

– Хм... Твои подруги же здесь. Вон Джизела стоит у дверей.

– Мне сегодня никого не хочется видеть.

– Что-то случилось?

– Ну, мама умерла, – ответила я.

Пейдж резко ко мне повернулась и, наверное, поняла по моему лицу, что я говорю всерьез.

– Это все изменило, – добавила я.

Пейдж пробежалась ладонью по рулю и выдохнула:

– Да. Это верно.

– В общем, мне не то чтобы легко, но все образуется, – улыбнулась я.

Забавно, но я впервые искренне в это верю.

Пейдж потянулась ко мне и сжала мою руку:

– Скажи, если захочешь поговорить.

«Мне каждый день этого хочется, – подумала я. – С тех пор как мама умерла, мне каждый день хочется, чтобы ты со мной поговорила». И мне хочется сказать об этом Пейдж. Но вместо этого я произношу:

– Спасибо. – И искренне добавляю: – Ты тоже.

Утро у меня в целом прошло довольно спокойно. Мне не встретились ни Бекки, ни остальные мои подруги – я удачно их избегала, не заходя туда, где они обычно собираются. Аманда дала мне пять в коридоре, и я вполне уверена, что после этого некоторые ребята одарили меня восторженными взглядами. Что ж, буду наслаждаться, пока могу.

Странности начались лишь тогда, когда меня вызвали с уроков в

кабинет миссис Картер.

Сердце забилося в груди, как молоток о стену. В последний раз меня забирали из класса после того несчастного случая с мамой. В кабинете миссис Картер сидел мой папа, и я тут же подумала: «Пейдж».

Но отец не выглядел грустным. Впервые за долгое время я увидела его рассерженным, и это слегка меня напугало. Я не ожидала, что он еще на это способен. В нем уже давно словно пропали все эмоции. Но теперь папины брови были нахмурены, а губы плотно сжаты. Он массировал виски – раньше папа так всегда делал, чтобы не заорать от злости.

На мгновение я задумалась над тем, чтобы сбежать. Может, они еще не заметили, как я вошла? Выскользну обратно в коридор, спрячусь в туалете или еще где-нибудь. Пока не ясно, что будет дальше, но я уже догадываюсь, что этот разговор мне не понравится.

Я сделала шаг назад, но было слишком поздно.

– Энди, – сказала миссис Картер и показала на стул рядом с моим отцом. – Закрой за собой дверь и присаживайся.

Я не стала спрашивать, все ли в порядке. Понятно уже, что нет. И я совру, если скажу, что понятия не имею, зачем меня вызвали. Есть только одна причина, по которой эти двое могли собраться вместе.

Глава двадцать пятая

– Твой папа сегодня мне позвонил. Сказал, что беспокоится о тебе, и он знает, что ты ко мне приходишь. К твоему сведению, я ему не пересказывала, о чем мы тут говорили.

– Хорошо, – ответила я сдавленным голосом.

– Вот что я нашел, – добавил папа и выложил на письменный стол график Исайи. – Чего ты пыталась добиться, Энди?

Пришлось напомнить себе, что мне все еще нужно дышать. Как же я так сглупила? Я долго молчала, и в разговор снова вмешалась миссис Картер:

– Энди, во время нашей беседы твой отец упомянул некоторые моменты, которые напомнили мне о предупреждении одного из твоих друзей на прошлой неделе, и я поделилась с ним своими тревогами касательно того, что ты, вероятно, пытаешься заставить своих близких думать, будто по дому разгуливает призрак твоей матери. Твой папа решил поискать доказательства.

Я благодарна миссис Картер за посредничество и стремление объяснить мне, что произошло, но в то же время хочется, чтобы папа наконец заговорил.

– Как ты могла? – спросил папа, не глядя на меня. – Поверить не могу, что ты так поступила.

– Я старалась хоть что-то изменить, – возразила я. – Ты ничего не делал.

Последние слова вылетели как-то сами собой, и мне сразу же стало за них стыдно, пускай это было правдой. Я не хотела ввязывать папу в неприятности.

– Ты нечестно поступаешь, Энди. Заставила Пейдж поверить, будто мама пытается с нами связаться. Это часть твоего проекта для школы?

Я помотала головой:

– Совсем нет.

– Тогда что это такое? – закричал папа и потряс передо мной графиком Исайи. – Ставишь на нас эксперименты?

У меня по щекам потекли слезы.

– Нет, ты не понимаешь...

– Конечно же не понимаю, Энди! О чем ты только думала?

– О чем я думала? А о чем думал *ты*?

Я внезапно сорвалась, теперь я не боялась кого-нибудь задеть.

Папа раскрыл рот, собираясь что-то сказать. Его взгляд стал мягче, но мне было уже плевать.

– Это ты от всего отстранился, не я. Думаешь, мы не замечаем, что с тобой происходит? С работой? Мы же не слепые. Ты никогда о ней не упоминаешь. Вообще с нами не разговариваешь. А теперь спрашиваешь, что со мной не так! Ты спрятал мамины дневники, кольца, не рассказал мне про видеозаписи! И ты ей звонишь! Ты ей звонишь! А нам даже заикнуться о ней нельзя!

Я остановилась перевести дыхание. Грудь у меня тяжело вздымалась.

Папа был поражен. Кажется, у него пропали силы говорить. А я не знала, что еще добавить, и мой монолог повис в воздухе.

Я медленно перевела взгляд на миссис Картер. И чуть не расхохоталась. Хотя она и просит нас быть честными на занятиях, это, видимо, было для нее слишком. Она так крепко сжала ручку, словно боялась, как бы ее не украли. Мышцы на шее будто защемило, а широко раскрытые глаза не моргали.

Наконец миссис Картер нарушила тишину:

– Что ж, вы оба выражаете свои чувства, и это замечательно. Очевидно, раньше вы всегда сдерживались.

Папа фыркнул. Наверное, мы подумали об одном и том же.

– Предлагаю Энди уйти сегодня с уроков – вашей семье нужно время, чтобы переварить то, что вы узнали друг от друга. У меня есть несколько контактов... Я могу направить вас к профессионалам, которые лучше справятся с вашей проблемой.

Вот это номер. Миссис Картер сваливает ответственность на другого психолога.

Она порылась в ящике письменного стола, вынула оттуда клочок бумаги и протянула отцу. Он покосился на бумажку, но взял ее не сразу. Не знаю, что было тому виной – скептическое отношение к работе психологов или страх вскоре оказаться со мной один на один. Что мы будем делать, когда выйдем из кабинета миссис Картер? Нам же придется поговорить друг с другом. Откровенно. Мы двигались в этом направлении последние несколько дней, но теперь я высказала все и сразу, и нам остается только взглянуть правде в глаза. Миссис Картер было явно неловко, но рука ее не дрожала. Я уже собиралась выручить женщину и сама забрать бумажку, но папа наконец протянул за ней руку. Он сложил листок пополам и запихнул его в карман, поднимаясь со стула.

– Мне надо предупредить учителей, что я забираю Энди домой? – спросил папа.

– Нет, все в порядке. Я сама им сообщу. – Миссис Картер улыбнулась крепко сжатыми губами. – Энди, можешь выйти на минутку?

Во рту у меня пересохло. Я боюсь остаться с папой наедине, но это даже еще хуже. Они будут говорить обо мне? Миссис Картер предложит, как меня наказать?

Я медленно встала и на трясущихся ногах подошла к двери.

– И закрой за собой дверь, – попросила миссис Картер.

Я оглянулась на папу, но он на меня не смотрел, так что я послушалась и вышла в коридор. Стены в школе старые, бетонные, выкрашенные желтой краской и такие толстые, что подслушать ничего невозможно. Из кабинета раздавались еле различимые голоса. Я постучала ногой по полу и прислонилась к двери, отчаянно пытаюсь хоть что-нибудь разобрать. Ручка повернулась, и я отпрыгнула в сторону, к холодной желтой стене.

Папа ничего не сказал, но махнул рукой, чтобы я следовала за ним. Мне пришлось чуть ли не бежать, чтобы за ним поспеть, потому что шел он очень быстро. Наверное, был ужасно на меня рассержен. Я начала гадать, какое наказание он для меня придумает.

За дисциплиной в доме у нас следил не папа. Наверное, этим мы отличаемся от многих семей. Маме Лиа стоило только пригрозить: «Подожди, вот вернется домой твой отец», как девочка тут же становилась образцом послушания. Папе Бекки даже не приходилось ничего делать: он такой громадный, что ему достаточно нависнуть над дочкой с суровым взглядом, и она будет во всем его слушаться. Папа Джизелы – добряк, но любит рассказывать о том, как его в детстве воспитывали, и после таких историй рисковать уже не хочется.

У нас же все побаиваются маму. Точнее, побаивались. Она была не слишком строгой, никого не лупила – нет, ничего подобного! – но мама всегда знала, какое наказание сильнее всего нас расстроит. Словно до нее доносились наши немые мольбы. «Что угодно, пожалуйста, только не поход в аквапарк!» – думаешь ты, и именно этого тебя лишают. Папа кричал громче, но он только лаял, а не кусался. Когда я была совсем маленькой, я пряталась от его криков в шкаф и плакала, а став старше, научилась не обращать на них внимания, только если не возникала опасность, что в дело вмешается мама с ее подходом к воспитанию.

Я морально подготовилась к тому, что на меня накричат. Даже подумала, не забить ли ватой уши, вот только рюкзак у меня остался в классе. Я не решилась сказать об этом папе. Вряд ли ему есть дело до моих

учебников, да и сегодня, скорее всего, мне не придется делать домашнее задание.

Мы вышли на улицу, но папа все еще молчал. Ладно, наверное, решил подождать, пока мы не сядем в машину. Но вот двери захлопнулись, кондиционер заработал, а папа все еще молчит. Я не знаю, как мне быть. Заговорить с ним? Извиниться? Или от этого станет только хуже? Со мной такое впервые. Я никогда не была хулиганкой – по крайней мере, настолько, чтобы меня вызывали с уроков, и даже если что-то подобное случилось, в школу приезжала мама. Заговаривала сразу, переступив порог кабинета миссис Картер, замечала, как она во мне разочарована, напоминала, сколько времени и сил она потратила, предоставляя мне возможности, которые я, очевидно, не способна оценить, и ее нравоучения длились, пожалуй, до тех самых пор, пока не приходило время ложиться спать.

«Разумеется, – добавила я про себя, – будь мама еще с нами, я бы сегодня не оказалась в кабинете миссис Картер».

И вот тогда я расплакалась.

Папа вздохнул.

– Энди... – начал он, но, судя по всему, не знал, что еще добавить.

Я уронила лицо в ладони и всхлипнула.

Мне казалось, что теперь папа непременно на меня накричит. Может, последует примеру всех этих отцов из телесериалов и скажет: «Скоро тебе будет о чем плакать!»

Но машина неожиданно остановилась; я оглянулась на папу и увидела, что он прижался лбом к рулю, дрожа всем телом. Через какое-то время папа выпрямился и посмотрел на меня:

– Я сильно напортачил, Энди. Просто не знал, что мне делать.

О нет! Лучше бы он на меня накричал. Я теряюсь, когда папа расклеивается у меня на глазах. В этом и вся беда.

Но папа все еще остается моим папой и понимает, как надо поступить. Он разводит руки в стороны и во второй раз меньше чем за неделю заключает меня в объятия. Теперь мы оба плачем. На его рубашку льются мои сопли, но он меня не отталкивает. Через какое-то время папа выпускает меня из рук, и я отодвигаюсь к себе на сиденье.

Папа снова заводит мотор и выезжает на дорогу, но направляется он не домой. Мы проносимся мимо светофора, на котором следовало повернуть налево. Может, это как-то связано с тем, что сказала ему миссис Картер, когда попросила меня выйти из кабинета?

– Куда мы едем? – спросила я тихо, как мышка.

– За Пейдж, – объяснил папа. – Хорошо бы нам собраться всей семьей.

Поплавав, я слегка расслабилась, но после слов отца у меня сжалось сердце. Мне предстоит рассказать Пейдж о том, что я сделала.

Наверное, я, сама того не заметив, издала какой-то жалобный звук, потому что папа снова заговорил:

– Все обойдется, Энди. – Голос у него звучал неубедительно. Наверное, он и сам это понял и продолжил: – Ты же знаешь, как сильно она тебя любит. К тому же это на меня она сильнее всего сердится... – Только я начала верить в его слова, как папа добавил: – Но не думай, что тебе все сойдет с рук, конфетка. Ты натворила глупостей, и мы с тобой об этом поговорим, ясно?

Меня хватило лишь на то, чтобы кивнуть. Разговоры я переживу. Интересно, меня посадят под домашний арест? «Только не забирай дневники», – подумала я. Мне просто необходимы мамины воспоминания. Она бы это поняла. И заставила бы меня заработать право их читать хорошим поведением. Надеюсь, папа не открыл в себе ее способность выбирать самое жестокое наказание.

Папа вышел на улицу и поспешил в здание старшей школы, пробиваясь через толпу учеников. Я осталась сидеть в машине, и на шее и на лбу у меня выступили капли пота. Мотор остановлен, так что кондиционер не работает. В этой жаре на меня накатила усталость. Такая, какой не бывает от одной ночи практически без сна. Как там говорят? Устала как собака! Впрочем, я вполне имею право чувствовать себя разбитой, учитывая все происходящее и мой ранний подъем... ради чего?

Из школы вышли папа с Пейдж, и я присмотрелась к их движениям. Папа шел медленно, глядя в землю. Пейдж держалась прямо – должно быть, еще ничего не знала. Она перевела взгляд с папы на машину и обратно.

Переднее сиденье уже занято мной, так что сестра уселась сзади.

– Вы мне объясните, что происходит?

Папа молча тронулся с места.

– Ты сказал, ничего серьезного, но у вас тут атмосфера, как на похоронах.

Неудачно подобранное слово. Папа вскинул голову.

Пейдж подняла руки, то ли в знак поражения, то ли защиты – не понятно.

– Без обид! – усмехнулась она.

– Поговорим, когда вернемся домой, – твердо ответил папа.

Больше мы не произнесли ни слова. Меня так и подмывало включить

радио, но я боялась, что папа хлопнет меня по руке. Он припарковал машину в гараже и попросил нас подождать его в гостиной.

– Я скоро вернусь, – пообещал он.

Мы с Пейдж опустились на диван.

– Ты знаешь, к чему это все? – спросила сестра.

Я кивнула.

Пейдж повернулась ко мне:

– Расскажи.

У меня сбилось дыхание.

– Я... Мм... Очень глупо поступила.

Пейдж свела брови и положила ладонь мне на колено:

– Ты в порядке?

– Это другое. То есть... Ну, сама увидишь... Только не надо меня ненавидеть, хорошо?

– Энди, о чем ты?

К счастью, в этот момент хлопнула дверь, и мы повернулись на звук. В гостиную вошел папа с огромной коробкой, прекрасно мне знакомой.

– Что за черт? – выругалась Пейдж.

Папа строго на нее посмотрел:

– Следи за языком.

Сестра закатила глаза, но больше ничего не сказала.

Я еще к этому не готова. Наверное, мы все не готовы, и именно поэтому нам потребовался целый год, чтобы собраться с силами.

Папа ровным голосом объяснил Пейдж, в чем дело.

– Так что у нас в доме вовсе не поселилось мамино привидение. Очевидно, твоя сестра хотела что-то до нас донести. Энди, мы внимательно тебя слушаем. Ты сказала еще не все, что собиралась?

Я оказалась в неудобном положении, но вполне это заслужила.

– Мне просто кажется, что маме бы не понравилось, какими мы стали. Я нашла ее дневники и поняла, что у нас еще сохранились мамины слова; она говорила о том, какими мы должны быть, какие мы есть. Я боялась, что мы об этом забудем. Пейдж, мама хотела, чтобы у тебя были друзья, чтобы ты пошла в колледж, а ты все это забросила. Вы оба перестали стараться!

Сначала Пейдж на меня рассердилась. Очень сильно. Но все-таки ее охватило скорее разочарование, чем злоба. Она надеялась на то, что мамин призрак настоящий. От этого у меня болезненно сжалось сердце.

Папа достал из коробки все мамины вещи и показал нам. Мы поговорили о запахах, которые напоминают нам о ней, об ее дневниках.

Потом папа взял телефон и повертел его в руках. Пейдж сидела тихо,

только иногда шмыгала носом.

– Честно говоря, я ей иногда звоню, – начал папа. – Знаю, это глупо, но мне становится легче, когда я слышу ее голос на автоответчике и рассказываю ей обо всем, что меня гложет.

Повисла пауза, но вскоре ее нарушила Пейдж – настолько тихим голосом, что я не сразу поняла, кто говорит.

– Я отправила письмо на небеса. – Папа вскинул голову, и мы оба повернулись к Пейдж. – Только одно. Около полугода назад. Мне казалось, будто я задыхаюсь оттого, что не могу поговорить с мамой. Я столько переживала из-за дома, счетов и Энди, и когда увидела открытки в «Уолгринс»... Сама не знаю, что на меня нашло.

Папа потянулся к Пейдж и положил ладонь ей на плечо. Впервые за год ее плечи поникли, и сестра расплакалась. Папа ее обнял, а Пейдж его не оттолкнула.

На меня она не смотрела. А потом ее рука приблизилась к моей и коснулась пальцев. Это не прощение, но уже хоть что-то. И пока что мне этого хватит.

Затем мы перешли к самой тяжелой части. Папа признался, что не справляется. Мы и так это знали, но для него было важно сказать об этом вслух и чтобы мы его выслушали.

Эпилог

Мы с Джизелой сидели бок о бок на трибунах. Осенний футбольный матч в честь встречи выпускников впервые за десять лет проходил на холоде. Мне игра была совсем неинтересна, а вот Джизела громко кричала, поддерживая нашу команду, и подсказывала, когда мне полагается радостно вопить. Я бы предпочла посидеть дома или в кино, но мы теперь в старшей школе, и тут без этого никак. К тому же нам нравится наблюдать за Лиа, участвующей в команде поддержки. Оказывается, она всегда мечтала туда пробиться, но Бекки говорила, мол, ты еще не готова. Поди ее разбери. Лиа была вне себя от счастья, когда ее взяли в группу новичков, в то время как Бекки попала в запасной состав. Наверное, Лиа даже обрадовалась, что они будут не в одной команде.

С другой стороны от меня сидел Исайя. Ему нравился футбол, поэтому он шипел на нас, когда мы заговаривали о чем-нибудь постороннем, вроде хорошенькой прически Лиа или уродливом цвете формы команды противника.

Мы заняли один из верхних рядов, так что я могла с удобством изучать толпу. Бекки окружали новые друзья. Она смеялась, закинув голову вверх. Я поспешила отвернуться, чтобы она не поймала мой взгляд. По нынешней Бекки я не скучаю, зато порой гадаю, станет ли она когда-нибудь такой, как прежде.

Какое-то время я не сомневалась, что вместе с ней потеряла Джизелу и Лиа. Но через неделю после той серьезной беседы в гостиной с папой и Пейдж девчонки мне позвонили и предложили встретиться втроем. Я согласилась и рассказала им обо всем, что происходило у меня дома, и о моем эксперименте тоже. А потом извинилась перед Джизелой.

– Ты могла бы раньше с нами всем этим поделиться, – заметила она. – Мы бы постарались тебе помочь.

– Я думала, вас достало мое нытье.

– Ничего подобного. По крайней мере, со мной такого не было. Я рада, что тебе помог Исайя, но все равно обидно, что ко мне ты не обратилась.

– Прости, пожалуйста.

Лиа объяснила, почему они больше не водятся с Бекки: той важнее всего было сохранить лицо и популярность, и она продолжала говорить обо мне гадости. Девочки попытались ее образумить, тогда Бекки

отвернулась и от них. Когда убедить Лию с Джизелой отказаться от меня не получилось, Бекки принялась их игнорировать.

В начале лета я успешно разделяла два своих дружеских мирка. Например, купалась в бассейне с Джизелой и Лиой, а на следующий день шла в кино с Исайей и Амандой. Аманде нравились боевики. Нам с Исайей нравилось смотреть, как она выражает эмоции в зале.

Однажды в июле Джизела спросила:

– Почему Исайя не ходит с нами плавать?

На самом деле я его даже не приглашала, хотя в бассейн мы с девочками ходили чуть ли не каждый день.

Поначалу нам было неловко. Даже скорее мне, чем нам. Я боялась, что сближение двух мирков разрушит оба... или, может быть, меня. Мы до сих пор по большей части гуляем раздельно, потому что у нас разные интересы, но порой – например, сегодня – собираемся все вместе.

Мне было страшно переходить в старшую школу, но был во всем этом и огромный плюс – многие наши беды остались в прошлом.

Нет, у Исайи не появился волшебным образом десяток новых друзей, зато полным изгоем он быть перестал. Конечно, общение с Амандой в этом плане очень помогает. Наверное, поэтому никто теперь не решается над ним смеяться. К тому же у него есть я. Точнее, мы...

Джизела вся продрогла, и я протянула ей свой стаканчик с горячим шоколадом. Исайя взял мою руку и потер между своими ладонями. Мы не встречаемся, но... В общем, все сложно. Все кругом думают, будто мы парочка, а мы никого не разубеждаем. Ни с кем другим ни я, ни он встречаться не собираемся, но в то же время нам пока не хочется быть чем-то большим, нежели просто самими собой.

После игры мы зашли в закусочную. Сегодня вечером была смена Пейдж.

– Дайте угадаю, – засмеялась она. – Шоколадные молочные коктейли на всех? Могу выбить особое предложение «два по цене одного». – Она мне подмигнула, и мы все кивнули.

– Можно еще картошку фри? – добавил Исайя.

Пейдж закатила глаза, но от нашего столика отошла, улыбаясь.

Наш столик – худший из всех, потому что мусора после нас остается много, а чаевых не очень, – но Пейдж ни на что не жалуется, говорит, ей нравится видеть веселую Энди. Сегодня, правда, она отобрала у Исайи кетчуп до того, как он выдавил полбутылки.

– Слушай, Энди, – окликнула меня Пейдж, когда мы собирались уходить. – Я сегодня приду поздно. Мы встречаемся с ребятами из

колледжа, чтобы позаниматься.

Исайя хмыкнул:

– Работа и учеба вечером пятницы? Осторожнее, Пейдж, а не то превратишься в меня!

Я ткнула парня локтем в бок, а Пейдж рассмеялась.

Пейдж ходит на лекции в местном двухгодичном колледже. Подавать документы куда-нибудь еще было уже поздно, зато там есть команда по бегу, и Пейдж хочет в нее записаться. Тренер из старшей школы сказал, что если она постарается, то в будущем году ей удастся поступить в какой-нибудь другой колледж со стипендией. Папа говорит, что стипендия ей не нужна. Оказывается, на учебу Пейдж давно были отложены средства, и деньги за страховку папа не просадил – он всего лишь отрешился от мира на какое-то время. Сбегал от жизни в казино. Там ничего не напоминало ему о маме, о том, что ее больше нет. Для игры в покер требовалась сосредоточенность. Кроме того, папа наивно полагал, что после проигрыша следует продолжать игру, потому что рано или поздно обязательно выиграешь и получишь все назад. «Когда у тебя зависимость, твой разум прибегает к удивительным хитростям», – объяснил мне папа. Он все еще ходит на встречи анонимных азартных игроков, и они помогают ему распознавать эти хитрости, прежде чем они одержат над ним верх.

Скорее всего, на следующий год Пейдж от нас съедет, и мне будет страшно ее не хватать, но она поступает правильно. Именно этого хотела наша мама.

– Ты бы поспешила, – напомнила мне Пейдж. – А то папа начнет беспокоиться.

После того как папа забрал меня из школы и мы обсудили все, что я сделала, Пейдж два дня со мной не разговаривала. Я ужасно боялась, что сестра больше никогда со мной не заговорит. Но на третий день она зашла ко мне в комнату, вернувшись со смены в забегаловке. Я лежала в кровати, накрытая с ног до головы, читала и даже не заметила, как дверь открылась. Пейдж приподняла одеяло и скользнула ко мне.

Она посмотрела на блокнот, который я держала в руках:

– Это мамин?..

Я кивнула.

– Почему ты его читаешь под одеялом?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Так лучше... Надежнее.

Пейдж сощурилась, но затем спросила:

– Почитаешь мне вслух?

Много мы не прочли, потому что вскоре обе расплакались, но начало было положено, и отношения между нами наладились.

* * *

Я остановилась в проходе, и Джизела потянула меня за руку.

– До скорого! – крикнула я Пейдж.

Она улыбнулась. Широко. Я так рада, что папа был прав: сестра и правда меня простила.

Конечно, не всегда все у нас гладко. Наверное, никогда и не будет, но жизнь безупречной не бывает. Папа удержался на новом месте работы, но выпадают у него и неудачные дни, когда он даже не вылезает из кровати. Порой и со мной такое случается. Тогда я читаю – каждый дневник мамы перечитала уже по сотне раз. Пейдж тоже приходит в себя, но когда в прошлом месяце папа пошел на свидание, она выбежала из дому, хлопая дверями и браня его на чем свет стоит.

Мы все еще не избавились от наших переживаний. Но теперь готовы обсуждать их друг с другом или даже ссориться, так что, по крайней мере, все о них знают.

Все эти месяцы я мечтала вернуться к обычной жизни. Ничто не станет таким, как прежде, и мне всегда будет хотеться, чтобы все было иначе, как если бы мама не умерла. Я больше не замечаю от нее посланий, хотя по-прежнему их ищу. Но теперь мама стала к нам ближе. Мы говорим о ней. Вспоминаем. Иногда мне кажется, что я поступила правильно. Конечно, некрасиво по отношению к папе и Пейдж, но, возможно, нам требовалось поверить в мамино привидение, чтобы избавиться от нависшего над нами призрака.

Благодарности

В детстве я частенько составляла списки своих целей в жизни и всегда отводила первое место задаче «стать писателем». Теперь я выражаю благодарность всем тем, кто сыграл важную роль в воплощении моей детской мечты.

Мой литературный агент, Дженнифер Линнан, моя героиня. Догадывается ли она, как глупо я выглядела, прыгая по своему офису в тот день, когда мне пришло письмо с предложением сотрудничества. Я и сейчас готова плясать от счастья, потому что знаю: она всегда на моей стороне и верит в мой талант писателя, пожалуй, больше меня самой.

Мне повезло не только с агентом. Вселенная одарила меня дотошным, но мягким редактором. К счастью, Адриенна Шпирка, в отличие от меня, внимательно относится к деталям и при этом искренне любит моих персонажей, а это я в ней очень высоко ценю. Спасибо всем сотрудникам издательства «Sky Pony Press» за ответственное отношение к моему труду и эту изумительную обложку!

Моя книга не появилась бы на свет, если бы не замечательное общество фанатов комиксов о вампирах. Несмотря на детские мечты, до увлечения этой серией я не написала ни единого слова. Чудесная Хизер – мы с ней часто работали в соавторстве – показала мне, как это весело – творить. Я понятия не имела, что именно творю, но наше сотрудничество придавало мне сил. А читатели, господи, читатели стали моими настоящими друзьями и всегда самозабвенно меня поддерживали. Стэйси, Эллисон, Люси, Кэти, Хизер С. и многие другие, знайте: я храню вас в своем сердце. Бэтгерлы – вместе навсегда!

Я росла как писатель за счет отзывов читателей, критики и предложений, а также постоянной поддержки участников самых разных творческих сообществ. Спасибо интернет-университету «Писательский городок» и группе критиков «SCBWI-WI», которые вычитывали мои произведения и постоянно их улучшали. Спасибо Джесси за поддержку и ободрение в этот долгий период.

Эта книга в первую очередь о семье и друзьях. Без них она была бы неполной, и вся история моей жизни прекрасна лишь благодаря Жанне, Дарле и Рэйчел. Они всегда рядом, когда я в них нуждаюсь.

Искреннее спасибо моим родителям. Вы подарили мне жизнь, полную

возможностей. Мой мир кипит любознательностью и толерантностью именно благодаря вам. Я продолжала стремиться к своей мечте, потому что вы знали, когда сказать «нет», а когда лучше мне не мешать. На обложке с тем же успехом могли стоять ваши имена.

Спасибо моим детям за их терпение. Им часто приходилось слышать: «Подождите минутку, я занята», когда меня увлекал творческий процесс. Порой я вдохновляюсь эпизодами из их жизни, за что прошу прощения и передаю им свои благодарности. Говорят, издать книгу – это все равно что родить. Я счастлива, что могу поделиться своей историей с миром, но все-таки большую гордость испытываю за своих дочерей – Грэйс и Фэйт.

Если вы еще не закрыли эту книгу, прочитайте мое признание: я отчасти люблю держать все под контролем, почти как мама Энди. И больше всего от этого страдает мой любимый муж, Билл. Спасибо за то, что терпишь все мои проекты, планы, расписания и книжные мечты, да и вообще мою безумную, полную событий жизнь.

Об авторе

Триша Клесен работает профессором по коммуникации в колледже. Она – соредактор книги «Гендерные различия: анализ значения половых ролей в молодежной и детской литературе» и автор нескольких глав, посвященных полу в современной молодежной литературе. Она живет в ужасно холодном штате Висконсин с мужем, двумя дочками, своими родителями и небольшим зоопарком. Почти все время проводит с детьми, сопровождая их на танцы, стирая блестки с пола на кухне и мечтая о путешествиях в теплые места.